

ISSN 2305-5146

НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

ВОРОНЕЖСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИТЕКТУРНО-СТРОИТЕЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия:

**«Лингвистика и межкультурная
коммуникация»**

- Лингвистика
- Методика преподавания языков
- Аспекты изучения художественного текста
- Межкультурная коммуникация
- Лингвокультурология
- Концептология

Выпуск № 14, 2014 г.

УДК 800 : 37

ISSN 2305-5146

ББК 81

Редакционный совет Научного вестника Воронежского ГАСУ:

Проскурин Д.К., канд. физ.-мат. наук, доц.;

Рудаков О.Б., д-р хим. наук, проф.;

Суровцев И.С., д-р техн. наук, проф.

Редакционная коллегия серии:

Ковалева Л.В. - д-р фил. наук, проф., зав. кафедрой русского языка и межкультурной коммуникации Воронежского ГАСУ, Почетный работник высшего профессионального образования РФ (главный редактор);

Лапынина Н.Н. - канд. фил. наук, проф. кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Воронежского ГАСУ (зам. главного редактора), Почетный работник высшего профессионального образования РФ, член РОПРЯЛ;

Кольцова Л.М. - д-р фил. наук, проф., зав. кафедрой русского языка ВГУ, член РОПРЯЛ;

Клобукова Л.П. - д-р пед. наук, проф., зав. кафедрой русского языка для иностранных учащихся гуманитарных факультетов МГУ им. Ломоносова, действительный академик Международной академии наук педагогического образования, вице-президент РОПРЯЛ;

Томтогтох Гомбо - д-р Ph.D, проф., ведущий проф. отделения азиатских языков Института прикладной лингвистики Монгольского Государственного Университета науки и технологии (МГУНТ), член МАПРЯЛ, член ученого совета МГУНТ, член Ученого совета по защите докторских (Ph.D) диссертаций лингвистических наук;

Оглядыкова Л.Б. - д-р фил. наук, проф. кафедры русского языка и общего языкознания Калмыцкого государственного университета;

Белякова С.М. - д-р фил. наук, проф. кафедры общего языкознания Тюменского государственного университета;

Коростылева Н.Н. – д-р социологических наук, проф. кафедры государственной службы и кадровой политики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации;

Намакштанская И.Е. – канд. фил. наук, проф., зав. кафедрой прикладной лингвистики и этнологии ДонНАСА;

Бугакова Н.Б. – канд. фил. наук, доц. кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Воронежского ГАСУ;

Воронова Т.А. – канд. фил. наук, доц. кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Воронежского ГАСУ;

Сулемина О.В. – канд. фил. наук, ст. преп. кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Воронежского ГАСУ (отв. секретарь).

В серии «Лингвистика и межкультурная коммуникация» Научного вестника опубликованы результаты научных исследований учёных, докторантов, аспирантов и соискателей по проблемам лингвистики, методики преподавания языков, литературоведения, лингвокультурологии, межкультурной коммуникации, концептологии и т.д.

Серия предназначена для научных работников, специалистов-практиков, аспирантов, соискателей, студентов, а также может быть интересна всем тем, кто интересуется проблемами современной лингвистической науки, межкультурной коммуникации, литературоведением и методикой преподавания языков в вузе и школе.

Адрес редакции:
394006, г. Воронеж, ул.20-летия Октября,
д. 84, комн. 5203
тел: (473) 271-50-48

© Воронежский ГАСУ, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Ковалева Л.В. Вступительное слово главного редактора серии.....</i>	4
--	---

Лингвистика

Скуридина С.А. Ветхозаветные и Новозаветные фоновые онимы в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы».....	6
Кудрявцева Т.Ю. Конструирование смыслов: к интерпретации средств акцентуации деепричастного оборота.....	11
Патоцка-Сигловы У. Механизм политических выступлений президента Владимира Путина (на материале послания от 25 апреля 2005 года).....	17
Недоступова Л.В. Фонетические и морфологические особенности одного говора (на примере речи жителей поселка Высокий Таловского района Воронежской области).....	25
Матей И.К. Место языка православных верующих в системе национального русского языка.....	30
Воронова Т.А. О некоторых особенностях обращения в современном русском языке.....	37

Методика преподавания языков

Левченко В.Н., Загоруйко Т.И. Личностно-ориентированный подход в преподавании общинженерных и специальных дисциплин.....	41
Гревцева В.Ф. Развитие межкультурной компетенции студентов на основе активных форм обучения.....	49
Новикова О.В., Сычева Л.В. Некоторые приемы оптимизации процесса обучения иностранцев русскому языку (из опыта работы на подготовительном факультете).....	54

Аспекты изучения художественного текста

Жесткова Е.А. О мирозерцательных основах поэзии А. Блока.....	61
Куркина Т.Н. Грех в трагедии А.С. Пушкина «Борис	72

Годунов».....					
Первалова С.Г. Картина французского средневекового общества в старофранцузском животном эпосе			«Роман	о	77
Лисе».....					
Токарева Н.В. Категория «мечты» в лицейской лирике А.С. Пушкина.....					83

Межкультурная коммуникация

Сухомлина Т.А. Семантика формы FUTURE в английском языке.....					88
Плотницкий Ю.Е. Типологические характеристики текстов англоязычного готического рока.....					93

Лингвокультурология

Овруцкий А.В. Разработка логотипа на основе технологии пространственно-временной семантики (ПВС).....					10
.....					1
Воронцова Е.А. Культурологические особенности восприятия текстов русской, английской и испанской печатной рекламы.....					10
.....					9

Концептология

Бугакова Н.Б. Особенности авторского восприятия ключевых образов в эпосе И.С. Шмелева «Солнце мертвых».....					11
.....					7
.....					
Правила оформления статей в Научном Вестнике.....					12
.....					2

Вступительное слово главного редактора серии «Лингвистика и межкультурная коммуникация»

Предлагаем вниманию читателей четырнадцатый выпуск серии «Лингвистика и межкультурная коммуникация» Научного вестника Воронежского государственного архитектурно-строительного университета, подготовленный сотрудниками кафедры русского языка и межкультурной коммуникации. В выпуске представлены статьи, посвященные актуальным проблемам современной лингвистики и межкультурной коммуникации, практическим лингвистическим и литературоведческим исследованиям.

Авторы выпуска – доктора, кандидаты наук российские и зарубежные ученые, а также молодые ученые (аспиранты). Данный выпуск содержит работы:

Выпуск состоит из шести разделов: I – «Лингвистика», II – «Лингвистика языков», III – «Аспекты изучения художественного текста», IV – «Межкультурная коммуникация», V – «Лингвокультурология», VI – «Концептология».

В разделе «Лингвистика» представлены результаты исследований современного языкознания. В них рассматриваются проблемы синтаксиса (Кудрявцева Т.Ю.), коммуникативные стратегии и особенности обращения в современном русском языке (Сидорова Е.В.), внимание вопросам диалектологии (Недоступова Л.В.), лингвистика православных верующих в системе национального языка (Матвеева Е.В.).

Во втором разделе – «Методика преподавания языков» – представлены работы, посвященные личностно-ориентированному подходу в преподавании (Левченко В.Н., Загоруйко Т.И.), применению новых методов в обучении русскому языку как иностранному (Новикова О.В., Сычева Л.В.), формированию межкультурной компетенции студентов (Гревцева В.Ф.).

Раздел «Аспекты изучения художественного текста» включает статьи, связанные с особенностями авторской картины мира в художественном тексте. Это работы Жестковой Е.А., Куркиной Т.Н., Переваловой С.Г., Токаревой Н.В.

Четвертый раздел – «Межкультурная коммуникация» – посвящен некоторым особенностям английского языка. Здесь рассматривается семантика будущего времени в английском языке (Сухомлина Т.А.) и типологические характеристики текстов англоязычного готического рока (Плотницкий Ю.Е.).

Пятый раздел – «Лингвокультурология» – связан с исследованием рекламных текстов. Статья Овруцкого А.В. посвящена специфике разработки логотипов, в работе Воронцовой Е.А. представлен сравнительный анализ культурологических особенностей восприятия русской, английской и испанской печатной рекламы.

Шестой раздел – «Концептология» – представлен статьей Бугаковой Н.Б., в которой рассматриваются особенности авторского восприятия ключевых образов в романе И.С. Шмелева «Солнце мертвых».

Содержащиеся в четырнадцатом выпуске серии научные работы охватывают широкий спектр проблем современной лингвистики, методики преподавания языков, межкультурной коммуникации, лингвокультурологии и изучения языка художественных текстов.

Считаем, что данная серия будет интересна и полезна для специалистов-филологов, преподавателей русского языка как иностранного, литературоведов, аспирантов.

Главный редактор серии
доктор филологических наук, профессор,
зав. кафедрой русского языка и
межкультурной коммуникации
Воронежского ГАСУ,
Почетный работник высшего
профессионального образования РФ

ЛИНГВИСТИКА **LINGUISTICS**

УДК 82.09

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет *Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering*
Канд. филол. наук, ст. преп. кафедры русского языка и межкультурной коммуникации *The chair of Russian language and cross-cultural communication,*
Скуридина С.А. *PhD, senior lecturer*
Россия, г. Воронеж, тел. +7(473)71-50-48 *Russia, Voronezh, tel. +7(473)271-50-48;*
e-mail: saskuridina@ya.ru *e-mail: saskuridina@ya.ru*

С.А. Скуридина

ВЕТХОЗАВЕТНЫЕ И НОВОЗАВЕТНЫЕ ФОНОВЫЕ ОНИМЫ В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»

В статье рассматриваются ветхозаветные и новозаветные фоновые онимы, используемые Ф.М.Достоевским в романе «Братья Карамазовы».

Ключевые слова: ономастика, фоновые онимы, Ф.М.Достоевский.

S.A. Skuridina

OLD TESTAMENT AND NEW TESTAMENT BACKGROUND ONYMS IN THE NOVEL «THE KARAMAZOV BROTHERS» BY F.M. DOSTOEVSKY

The article sites Old Testament and New Testament background onyms in the novel «The Karamazov brothers» by F.M. Dostoevsky.

Keywords: onomastics, background onyms, F.M. Dostoevsky.

Антропонимы, используемые Ф.М.Достоевским для обозначения главных героев, давно интересуют исследователей, другие же ономастические единицы до сих пор остаются малоизученными, особенно это касается фоновых онимов.

Большое количество ветхозаветных и новозаветных фоновых онимов в романе обусловлено спецификой романа, героями которого являются не только светские – безусловно, знакомые с христианской культурой, – но и духовные лица.

О многих библейских персонажах (*Авраам, Сарра, Исаак, Ревекка, Иаков, Лаван*) советует читать Зосима [1, т. 14; с. 266].

В учении старца Зосимы содержатся следующие рекомендации: «Не забудьте тоже притчи Господни, преимущественно по Евангелию от Луки <...>, а потом из «Деяний апостольских» обращение Савл а<...>, а наконец, и из «Четвы-Миней» хотя бы житие Алексея человека Божия и великой из великих радостной страдальицы, боговидицы и христоносицы матери Марии Египтяныни...» [1, т. 14; с. 264]. Комментарии к роману рассказывают о жизни Марии Египетской [1, т. 15; с. 566]. Вероятно, введение данных имен в роман обусловлено схожестью судеб героев романа и этих святых: Грушенька, сливающая блудницей, очищается, поверив в искреннюю любовь Алеши к людям, и готова

разделить страдание, выпавшее Мите Карамазову; Алешу Митя Карамазов прямо называет Божьим человеком. Имена святых из наставлений Зосимы, связанные с героями романа, подтверждают мнение о Зосиме как о провидце человеческих судеб.

Образок *Варвары-великомученицы* надевает Мите г-жа Хохлакова: «Это был крошечный серебряный образок на шнурке, из тех, какие носят иногда вместе с нательным крестом.

– Это из Киева, Дмитрий Федорович, – с благоговением продолжала она, – от мощей Варвары-великомученицы. Позвольте мне самой вам надеть на шею и тем благословить вас на добрую жизнь и на новые подвиги» [1, т. 15; с. 349].

Варвара-великомученица считается заступницей страдающих от огня и на море [1, т. 15, с. 574]. На наш взгляд, благословение образом святой выполняет ту же функцию в романе, что и поклон Зосимы Мите: предсказывает читателю великие страдания, на которые обречен Митя (не случайно в приведенной цитате содержится слово *крест*, коннотативное значение которого – «судьба, страдания»).

Антропонимы *Адам* и *Ева* используется для обозначения далекого прошлого: «все одно продолжают бить, как и при Адаме и Еве-с» [1, т.15; с. 53].

Безусловно, для человека, находящегося в контексте христианской культуры, велико значение образов *Иисус Христа* и *Богородицы*. Роман «Братья Карамазовы» открывается эпиграфом, в котором звучат слова Христа: «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода» (Ев. от Иоанна, 12:24). Ф.М. Достоевский как бы программирует читательское восприятие, которое непременно должно быть связано с образом Христа.

Имя Иисуса Христа возникает в романе, проецируясь на прошлое, настоящее и будущее. Отец Паисий в дискуссии о книге Ивана говорит: «Господь наш Иисус Христос именно приходил установить церковь на земле» [1, т. 14; с. 57]. Как видим, прошлое мыслится как время посещения земли Спасителем. Настоящее в романе для немногих также осенено именем Христа, звучащим в устойчивых оборотах, употребляемых при благословлении: «С тобой Христос. Сохрани Его и тебя сохранит», – так начинает Зосима свое пророчество о предстоящих Алеше исканиях [1, т. 14; с. 72]; «Ну теперь ступайте, Христос с вами!» – так провожает Алешу [1, т. 14; с. 201]. Алеша Карамазов в своих грезах не мыслит жизни без Христа: «...будут все как дети Божии и наступит настоящее царство Христово» [1, т. 14; с. 29].

Как видим, именем Христа благословенна жизнь верующих героев романа. Но, кроме героев, живущих во Христе, о Спасителе рассуждают и те действующие лица, которые сомневаются в его существовании или отрекаются от него. Смердяков, выслушав рассказ Григория о солдате, претерпевшем мучения и принявшем смерть, но не перешедшем в ислам, объявляет, «что если этот похвальный солдат был и очень велик-с, то никакого опять-таки, по моему, не было бы греха и в том, если б и отказаться при этой случайности от Христова, примерно, имени и от собственного крещения своего, чтобы спасти тем самым свою жизнь для добрых дел, коими в течение лет и искупить малодушие» [1, т. 14; с. 119]. Иван Карамазов считает, что «Христова любовь к людям есть в своем роде невозможное на земле чудо» [1, т. 14; с. 216]. Вера и неверие в Христа означают в романе веру и неверие в Бога, так как «вместо Бога как трансцендентального существа, Бог Достоевского есть воплощенный Сын Божий, с которым можно разговаривать» [4; с. 74].

В беседах и поучениях старца Зосимы есть рассуждение о том, что «неустанно еще верует народ наш в правду, Бога признает, умиленно плачет», но «не то у высших. Те вослед науке хотят устроиться справедливо одним умом своим, но уже без Христа, как прежде, и уже провозгласили, что нет преступления, нет уже греха. Да оно и правильно поихнему: ибо если нет у тебя Бога, то какое же тогда преступление?» [1, т. 14; с. 286]. По мысли Зосимы, отречение от Христа грозит тем, что люди «зальют мир кровью, ибо кровь зовет кровь» [1, т. 14; с. 288]. А Иван Карамазов как раз и рисует картину мира, который покинут Богом, в главе «Великий инквизитор». Зосима видит спасение России и мира в братстве: «Были бы братья, будет и братство, а раньше братства никогда не разделятся.

Образ Христов храни, и воссияет как драгоценный алмаз всему миру...» [1, т. 14; с. 287]. Не случайно и роман называется «*Братья Карамазовы*», герои которого – братья, негативно или позитивно воспринимающие Христово слово, отмеченные схожестью или различием с образом Христа.

Как утверждают многие исследователи, образ Алеши несет в черты образа Сына Божия. Д.Э. Томпсон отмечает это, начиная со сцены, когда Софья Ивановна протягивает маленького Алешу «к образу как бы под покров Богородице...» [1, т. 14; с. 18] [4; с. 86-87]. Образу Алеши, соотносимому с Христом-младенцем, противопоставлен в романе образ младенца, соотносимому с Антихристом – образ Смердякова, рожденного от «бесова сына». Кроме того, противопоставлен Христос-Алеша и Ракитину, фамилия которого ассоциативно соотносится с именем Иуды, да и сам Ракитин проводит многозначительную параллель: «Да ведь ты не Христос, а я не Иуда» [1, т. 14; с. 325]. Наконец, название Алеши князем [1, т. 14; с. 314-316], отмеченное Д.Э.Томпсоном, вновь вызывает исследуемую параллель *Христос – Алеша* [4; с. 300]. В связи с этим вспоминается название Мышкина в романе «Идиот» – *князь Христос*.

Соотнесение Алеши с образом Христа имеет давнюю традицию. Однако с образом Христа соотносится и образ Мити, обреченного на страдание. Д.Э.Томпсон рассматривает Иисуса Христа как центральную фигуру в системе поэтики памяти [4; с. 264-305].

Особое понимание Иисуса Христа у Коли Красоткина. Беседуя с Алешей Карамазовым, он говорит об Иисусе Христе: «Это была вполне гуманная личность, и живи Он в наше время, Он бы прямо примкнул к революционерам и, может быть, играл бы видную роль... Это даже непременно» [1, т.14; с. 500-501]. В своих убеждениях Коля Красоткин ссылается на авторитет Белинского.

Именем Христа в романе проверяются намерения героев. Человек, отрекающийся от имени Сына Божия, способен на любые преступления (Смердяков и Иван). Людям, верящим во Христа, в будущее Христово царство, отводится функция спасения мира, объединения его в братство Христово, где, если перефразировать знаменитые слова романа, каждый будет сторожем брату своему.

Образ Богородицы вводится в роман в уже упоминаемой нами сцене определения Алеши под покров Богородицы. Богородица – это Mater Dolorosa (Скорбящая Богоматерь), обнимающая крест, на котором распят ее сын [1, т.14; с. 37]. Образ Скорбящей Богоматери, а не какой-либо другой, обусловлен теми характеристиками мира, в котором живут герои романа: это мир в преддверии катастрофы, мир, в котором нет духовного единства, мир, где вера уступает безверию.

Не мог не упомянуть Ф.М.Достоевский любимую им книгу *Иова*, которую любил читать Григорий [1, т.14; с. 89]. В письме жене от 10 (22) июня 1875 г. Ф.М. Достоевский рассказывает: «Читаю книгу Иова, и она приводит меня в болезненный восторг: бросаю читать и хожу по часу в комнате, чуть не плача. <...> Эта книга, Аня, – странно это – одна из первых, которая поразила меня в жизни, я был еще тогда почти младенцем!» [1, т.29, кн.2; с. 43]. По мнению С.Л. Шаракова, «образ праведного Иова служит развитием темы верности» [5; с. 396].

В романе «Братья Карамазовы», где один брат предает другого, не могло не возникнуть имя первого братоубийцы *Каина*. Иван Карамазов, не желая оставаться больше у Федора Павловича, решает уехать и говорит Алеше, обеспокоенному конфликтом отца и Мити: «Сторож я, что ли, моему брату Дмитрию? <...> Каинов ответ Богу об убитом брате, а?» [1, т.14; с. 211]. Иван приводит слова, которые Каин сказал Богу, когда убил Авеля (Бытие, 4:4).

Мадонна, идеал *Содомский* – символы, используемые для называния добра и зла, нравственной красоты и безобразия [1, т.15; с. 543].

Женщину, плачущую по сыну Алеше, старец Зосима сравнивает с «древней *Рахилью*», как бы обобщая материнские страдания в образе «верующей бабы», пришедшей в монастырь: «Это древняя «Рахиль плачет о детях своих и не может утешиться, потому что их нет», и таковой вам, матерям, предел на земле положен» [1, т.14; с. 46]. Обобщенный образ Рахили-матери, оплакивающей своих детей, содержится у пророка Иеремии и у евангелиста Матфея: «Иеремиа, изображая бедствия и пленение Иудеев,

представляет Рахиль как праматерь Израильтян, осиротевшую и безутешно плачущую о сынах своих, ибо их не стало» (Иер., XXXI, 15). Евангелист Матфей, указывая в этом печальном событии образ другого печального события, а именно избиение Иродом вифлеемских младенцев, повторяет слова пророка, применяя их к настоящему событию, – дети Вифлеемские принадлежали к потомству Рахили, и она, как мать их, безутешно плачет, потому что их нет» (Мф., II, 18) [2; с. 599]. А.Г. Достоевская говорит, что слова Рахили ее муж слышал в Оптиной пустыни из уст старца Амвросия [3; с. 67].

Вавилонская башня выступает символом безверия людей. Великий инквизитор, беседуя с Христом, говорит: «На месте храма твоего воздвигнется новое здание, воздвигнется вновь страшная Вавилонская башня, и хотя и эта не достроится, как и прежняя, но все же ты бы мог избежать этой новой башни и на тысячу лет сократить страдания людей, ибо к нам же ведь придут они, промучившись тысячу лет со своею башней!» [1, т.14; с. 235].

Святодух – слово, созданное Ферапонтом, по значению не совпадающее со словосочетанием Святой Дух: «То святой дух, а то Святодух. Святодух иное, тот может и другой птицею снизойти: ино ласточкой, ино щеглом, а ино и синицею» [1, т.14; с. 154]. Последние слова противопоставляют Святодуха Святому Духу по форме своего проявления: Святой Дух слетает в виде голубя, а Святодух любой птицей.

Наряду с библейским онимами в романе встречаются онимы духовных лиц, являющихся представителями разных христианских конфессий.

Повествуя о старчестве, рассказчик говорит, что возрождено оно было «у нас опять с конца прошлого столетия одним из великих подвижников (как называют его) *Паусием Величковским* и учениками его...» [1, т.14; с. 26]. Ф.М. Достоевский знал о жизни этого подвижника из книги Парфения («Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой земле постриженника Святой горы Афонской инока Парфения»), которая была у писателя [3; с. 44].

Имя папы *Григорий Седьмой* выступает для обозначения крайне радикальных взглядов. Связано это с деятельностью папы Григория Седьмого, считавшего, что церковь должна стоять выше государства. О философской доктрине Ивана Карамазова Миусов говорит: «Это папе Григорию Седьмому не мерещилось!» [1, т.14; с. 61].

Рассказав легенду о Великом инквизиторе, Иван говорит Алеше: «Ну иди теперь к твоему Pater Seraficus, ведь он умирает...» [1, т.14; с. 241]. Словосочетание привлекает внимание Алеши: «Pater Seraficus» – это имя он откуда-то взял – откуда? – промелькнуло у Алеши. – Иван, бедный Иван, и когда же я теперь тебя увижу... Вот и скит, Господи! Да, да, это он, это Pater Seraficus, он спасет меня... от него и навеки!» [1, т.14; с. 241]. По свидетельству ученых, Pater Seraficus восходит к заключительной сцене трагедии Гете «Фауст». Следует учесть, однако, что Pater'ом Seraficus'ом именуют Франциска Ассизского (1181 или 1182-1226). Он, как повествует его житие, после продолжительного уединения и поста увидел серафима, который нанес ему раны, подобные крестным ранам Христа (отсюда: Seraficus – серафический). В устах Ивана слова «Pater Seraficus» прежде всего – выражение почтения по отношению к своему противнику, старцу Зосиме. В то же время они свидетельствуют о том, что для западника Ивана нет разницы между католицизмом и православием [1, т.15; с. 564].

Имя *Иоанна Милостивого* упоминается в главе «Бунт» в связи с раздумьями Ивана Карамазова о любви человека к другому человеку: «Я читал вот как-то и где-то про «Иоанна Милостивого» (одного святого), что он, когда к нему пришел голодный и обмерзший прохожий и попросил согреть его, лег с ним вместе в постель, обнял его и начал дышать в гноящийся и зловонный от какой-то ужасной болезни рот его. Я убежден, что он это сделал с надрывом лжи, из-за натащенной на себя эпитимьи» [1, т.14; с. 215]. История, рассказанная Иваном Карамазовым, касается не Иоанна Милостивого, а Юлиана Милостивого. По мнению комментаторов, называя вместо Юлиана имя Иоанн, Иван побуждает читателя сопоставить некоторые факты из жития Юлиана с событиями, разыгравшимися в романе в дальнейшем: самый страшный грех, который совершил святой и который всю жизнь потом старался искупить, был грех отцеубийства [1, т.15; с. 551].

Имя христианского подвижника *Исаака Сирина* на страницах романа возникает несколько раз. Характеризуя слугу Григория, рассказчик сообщает что он «добыл откуда-то список слов и проповедей «богоносного отца нашего Исаака Сирина», читал его упорно и многолетно, почти ровно ничего не понимал в нем, но за это-то, может быть, наиболее ценил и любил эту книгу» [1, т.14; с. 89]. Книгу Исаака Сирина держит у себя Смердяков. Знаменательно, что деньги, данные Смердяковым во время его рассказа Ивану о преступлении, накрываются книгой с названием «Святого отца нашего Исаака Сирина слова»: Иван Федорович успел машинально прочесть заглавие» [1, т.15; с. 61]. Исааку Сирину принадлежат следующие слова, приводимые в комментариях: «Нет греха непростительного – кроме греха нераскаянного» (Исаак Сирин. Слова подвижнические. М., 1858, с.12) [1, т.15; с. 533]. Многие ученые считают, что книга Исаака Сирина не случайно есть у Смердякова: этот подвижник молился за всех, включая бесов. Смердяков как будто бы надеялся, что и за него, самоубийцу, кто-нибудь будет молиться.

Ветхий Завет упоминается в качестве источника драматических представлений, разыгрываемых в «допетровскую старину» [1, т.14; с. 225].

Евангелие от Луки – одно из канонических Евангелий. Оно содержит большее, в сравнении с другими, количество притч. Некоторые притчи легли в основу сюжета романа, например, притча о дележе наследства [1, т.14; с. 566].

Ферапонт у тела старца Зосимы говорит: «Над ним завтра «Помощника и покровителя» станут петь – канон преславный, а надо мною, когда подохну, всего-то лишь «Кая житейская сладость» – стихирчик малый» [1, т.14; с. 303]. Ф.М. Достоевский сам комментирует слова Ферапонта: «При выносе тела (из келии в церковь и после отпевания из церкви на кладбище) монаха и схимонаха поются стихиры «Кая житейская сладость...». Если же почивший был иеросхимонахом, то поют канон «Помощник и покровитель»...» [1, т.14; с. 303].

По книге «*Сто четыре священные истории ветхого и нового завета*» учился читать не только Зосима [1, т.14; с. 264], но и сам Ф.М. Достоевский [3; с. 68].

Таким образом, ветхозаветные и новозаветные онимы, являющиеся фоновыми, отражают специфику романа, герои которого проповедуют, избирают «жизнь во Христе» (Алеша и Митя Карамазовы) или же отказываются от нее (Смердяков).

Библиографический список

1. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30-ти тт. Л.: Наука, 1972–1988.
2. Библейская энциклопедия / Труд и изд. Архимандрита Никифора. М., 1891.
3. Гроссман Л.П. Семинарий по Достоевскому. Материалы, библиография и комментарии. М., 1923.
4. Томпсон Д.Э. «Братья Карамазовы» и поэтика памяти / Д.Э.Томпсон; пер. с англ. Н.М.Жутовской и Е.М.Видре. СПб: Академический проект, 2000. 344с. (Серия «Современная западная русистика», т. 28).
5. Шараков С.Л. Идея спасения в романе Ф.М.Достоевского «Братья Карамазовы» // Евангельский текст в русской литературе XVIII-XX веков: Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: Сб. науч. тр. / Петрозавод.гос.ун-т; отв.ред. В.Н. Захаров. Вып.3. Петрозаводск, 2001. (Проблемы исторической поэтики; Вып. 6).

References

1. Dostoevsky F.M. Completed works: In 30 vol. L.: 1972–1988.
2. Biblical encyclopedia / Ed. by [archimandrite](#) Nikephoros. M., 1891.
3. Grossman L.P. Seminar on Dostoevsky. Material, biography and comments. M.: 1923.
4. Thompsom D.E. «The Karamazov brothers» and memory poetics. SPb.: 2000. 344 p.
5. Sharakov S.L. The idea of salvation in the novel «The Karamazov brothers» // Gospel text in Russian literature of 18-20 cent.: quotation, allusions, motives, plot, genre. Vol. 3. Petrozavodsk, 2001.

УДК 811.161.1'36

ФГБОУ государственный университет» Аспирант кафедры русского языка Кудрявцева Т.Ю. Россия, г. Воронеж, тел. 8-906-670-12-51 e-mail: tatiana-k2304@yandex.ru	ВПО «Воронежский Voronezh State University Post-graduate Student of Department of Russian Language Kudriavtseva T.Y. Russia, Voronezh, tel. 8-906-670-12-51 e-mail: tatiana-k2304@yandex.ru
---	---

Т.Ю. Кудрявцева

КОНСТРУИРОВАНИЕ СМЫСЛОВ: К ИНТЕРПРЕТАЦИИ СРЕДСТВ АКЦЕНТУАЦИИ ДЕЕПРИЧАСТНОГО ОБОРОТА

Статья содержит обзор пунктуационно-графических средств акцентуации одиночных деепричастий и деепричастных оборотов в высказываниях, передаваемых на письме сложными предложениями, а также комплексом прямой речи. Выявлены условия употребления, особенности функционирования и семантика знаков препинания, их роль в организации высказывания, один из компонентов которого представлен конструкцией с деепричастием.

Ключевые слова: деепричастие, деепричастный оборот, пунктуационно-графические средства акцентуации, актуальное членение, рема второй степени, высказывание.

T.Y. Kudriavtseva

MEANING CONSTRUCTING TO INTERPRETATION OF RESOURCES OF PARTICIPAL LOCUTION ACCENTUATION

This article contains an overview of punctuation and graphic means of accentuation of single adverbial participles and adverbial-participial locutions in the statements transmitted in writing complex sentences, as well as the complex direct speech. The conditions for the use, operation and features of the semantics of punctuation marks, their role in the organization of utterances, one component of which is represented by the design with a gerund.

Keywords: gerund, participial locution, punctuation and graphical means of accentuation, actual division, second degree rem, statement.

Вопросы, касающиеся обособления деепричастного оборота, довольно широко представлены в современной учебной и научной литературе (А.М. Пешковский, А.Б. Шапиро, Н.С. Валгина, О.Б. Сиротина, В.В. Бабайцева и др.) [3]. Однако освещаются они, главным образом, с позиций структурного синтаксиса. И кроме того, в подавляющем большинстве случаев ученые сосредоточивают свое внимание на рассмотрении правил, обуславливающих функционирование деепричастных конструкций в предложениях, которые отражают на письме простые высказывания. При этом остаются неохваченными целые речевые комплексы, способные вмещать в себя в качестве одного из членов деепричастный оборот. Продолжая исследование средств, способов и приемов графической репрезентации структур с деепричастием с позиций номинативно-прагматической парадигмы современного научного знания [2], в данной статье мы рассмотрим особенности акцентуации представленных деепричастием (деепричастным оборотом) компонентов актуального членения в составе сложноорганизованного высказывания.

Актуальное членение «является показателем того, как включается данное предложение в ту или иную реальную и речевую ситуацию» [4]. Всякое высказывание, в соответствии с теорией актуального членения, состоит из уже известного – темы и нового – ремы. Компоненты актуального членения, не будучи напрямую связаны с грамматическими членами предложения, образуют с ними диалектическое единство. Поэтому, рассматривая особенности развертывания смыслов в конструкциях, содержащих деепричастие, мы с необходимостью учитываем структуру предложения и его лексико-грамматический состав.

В сложном высказывании актуальное членение принимает многоступенчатый характер: тема и рема первого порядка представлены частями сложного предложения, внутри каждой части выделяют свои тему и рему – второго порядка. Мы остановимся на членении первого порядка, так как нас интересует прежде всего соотношение и смысловое взаимодействие частей в сложном структурном целом (о средствах акцентуации деепричастного оборота в простом высказывании см.: [2]).

Если следовать традиции, согласно которой первая (по порядку следования) часть сложного предложения всегда тема, а вторая рема, деепричастный оборот, употребленный на стыке двух частей, может быть квалифицирован в качестве ремы второй степени [4].

Входящий в состав сложноподчиненного предложения и находящийся в интерпозиции между главной и придаточной частью деепричастный оборот оформляют различные комбинации знаков препинания.

Традиционным и самым распространенным знаком является двойная запятая: *Я не заметил, когда уснул, а проснулся в шестом часу как от толчка и сел на постели, понимая, что нужно бежать, но не зная куда (А. Волос); Вы знаете, что неизвестность мучительнее самого несчастного опыта, – больно, очень больно любить, не зная, любят ли еще нас! (И. Лажечников); Вот он и не хотел идти, чувствуя, кто его хозяин теперь (Ф. Искандер)*. Однако семантическая нагруженность этого знака (в сравнении с его значением в простом высказывании) существенно возрастает. Если первая запятая разделяет тему и второстепенную рему, то вторая несет двойную коммуникативную нагрузку – во-первых, совмещая функцию разделения второй ремы и ремы основной и, во-вторых, фиксируя границу между темой и ремой.

В высказывании, передаваемом на письме сложноподчиненным предложением, в положении между главной (темой) и придаточной (ремой) частями деепричастный оборот (рема второй степени) формально отнесен к блоку темы, но семантически тесно связан с ремой и обуславливает ее появление. Соответственно, с одной стороны, рема второй степени выполняет вводящую функцию, предопределяет рематический компонент высказывания. С другой стороны, вводящая функция осложняется функцией ситуативно-определяющей: рема второй степени задает смысловые связи ремы с речевым целым, формирующим тему высказывания. Как правило, отношения между частями высказывания можно квалифицировать как изъяснительные: *После этого налета у Спиридонова стали сильно дрожать руки; поднося кружку ко рту, он расплескивал чай, а иногда вынужден был ставить кружку обратно на стол, чувствуя, что дрожащие пальцы не в силах её удержать (В. Гроссман); Здесь Костя до крови проколол стопу и захромал, стараясь, однако, чтобы того не заметил командир (В. Быков); Воланд осадил своего коня на каменистой безрадостной плоской вершине, и тогда всадники двинулись шагом, слушая, как кони их подковами давят кремни и камни (М. Булгаков)*.

Тире – в качестве первого из двойных знаков – акцентирует внимание на деепричастном обороте, коммуникативно приближая рему второй степени к основной

реме, подчеркивая их смысловую близость: *Потом потянула на себя дверцу и запустила руку, цапнула конфету в вазочке, стремительно сунула ее в рот и торопливо, как кошка, подобравшая кусочек сала, полакомилась добычей – не поворачиваясь к Андрею, который с удивлением взирал на вороватые жевания и глотания малюсенькой врушки (А. Азольский); Набирая номер, Бородыкин сказал – явственно думая больше о том, о чём собирался говорить по телефону, а не об этом разговоре, который сейчас... (А. Слаповский).* В отличие от запятой тире является «как бы отделительно-соединительным знаком» [1; с. 31] и помимо этого выполняет функцию предупреждения [5; с. 16]

По условиям контекста в качестве второго элемента двойного знака препинания может употребляться двоеточие: *Глебов наслаждался во время уроков, перебирая просителей: один предлагал ему серию французских колоний с кляссером в придачу, Манюня обещал повести с отцом на бега, были другие предложения, были и угрозы (Ю. Трифонов); Пресняков слегка ахнул, увидя Серафима: под правым глазом был синий кровоподтёк, на голове — рваная грязная матерчатая шапка без завязок (В. Шаламов); Он постоял неподвижно, притаив дыхание: хоть бы что шевельнулось за дверью! (И. Тургенев).* Обычно – в предложениях с изъяснительными отношениями.

Двоеточие – знак семантически нагруженный, его появление обусловлено семантикой деепричастного оборота – коммуникативной незавершенностью деепричастия, требующего наличия придаточной части. В указанной позиции находятся деепричастия с семантикой речи, мысли и т.д.: *Огрызков нахмурился, подумав: не туда ли этот подросток показывает, откуда они шли ночью? (В. Быков); ...он для виду рассердился, даже сказал, что, дескать, в доме ничего уберечь нельзя, – его неожиданно поддержала няня, сказав: нынче собаку, а завтра самовар унесут... (Г. Газданов).*

Иногда на месте второго знака появляется тире: *Или представлял себя на войне, в бою, где опять в своих мечтах погибал, спасая товарищей – о которых опять же мечтал (О. Павлов); Стоял я в таком виде: ноги окостенели, и настолько, что я смутно тут же, во дворе, мысленно перелистывал страницы учебников, тупо стараясь припомнить – существует ли действительно, или мне это померещилось во вчерашнем сне в деревне Грабиловке, болезнь, при которой у человека окостеневают мышцы? (М. Булгаков); Грыма забрили в солдаты, и он сидел в казарме, ожидая войны – было непонятно, сможет ли он теперь воспользоваться приглашением Бернара-Анри, или вверх сумеет подняться только его душа (В. Пелевин).* Как субститут двоеточия, тире сообщает соотношению тема-рематических компонентов дополнительную семантику – резко противопоставляя комплекс темы и ремы.

Значимым оказывается и отсутствие знака – в сложноподчиненном предложении с придаточным определительным: *Новенькая поняла, что и здесь есть какая-то простая формула их взаиморасположения, угадав которую поймёшь сообщение, заключённое в них, и сообщение это они несут собой, в себе и для себя (Л. Улицкая); Из избы долетали до нас звуки того унылого голошенья, услышав которое даже самый опытный наблюдатель не в состоянии бывает определить, что скрывается за этими взвизгиваньями и завываньями: искреннее ли чувство или простой формализм (М. Салтыков-Щедрин); У многих автоматов красные или черные кнопки, нажимая которые уже нельзя получить назад монетку (В. Корнилов).* Взаимопроникновение темы и ремы, их «наложение» осуществляется через вторую рему, следовательно, можно выделить еще одну функцию последней – аккумулятирующую.

Союзное слово «который», являясь зависимым от деепричастия и включаясь в деепричастный оборот, вместе с тем принадлежит придаточной части. Образующееся

при этом контаминированное целое представляет гибрид оборота и придаточного предложения, а союзное слово соотносится с одним из компонентов первой части, то есть является его аналогом, но в зависимой позиции.

Отсутствие знака подчеркивает смысловую и рематическую спаянность двух компонентов актуального членения. При этом вторая рема приобретает многозначность, выполняет репродуцирующую функцию.

Средства графической репрезентации комплекса прямой речи, в состав которого может быть включен деепричастный оборот, образуют целую систему знаков и позиций. Комплексный анализ подобных структур осуществим с учетом местоположения деепричастного оборота, который способен входить и в состав собственно прямой речи, и в состав вводящих ее компонентов: *Он подпрыгнул на постели и забормотал вполголоса, злобно стиснув зубы: – А, вот как, вот как! (И. Тургенев); Степан не ударил, вытерпел. А Корытин, перемолчав, добавил: – Ты пойдёшь (Б. Екимов); – А вы как думали, – сказал он, не поднимая головы, – по дешёвке вывернуться? (Д. Гранин); – И сидя можно прогнать, если они не слишком обнаглели, – сказала мама (Ф. Искандер); – Но, возвращаясь к вашей статье, я должен сказать, что вы совершенно неправомерно представили дело так, как будто вами цитируется текст какого-то опубликованного фельетона (Ю. Домбровский).* В зависимости от позиции деепричастный оборот оформляют различные графические средства.

Если деепричастный оборот входит в вводящий прямую речь компонент (авторские слова), набор пунктуационно-графических средств, оформляющих его, в целом тождествен используемым в отдельном высказывании. Специфичны, пожалуй, только два случая: при положении деепричастного оборота в конце авторских слов перед прямой речью и в начале авторских слов после прямой речи.

В положении перед прямой речью, как правило, употребляются деепричастия и деепричастные обороты с семантикой речи и мысли: *Кто-то не выдержал, почти воскликнув: «Мы будем рисовать?» (О. Павлов); – Хочешь сказать, только меня любил? – со страхом спросила Светлана, подумав: а вдруг это так и есть? (А. Слаповский); Инспектор ласково взглянул на него, потрел по щеке и, прошептал: «Toujours le tete! toujours bon et genereux!» – проследовал в свои апартаменты (М. Салтыков-Щедрин).* От остального состава авторских слов они обычно отделяются характерным знаком препинания – запятой.

Знак тире не презентативен в авторских словах, расположенные внутри прямой речи. В противном случае весь комплекс прямой речи будет графически и синтаксически перегружен, что существенно затруднит его восприятие.

Второй из двойных знаков, призванных отграничить деепричастный оборот, в рассматриваемой позиции заменяется двоеточием: *Подтрунивая над ним, она говорила, красиво откидывая голову: «Ты так же прост, как твое имя, – и как я раньше не обратила на это внимания?» (В. Распутин); Сильным ударом левой он сбил его в овраг, в ломкие кусты, крикнув Геше: «Один в канаве!» (В. Маканин); – Продайте, – не вникая, откликнулась чиновница. Затем добавила, слегка нахмутив брови: – Если вы чем-то недовольны, пишите заявление (С. Довлатов).* Причем не только при препозиции вводящего прямую речь элемента, но и в интерпозиции – при наличии двух глагольных форм с семантикой говорения, если первый из них относится к предыдущей части высказывания, а деепричастный оборот обслуживает последующую: *«Покорно благодарю, – отозвался Мешков, смиренно снял картузик, но сразу опять надел и поклонился, добавив торопливо: – Спасибо вам большое, товарищи» (Федин).* Следующую за словами автора прямую речь маркируют тире и заглавная буква.

В остальных случаях при интерпозиции авторской речи деепричастный оборот в конце закрывается комплексным знаком – запятой и тире либо точкой и тире, которые

обслуживают не столько элемент обособления, сколько являются непременными в блоке прямой речи и обусловлены ее структурой и составом первого, открывающего, и второго, завершающего, компонентов прямой речи: – *А вы как думали, – сказал он, не поднимая головы, – по дешёвке вывернуться?* (Д. Гранин); – *Не сочтёт облсуд это за вещественную улику, – продолжал он, рассматривая карточку. – Работал человек в архиве я снялся возле.* (Ю. Домбровский). Очевидно, что если первая часть прямой речи представляет собой с точки зрения структуры законченное целое предложение и завершается знаком конца, то следующий за ней деепричастный оборот, открывающий авторские слова, начинается с заглавной буквы: – *Чоу!* – *Снова взмахнув рукой, он согнал ее с места и посмотрел ей вслед* (Ф. Искандер).

Отметим, что обозначенные графические средства являются в первую очередь средствами оформления комплекса прямой речи. Они не замещают соответствующие знаки препинания, служащие специальным целям выделения деепричастного оборота, и не аккумулируют функции выделения второстепенной ремы и маркирования структурного блока в целом. Речь идет о поглощении пунктуационно-графическими средствами, оформляющими прямую речь, знаков препинания, отвечающих за обособление деепричастного оборота.

В составе собственно прямой речи деепричастный оборот может располагаться в препозиции, постпозиции и интерпозиции: – *Как вы думаете... – начал я, отхлебнув кофе. – Почему Сонька... почему она говорила о двойном предательстве? – Потому что один раз она предала – вольно или невольно – вашего отца, сообщив асфомантам разгадку анаграммы, а второй раз предала асфомантов, сообщив об их планах вашему отцу и, надо думать, понимая, к чему это поведет* (В. Белоусова); *Мои друзья, прекрасно знающие английский, говорили: – Читая ее переводы, мы слышим твой голос* (С. Довлатов). В интерпозиции для графической репрезентации деепричастного оборота используется обычный для простого высказывания основной комплекс средств, способов и приемов.

При постпозиции деепричастного оборота знак, закрывающий оборот, поглощается знаком, оформляющим комплекс прямой речи, – запятой и тире, вопросительным знаком и тире, восклицательным знаком и тире (если далее идут слова автора) или «конечным» знаком: – *Внимая ужасам войны, – сказал с улыбкой Смуров, – мне не жаль ни друга, ни матери друга, а жаль мне тех, кто на войне не побывал* (В. Набоков).

В препозиции деепричастный оборот маркируется заглавной буквой и знаками прямой речи – тире либо кавычками: – *Не вспоив, не вскормив, врага себе не сделаешь. Вы ведь кляузы эти не учитывали. И другие, надеюсь, не станут. А работник он толковый* (Д. Гранин).

Знак тире в данном случае сигнализирует о начале чужих слов. Более конструктивно очерченным, нежели следование в строку, представляется вынесение прямой речи в абзац:

– *Что вы слышали, татап?*

– *То, что ты сделал предложение этой... этой... этой... дочери нашего управляющего?*

– *Сделал, татап.*

– *Не спросив мнения матери?*

– *Я хотел спросить вашего согласия, когда получу ее* (Н. Чернышевский).

Абзац визуально выделяет прямую речь в тексте, меняя абрис строки. При таком положении позиция начала деепричастного оборота усиливается благодаря композиционной выделенности, подчеркнутости.

Деепричастный оборот может быть включен и в авторскую речь, расположенную внутри прямой речи и грамматически с ней не связанную: *Трубку взяла жена. Узнав, кто спрашивает ее мужа, она сказала: – Сейчас посмотрю, он,*

кажется, уже лег. – И, выдержав паузу: – Да, он уже лег (В. Войнович). Обычно подобные структуры содержат дополнительные сведения о говорящем, его словах, манере изложения, действиях или состоянии во время произнесения речи и, в соответствии с терминологией М.К. Милых, трактуются как «вторые ремарки» [5; с. 98], так как функционально они приближаются к ремаркам (авторским замечаниям) в произведениях драматического жанра.

В заключение отметим, что в системе пунктуационно-графических средств русского языка доминантными оказываются знаки препинания, организующие структурное целое. Существующие по законам языка и выполняющие конструктивно-синтаксическую функцию, они вместе с тем решают задачи построения смыслов – и не только передают авторские интенции, но и отражают устройство нашего мышления, открывая перспективы дальнейших исследований графического контура высказывания, включающего деепричастную конструкцию, с позиций коммуникативно-прагматического синтаксиса.

Библиографический список

1. Иванова В.Ф. История и принципы русской пунктуации. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1962. 64 с.
2. Кольцова Л.М., Кудрявцева Т.Ю. Графическая репрезентация обособленного деепричастного оборота как проблема современной ортологии // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. Воронеж, 2013. № 2. С. 126–131.
3. Кудрявцева Т.Ю. Обстоятельства обособления (о некоторых спорных вопросах современного синтаксиса) // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета «Лингвистика и межкультурная коммуникация». Воронеж. Выпуск № 12, 2014. С. 16–21.
4. Распопов И.П. Очерки по теории синтаксиса. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 224 с.
5. Шварцкопф Б.С. Современная русская пунктуация: система и ее функционирование. М.: Наука, 1988. 192 с.

References

1. Ivanov V.F. History and principles of Russian punctuation. L. : Publishing House of Leningrad. University Press, 1962. 64 p.
2. Koltsova L.M., Kudryavtseva T.Y. Graphical representation of a separate participial trafficking as a problem of modern orthology // Herald of the Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication. Voronezh, 2013. № 2. pp. 126-131.
3. Kudryavtseva T.Y. The circumstances of isolation (some controversial issues of modern syntax) // Scientific Bulletin of the Voronezh State University of Architecture and Construction «Linguistics and Intercultural Communication». Voronezh. Issue 12, 2014. pp. 16-21.
4. Raspolov I.P. Essays on the theory of syntax. M.: Book House «LIBROKOM», 2009. 224 p.
5. Schwarzkopf B.S. Modern Russian punctuation: the system and its operation. M.: Nauka, 1988. 192 p.

УДК 808.5

*Гданьский университет
Филологический факультет
Канд. филол. наук, заместитель декана
Патоцка-Сигловы У.
Польша, г. Гданьск, тел. +48 58 523-91-66
e-mail: upatocka@ug.edu.pl*

*University of Gdansk
Faculty of Languages
PhD, Deputy Dean, Assistant Professor
Patocka-Sigłowy U.
Poland, Gdańsk, tel. +48 58 523-91-66
e-mail: upatocka@ug.edu.pl*

У. Патоцка-Сигловы

**МЕХАНИЗМ ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЫСТУПЛЕНИЙ ПРЕЗИДЕНТА
ВЛАДИМИРА ПУТИНА (НА МАТЕРИАЛЕ ПОСЛАНИЯ ОТ 25 АПРЕЛЯ 2005
ГОДА)**

В статье обсуждаются коммуникативные стратегии, проявившиеся в выступлении В.В. Путина (25.04.2005 г.), и способы их реализации при помощи вербальных и невербальных средств.

Ключевые слова: политическая коммуникация, послание, президент.

U. Patocka-Sigłowy

**THE MECHANISM OF POLITICAL SPEECHES OF VLADIMIR PUTIN
(ON THE MATERIAL OF SPEECH FROM 25 APRIL 2005)**

In this text we analyze communicative strategies presented in V. Putin's speech (25.04.2005) and ways of their implementation.

Keywords: political communication, message, president.

Политическая коммуникация во многом отличается от обычного межличностного общения. Меняются цель и адресат сообщения, что влияет на форму высказывания. Речь служит прежде всего средством приобретения и сохранения авторитета власти. Слова и жесты в языке власти теряют своё основное значение. Для достижения своих целей политики часто применяют манипуляцию и уговаривание.

Язык, на котором общаются политики с избирателями, имеет свои особенности. Его можно рассматривать как естественный код политической культуры, открывающий доступ едва ли не ко всем её сферам. Он является средством коммуникации между лидером и его избирателями. «Язык действует в некотором роде как связующее звено политического общества, как инструмент поддержания необходимого информационного уровня общества»[1; с. 154].

Язык – это орудие политической коммуникации. Это средство описания политики. Некоторые языковеды считают, что язык политики – это особая разновидность языка. Однако, например, Е. Бральчик, знаменитый исследователь языка, думает по-другому. По его мнению, если язык политики это действительно особый язык, он должен иметь специфический запас понятий, терминов, характерных только для него. Существует запас слов, использующихся в мире политики, но если внимательно их проанализировать, окажется, что нет таких слов, которые существуют исключительно в языке политики. Политика не существует в изоляции от всех других областей жизни. Она может лишь преобразовывать понятия, функционирующие вокруг неё, для реализации своих целей.

Большинство лингвистов считает, что мы можем говорить о существовании языка политики как особой языковой разновидности только в случае языка тоталитарной пропаганды [2; с. 105-108]. В странах, где доминирует такая система, все средства массовой коммуникации находятся под влиянием власти, становятся орудием её воздействия на общественное мнение. Существует однородная модель строения высказываний, подчинённая господствующей идеологии. В тоталитарных обществах государство стремится навязать своим гражданам единый, идеологизированный язык. Например: в Германии был создан язык Третьего рейха, для которого характерно было введение множества неологизмов и приспособление уже существующих терминов к нацистской идеологии. Язык Третьего рейха ушёл в небытие вместе со своими создателями [3].

Язык политики характерен стремлением к тому, чтобы влиять на поведение людей. Суть политического выступления заключается в следующем: политик своим выступлением должен убедить избирателя в том, что для него самым важным является улучшение жизни общества, а не достижение его собственных целей. Важно, чтобы оратор был в состоянии передать свои эмоции слушателям. Сильное напряжение эмоций – это следующая черта языка политики. На конечную формулировку информации оказывают влияние собственные эмоции говорящего, его желания и комментарии. Чтобы политик своим высказыванием достиг успеха, он должен искусно скрыть свои действительные намерения, так, чтобы каждый слушатель по-особому интерпретировал речь, согласно индивидуальным потребностям. В политических текстах общество получает множество отобранной, сфабрикованной информации. Оно почти не имеет возможности критического мышления, собственной интерпретации действительности и контроля над правдивостью получаемой информации. Каждый оратор, выступая, старается воззвать к чувству долга слушателей так, чтобы убедить их в том, что если они не соглашаются с его точкой зрения и не выполняют его требований, это будет свидетельствовать об их близорукости и отсутствии патриотизма [2; с. 105-108].

Несомненно, речь политических деятелей имеет большое влияние на сохранение или приобретение авторитета любого типа власти. Слово в языке власти имеет совсем другой смысл. Замалчивания, пропуски, намёки – все эти приёмы служат сокрытию действительного смысла высказывания. Сегодня власть научилась разговаривать на своём знаковом языке в присутствии большого окружения так, чтобы истинные намерения остались незаметными для общественного мнения и чтобы гарантировать себе свободу действий. Например, когда мэр Москвы завершает заседание правительства, он задаёт ритуальный вопрос: «Может, будут еще какие-то суждения?». Это риторический вопрос, потому, что никаких иных суждений уже быть не может. Если кто-то после мэра или премьера возьмёт еще раз слово для своего суждения, это на языке власти атака на того, чьё мнение было высказано вначале. В принципе, общество замечает только прямую речь, хотя знаки языка политиков несут на много больше информации.

«Мастерство политического выступления требует от политиков тщательной подготовки и долговременной работы под руководством специалистов в области публичных рилейшнз» [5; с. 224-231]. Не каждый человек обладает ярким ораторским дарованием, но его можно выработать. Хорошим примером является путь В. Путина от никому не известного чиновника, всегда державшегося в стороне, к известному, эффективному оратору.

Язык – это одно из самых сильных орудий президента Владимира Путина. Он им активно пользовался с самого начала, когда был заместителем мэра Петербурга, а потом премьером. Работая в госбезопасности, президент был специалистом именно в

области коммуникации, наведения контактов, владения разными языками. Ещё до президентства, когда Путин встретился с московским ПЕН-клубом всех удивила его поразительно чистая и точная петербургская речь. В ней не было никаких московских ленивых растяжек, повторов, аканий – это была настоящая интеллигентская речь. Особенность Путина в том, что он умеет говорить на разных языках в зависимости от ситуации общения и от слушателей. Путин в состоянии очаровать и убедить своим высказыванием всех, независимо от их уровня жизни. Умеет разговаривать и с семьями моряков, погибших в катастрофе подводной лодки и с интеллигенцией элитарного московского клуба. Прекрасно знает, как подобрать соответствующую лексику, чтобы его слушатели чувствовали, будто разговаривают с человеком, который хорошо понимает все их проблемы и в состоянии их разрешить.

У каждого политика есть свой стиль речи, который проявляется в его словах, произношении, энергии, жестике. Президент России подарил политическому фольклору много выражений типа «мочить в сортире». Вспоминается также выступление Путина перед Правительством в марте 2006 года, в котором он, оценивая их совместную работу, обратился к министрам со словами: «Жуем сопли, и ни хрена не происходит!». В 2005 году заявляя, что Россия не будет вести переговоры со странами Балтии на платформе каких-нибудь территориальных претензий, сказал: «не Пыталовский район они получают, а от мёртвого осла уши». Много комментариев вызвал ответ Путина на вопрос французского журналиста в ноябре 2002 года на саммите Россия – ЕС. Журналист спросил его, зачем российские войска используют в Чечне противопехотные мины, и не думает ли он о том, что, искореняя терроризм, одновременно уничтожает народ Чечни. Президент сперва объявил, что никто не может обвинять Россию, что она подавляет свободу, затем перешёл к попытке создания халифата во всем мире и начал объяснять, кому грозит такая опасность со стороны чеченских боевиков: «если вы крестьянин, вы в опасности, потому что радикалы-экстремисты преследуют крестьян. Если вы атеист, то тоже в опасности, потому что им не нравятся атеисты. Но если вы мусульманин, то и это вас не спасёт. Приезжайте к нам, у нас многоконфессиональная страна, хорошие врачи, сделают вам обрезание (...) и я порекомендую сделать эту операцию таким образом, чтобы у вас больше ничего не выросло!» [4; с. 183].

«Речевое поведение Владимира Путина во многом напоминает своего рода ток-шоу. Его речи – это образец чёткости и ясности. Ответы президента всегда логичные, исчерпывающие данную тематику, причём они немногословны, но информативны» [5; с. 224-231]. Путин умеет всегда использовать любой вопрос для того, чтобы сказать то, что он сам считает нужным. До него на политической арене не замечалось такого потребительского отношения к аудитории.

Биография этого политика, его жизненный опыт отражаются на его коммуникативных тактиках. В речах Путина можно увидеть сильное влияние советского периода. Самым выразительным примером является фраза: «Родина-мать зовет!». Для него большую ценность представляет собой русский народ, на который он возлагает большие надежды и с которым он вполне ассоциируется. Для Путина «народ» является нерасчленённой общностью, целым населением. Это прекрасно можно увидеть во множестве его высказываний, например: «На народ надо опираться прежде всего» (Послание Федеральному Собранию РФ, 25.04.2005 г.). Часто президент приводит в своих выступлениях несколько жизненных примеров для того, чтобы более образно представить свою точку зрения и тем самым убедить слушателей в правильности своих решений. Такой приём сближает его с обычным гражданином, так рождается в сознании избирателей образ хорошего президента – человека из народа.

Чаще, чем другие политики, В. Путин использует риторические вопросы, являющиеся хорошим способом утверждения власти говорящего над аудиторией. Речевое поведение президента России обнаруживает дефицит эмоциональной терминологии. Это, с одной стороны, может свидетельствовать об отсутствии эмоционального отклика на события из окружающего мира, с другой стороны, это может быть сознательное самоограничение, которого целью является завуалирование его страстного темперамента. Путина характеризует большая осторожность в высказываниях, он не любит выставляться на первый план. Внутренняя упорядоченность, которую он выработал во время работы разведчиком, создала ему репутацию умного, дальновидного руководителя и хорошего организатора. Путин принёс в Кремль новый стиль поведения, опирающийся на трудолюбие, здравый смысл, серьёзность и лёгкий юмор. Стиль речи действующего президента эволюционировал. Раньше его выступления были абсолютно невыразительны, в них отсутствовали новые слова, а целые выступления опирались на ельцинские клише. Кроме высказываний на тему Чечни, Путин в свой премьерский период ничем особенным себя не проявил. Только после ухода Ельцина в отставку он получил возможность высказываться по любым вопросам, представить обществу свою политическую программу. Благодаря работе специалистов по политическому маркетингу и консалтингу и спичрайтеров, речи Путина превратились в образец ясности и точности.

Одним из самых интересных выступлений В. Путина является Послание от 25 апреля 2005 года. Президент Путин ежегодно выступает с Посланием перед Правительством страны в Кремле. Место высказывания влияет на его поведение. Он уверен в себе, выступает в роли главы государства. Может позволить себе критику работы органов власти, прекрасно зная, что члены Правительства примут во внимание все его замечания.

Послание адресовано членам Правительства и всем гражданам России. Они ждут от президента объяснений и оценки того, что происходит в их стране и вообще во всем мире. Конечно, президент подбирает тему высказывания, учитывая особенности аудитории: возраст, образование, принадлежность к определенной общественной группе. Надо тоже учесть ситуацию в стране, основные проблемы, волнующие граждан и политическую ситуацию в мире. Все эти факторы оказывают влияние на подбор лексических и стилистических средств, какими оперирует В. Путин. Он всегда старается говорить ясно, чётко и точно, так, чтобы все слушатели правильно его поняли.

Послание – это особый жанр выступления. В нём глава государства говорит о положении в стране, об основных направлениях внешней и внутренней политики. Стиль высказывания, языковые и внеязыковые средства полностью соответствуют аудитории. Это выступление «по бумажке». Оно раньше тщательно подготовлено, вся информация подобрана и представлена в определённом порядке. Конечно, слушатель должен чувствовать работу мысли оратора и для этого особенно важно установление контакта с аудиторией.

Послание служит прежде всего достижению информационной цели. Президент говорит о направлении политики России на будущее и оценивает результаты работы Правительства. Объясняет позицию страны на международной арене, ставит новые цели внутренней и внешней политики России. В каком-то смысле послание исполняет тоже убеждающую функцию. Президент убеждает граждан в том, что все принятые государством решения правильны и служат повышению стандарта их жизни и решению всех волнующих их проблем. Судя по тому, что послание 2005 года слушатели прерывали аплодисментами 25 раз, можно прямо сказать, что Путину удалось достичь всех поставленных им целей.

В послании от 25 апреля 2005 года сформулированы самые масштабные цели: «развитие России как свободного, демократического государства», «обеспечение прав и свобод человека», «повышение эффективности государственного управления», «проведение активной политики либерализации предпринимательского пространства». Путин представил также направление внешней политики России, основной целью которой является реализация стремления страны занимать значимое место на международной арене: «Мы свободная нация. И наше место в современном мире, хочу это особо подчеркнуть, будет определяться тем, насколько сильным и успешным мы будем»; «Наши цели на международной арене предельно понятны – безопасность границ и создание благоприятных внешних условий для решения внутренних российских проблем». Подчеркнул, что важной задачей государства является борьба с коррупцией и преступностью, повышение стандарта жизни граждан. Президент напомнил тоже о предстоящем 60-летию Великой Победы. Подчеркнул, что она «была достигнута не только силой оружия, но и силой всех народов». Много места в послании заняло представление демографических проблем страны. По мнению президента, все эти проблемы вызваны прежде всего: дорожно-транспортными происшествиями, плохим состоянием здравоохранения, алкоголизмом и наркоманией, низкой рождаемостью. Президент призвал членов правительства к преодолению всех этих проблем: «Прошу внести соответствующие изменения!». Завершая своё послание, Путин затронул ещё одну важную тему: уровень общественной нравственности и культуры. Напомнил всем, что: «такие ценности, как крепкая дружба, взаимовыручка, доверие, товарищество и надёжность, в течение многих веков оставались на российской земле ценностями непреложными и непреходящими» и надо эту традицию поддерживать.

Президент Путин использует множество приёмов, позволяющих ему выделить значимую информацию в тексте. Это позволяет говорящему обращать внимание аудитории на эти слова и фразы, на которые он хочет. Применение этой стратегии Путиным свидетельствует о том, что он очень тонко использует возможности русского синтаксиса, что помогает ему заявлять о своих позициях. На лексическом уровне данная цель реализуется с помощью употребления таких слов, как:

- **подчеркнуть**: «наше место в современном мире, хочу это особо **подчеркнуть**, будет определяться лишь тем, насколько сильными и успешными мы будем», «Главное – это качество услуг, хочу ещё раз **подчеркнуть**, их доступность большинству граждан, их реальное влияние на социально-экономический прогресс в стране»,
- **отметить**: «В целом **отмечу**, что организация борьбы с преступностью в стране требует принципиально новых подходов», «Следует также **отметить**, что коррумпированность чиновничества и рост преступности тоже являются одним из следствий дефицита доверия и моральной силы в нашем обществе»,
- **именно**: «И они (процессы внутри России) связываются **именно** с разговорами о свободе и демократии», «**Именно** в этот период в России происходили крайне значимые события»,
- **только**: «**только** в свободном и справедливом обществе каждый законопослушный гражданин вправе требовать для себя надёжных правовых гарантий и государственной защиты», «Убеждён, наша страна **только** тогда займет достойное положение в мире (...) если наши граждане будут уверены в том, что все усилия государства направлены на защиту их кровных интересов».

Другим способом выделения наиболее значимой информации является употребление указательных местоимений, например: **эти решения, в этой связи, этот день, в этот период, этот срок, эти деньги, в этом году.**

Для усиления интенсивности признака действия или описываемых событий, важных с точки зрения говорящего, Путин использует множество наречий, типа: **глубоко** («**глубоко** убеждён»), **крайне** («нам **крайне** необходимо эффективное государство»), **гораздо** («**гораздо** важнее», «**гораздо** более»).

Акцентуация важного выражения достигается также повтором слова с добавлением признака предмета, паузацией в речи, а на письме графическим знаком – тире: «Фискальные органы не должны **проходить мимо нарушения законов**, ни в коем случае не должны **проходить мимо нарушения законов**», «Каждый молодой человек должен осознать, что здоровый образ жизни – это **успех**, его личный **успех**», «Это наш **стратегический** выбор и **стратегический** подход», «Говоря о справедливости, имею в виду, конечно же, не печально известную формулу „все отнять и поделить”, а открытие широких и равных возможностей развития **для всех**, успеха **для всех**, лучшей жизни **для всех**».

На уровне синтаксиса для усиления выразительности президентской речи используется приём парцелляции, состоящий в таком «расчленении единой синтаксической структуры предложения, при котором она воплощается не в одном, а в нескольких интонационно-смысловых речевых единицах или фразах» [6]. Например: «Мы также готовы к эффективному партнерству со всеми странами в решении глобальных проблем – от поиска действительного ответа на ухудшение окружающей среды до освоения космоса, от предотвращения глобальных техногенных катастроф до устранения угрозы распространения СПИДа и, конечно, к единению усилий к борьбе с такими вызовами современному миропорядку, как международный терроризм, трансграничная преступность и наркоторговля», «Надо было решить труднейшую задачу: как сохранить собственные ценности, не растерять безусловных достижений и подтвердить жизнеспособность российской демократии», «Особенностью последнего времени стало то, что наша недобросовестная часть бюрократии – как федеральной, так и местной – научилась потреблять достигнутую стабильность в своих корыстных интересах, стала использовать появившиеся у нас наконец благополучные условия и появившийся шанс для роста не общественного, а собственного благосостояния».

Выделение значимых членов предложения осуществляется также другим путём, путём употребления соединительных союзов с противительной связью, типа: **не только..., но и** («И Россия станет процветающей лишь тогда, когда успех каждого человека станет зависеть **не только** от уровня его благосостояния, **но и** от порядочности и культуры», «Для нас очевидно, что Победа была достигнута **не только** силой оружия, **но и** силой духа всех народов, объединённых в то время в союзном государстве», «В этой связи органы власти должны **не только** укреплять правоохранительную и судебную систему в этом регионе, **но и** содействовать развитию деловой активности населения») и инверсии, выдвигающей на первый план (начало предложения) выражения наиболее значимого по мнению выступающего, на которое он особенно хочет обратить внимание своих слушателей: «Тем, кто ставит своей главной задачей собственную наживу, а не защиту закона – не место в правоохранительных структурах», «Быть с обществом в ответственном диалоге – политически целесообразно», «Следует тоже отметить, что коррумпированность чиновничества и рост преступности являются одним из следствий дефицита доверия и моральной силы в нашем обществе». Выделению слов в речи, и тем самым усилению их смысловой нагрузки служит использование союза **и**, стоящего перед словом: «**И**, без сомнения, обеспечение прав и свобод человека является критически важным как для

развития экономики, так и для общественно-политической жизни России», «**И** это, в свою очередь должно быть обеспечено, никем иным, как государством», «**И** для этого нам крайне необходимо эффективное государство», «**И** такой подход будет справедлив и по отношению к обществу, и к государству, которое обязано защищать свои перспективные интересы, думая о развитии страны на годы и десятилетия вперёд». Этот приём президент Путин использует очень часто. В исследуемом выступлении, он употребил его почти 20 раз.

Для повышения выразительности и привлекательности своей речи президент три раза использовал цитаты из выступлений известных людей: Ивана Ильина («Государственная власть, писал – великий русский философ Иван Ильин, – имеет свои пределы, обозначаемые именно тем, что она есть власть, извне подходящая к человеку... И все творческие состояния души и духа, предполагающие любовь, свободу и добрую волю, не подлежат ведению государственной власти и не могут ею предписываться... Государство не может требовать от граждан веры, молитвы, любви, доброты и убеждений. Оно не смеет регулировать научное, религиозное и художественное творчество... Оно не должно вторгаться в нравственный, семейный и повседневный быт и без крайней надобности стеснять хозяйственную инициативу и хозяйственное творчество людей. Давайте не будем забывать об этом»), С. Ю. Витте («Витте как-то писал: «Государство не столь созидает, сколь восполняет, истинными же созидателями являются все граждане... Не налагать руку на самостоятельность, а развивать её и всячески помогать ей». Этот совет актуален и по сей день») и Л. И. Петражицкого («Известный российский теоретик государства и права профессор Петражицкий отмечал, что обязанность помогать нуждающимся, аккуратно платить рабочим условленную плату – это в первую очередь этические нормы»). Их употребление служит прежде всего подтверждению правильности суждений выступающего и использованию авторитета этих людей среди общества для своих собственных целей. Приведённые Путиным цитаты касаются роли граждан в государстве: «Государство не столь созидает, сколь восполняет, истинными же созидателями являются все граждане» и обязанностей власти: «Государственная власть имеет свои пределы, обозначаемые именно тем, что она есть власть, извне подходящая к человеку(...)».

Привлекательность выступления В. Путина повышают устойчивые сочетания слов, например: **реформироваться на скорую руку** («Накопления граждан были обеспечены, старые идеалы разрушены, многие учреждения распущены или **реформировались на скорую руку**»), **рука об руку** («В течение трех столетий мы вместе с другими европейскими народами **рука об руку**, прошли через реформы Просвещения, трудности становления парламентаризма, муниципальной и судебной власти, формирование схожих правовых систем»), **задача номер один** («И поэтому **задачей номер один** для нас по-прежнему остается повышение эффективности государственного управления, строгое соблюдение чиновниками законности, предоставление ими качественных публичных услуг населению»), **теневой сектор** («Однако речь должна идти не только о сокращении **теневое сектора**, но и о реальной пользе для всего российского государства и общества») и слова, употреблённые в переносном значении: «деньги не должны **болтаться** в офшорных зонах», «налоговые органы не вправе **терроризовать** бизнес».

Исследуя настоящее послание, можно подвести итог, что наиболее часто употребляемыми словами являются: **Россия** (15 раз), **граждане** (9 раз), **Мы** (8 раз), **общество** (8 раз) и **народ** (6 раз). Это свидетельствует о том, что одной из главных тем выступления было убеждение граждан в исключительности и мощи народа

России: «Прежде всего, Россия была, есть и, конечно, будет крупнейшей европейской нацией», «Мы свободная нация».

Следует обратить внимание на путь, который избрал Владимир Путин для того, чтобы побудить членов Правительства к реализации его намерений. Он никогда не использует повелительного наклонения, вместо этого употребляет вежливые формы, типа: «**Прошу внести соответствующие изменения**», однако категорический тон этих высказываний показывает, что у чиновников нет другого выхода, как выполнить просьбы президента.

Для повышения ясности своего высказывания Путин применяет паузацию и повторы. Меняет также темп речи и интонацию, чтобы удержать внимание слушателей. Важным фонетическим приёмом является постановка логического ударения, подчёркивающего значимую часть предложения. Повышение высоты голоса свидетельствует о том, что вещи, о которых говорит президент, обладают большим значением. Важную роль играет также жестикуляция. Если речь идёт о жестах руками, то чаще всего используется открытие ладони. Перечислению важных вещей: «прежде всего это касается заработной платы учителей, врачей, работников культуры, науки и военнослужащих» сопровождают тоже жесты руками, такие как перечисление на пальцах, кулак, поднятие руки вверх. Послание – это род выступления, при котором выступающий говорит «по бумажке», стоя за трибуной, поэтому жестикуляция говорящего во многом ограничена. Особенно важно поддержание зрительного контакта с аудиторией, и Владимир Путин хорошо об этом знает.

Анализируя выступления Владимира Владимировича Путина, можно сделать вывод, что самыми важными в речи политика являются точность и ясность. Говоря прямо, простыми предложениями и используя лексику, соответствующую особенностям слушателей можно достичь всех поставленных целей. Анализ приведённого выступления прекрасно показывает, что подбор определённых языковых и внеязыковых средств зависит прежде всего от места, адресата, формы, цели и темы высказывания.

Библиографический список

1. Баталов Э.Я. Политическая культура современного американского общества. М., 1990. С. 255.
2. Бральчик Е. J. Bralczyk Убеждение в политических текстах – введение в обсуждение // Язык убеждения общественности // [отв. ред. К. Мосиолэк-Клосиньска, Т. Згулка]. Познань, 2003. С. 203.
3. Гаджиев К.С. Политическая философия. М., 1999. С. 606.
4. Колесников А. Я Путина видел! М., 2005. С. 450.
5. Патоцка-Сигловы У. Политическая коммуникация: механизм политических выступлений (на материале выступления В. В. Путина) // Коммуникация как предмет междисциплинарных исследований // [отв. ред. С.С. Ваулина]. Калининград, 2012.
6. http://library.ru/ft/ft/_articles/0070223.pdf.

References

1. Batalov E.J. The political culture of contemporary American society. M., 1990. P. 255.

2. Bralczyk J. Political persuasion texts // Language of persuasion public // [ed. K. Mosiolek-Klosinska, T. Zgólkaj]. Poznań, 2003. P. 203.
3. Gadzev K.S. Political philosophy. M., 1999. P. 606.
4. Kolesnikov A. I saw Putin! M., 2005. P. 405.
5. Patocka-Siglowy U. Political communication: mechanism of political speeches// Communication as a subject of interdisciplinary research // [ed. S.S. Vaulina]. Kaliningrad, 2012.
6. http://library.ru/ft/ft/_articles/0070223.pdf.

УДК 81'282.2

*Воронежский
архитектурно-строительный университет
Канд. филол. наук, ст. преп. кафедры
русского языка и межкультурной
коммуникации
Недоступова Л.В.
Россия, г. Воронеж, тел. +7(473)271-50-48;
e-mail: nedostupowa2009@yandex.ru*

*Voronezh State University of Architecture
and Civil Engineering
The chair of Russian language and cross-
cultural communication, candidate of
philological sciences, senior lecturer
Nedostupova L.V.
Russia, Voronezh, tel. +7(473) 271-50-48;
e-mail: nedostupowa2009@yandex.ru*

Л.В. Недоступова

**ФОНЕТИЧЕСКИЕ И МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ОДНОГО ГОВОРА ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ
(на примере речи жителей посёлка Высокий Таловского района
Воронежской области)**

В работе проводится исследование фонетико-морфологических особенностей говора п. Высокий, выявленных в ходе бесед с респондентами – коренными жителями данного населённого пункта. Выявлены диалектные слова и формы, проанализированы фонетические процессы, произведён детальный анализ морфологических особенностей местной речи.

Ключевые слова: говор (диалект), языковые особенности, ударный и безударный вокализм, консонантизм, фонетические изменения в начале слова, морфологические черты, самостоятельные и служебные части речи, южнорусское наречие.

L.V. Nedostupova

**PHONETIC AND MORPHOLOGICAL FEATURES OF ONE DIALECT OF
VORONEZH REGION**

In the article we describe the investigation of phonetic and morphological features of the dialect of the village Vysoky. These features were revealed in the course of communication with native habitants of the given village. The local words and word forms are revealed, phonetic processes and morphological features are analyzed.

Keywords: dialect, language features, stress and non-stress vocalism, consonantism, phonetic changes at the beginning of the word, morphological features, independent parts of speech and particles, Southern Russian groups of dialects.

Примерно в двухстах километрах от областного центра – Воронежа – и в шести километрах от районного центра – Таловой – расположен посёлок Высокий. Образование этого населённого пункта связано с последним этапом заселения Воронежского края в начале XX века [1; 1]. В 1922 году его основали переселенцы из сёл Озёрки, Козловка, Гвазда, Никольское Бутурлиновской и Таловской волостей Воронежской губернии. В настоящее время здесь проживает немногим более тысячи человек.

Предметом нашего внимания в данной работе стали языковые особенности фонетической и морфологической систем говора п. Высокий. В качестве языкового материала использована речь коренных жителей старшей возрастной группы (75-90 лет).

Изучение говоров и исследование собранного материала, безусловно, имеет значение для решения некоторых вопросов диалектологии русского языка на

современном этапе. Тем более что они могут в определенной мере участвовать в развитии литературного языка.

Следует отметить, что понятие «говор» (термин «диалект» рассматриваем как синоним) мы употребляем в значении «наименьшая территориальная разновидность языка, используемая в качестве средства общения жителями одного или нескольких соседних, обычно сельских, населённых пунктов, не имеющих территориально выраженных языковых различий» [2; с. 110].

Известно, что изменения в фонетической системе языка происходят очень медленно. То же самое можно сказать и о фонетических изменениях в отдельном говоре.

Рассмотрим языковые особенности данного диалекта.

Ударный вокализм.

Сильной позицией, в которой различается наибольшее количество гласных фонем, является положение под ударением перед твёрдым согласным. Гласный [e] под ударением очень часто переходит в [o] [*нам'о'р, дал'о'къ, л'о'хкъ, т'о'мнъ*] вместо *у'мер, далеко', легко', темно'*. После твёрдых согласных отмечен переход [a] в [o] [*запло'тим, посо'дим, падо'р'ут'*] вместо *запла'тим, паса'дим, пода'рим*.

Иногда наблюдается переход гласной [a] в [e]. Примером этого является лексема [*ане'т'*] вместо [*он'а'т'*].

Безударный вокализм.

Отмечено недиссимилятивное, или сильное аканье: [o] и [a] совпадают в первом предударном слоге всегда в [a] [*ярба'тый, прада'ли, рад'а'т', на'старо'у'ь, падру'у'ь, па'и'н*]. В предударных и в заударных слогах [o] и [a] редуцируются [*м'лако', у'лаво'й, зьказа'л, за'п'х, ме'с'ц*].

Важной особенностью рассматриваемого нами говора является ассимилятивно-диссимилятивное яканье [*сп'ар'ва', ув'али', ун'асло', да'б'арли'на, м'ада'ли, б'аспла'тнъ,*

св'акро'ф', н'аве'ска], но перед [e] исконным произносится [и] [*тине'рича, дите'й, двире'й*].

Выявлена тенденция к переносу ударения в разных частях речи: *вазле' - во'зле, кило'метр - киломе'тр, далёко - далеко', и'дем - идём, шо'ффер - шофёр, ро'дные - родны'е, при'дуть - придут, ни'было' - не' было, в'ю'рах - в гора'х, плотн'ако'ф - плот'тников*.

Начало слова.

В начале слова встречаются разнообразные явления. Они представляют собой результат происшедших фонетических изменений. Отмечается выпадение гласных [э], [o]: [*лива'тър*] вместо *элеватор*, [*гаро'т*] вместо *огоро'д*; появление гласного [a]: [*аржану'ю*] вместо *ржану'ю*, [*апося'*] вместо *по'сле*. Зафиксированы случаи выпадения согласного [в] [*осьмна'дцатый*] и его появления [*во'стрый, вза'фтра*]. В то же время наблюдается замена гласного [у] на согласный [ф]: [*вы'фчильс'*] *вы'училась*.

Отмечено употребление гласного [у] вместо согласного [в] [*унуча'ты, унук*] вместо *внуча'та, внук* и, наоборот, [в] вместо [у] [*вда'рить - уда'рить*]. Можно привести пример замены согласного [г] на гласный [и]: [*иде'*] вместо *где*.

Имеют место случаи появления гласного [a] между согласными в начале слова: *саморо'дина, пашани'ца, таваро'г*. Л.Л. Касаткин говорит о том, что такое явление возникает в связи с особенностями оформления слога как суперсегментной единицы в диалектной речи [3; 24]. Эти лексемы являются полными дублетами.

Консонантизм.

В говоре более последовательно, чем в литературном языке, произошло изменение сочетания чн в [шн]. Произношение [шн] отмечается в лексемах: [*пра'знишшый, буднишшый*] вместо *пра'здничный, будничный*. Наблюдается и различие сочетания согласных [чн] и [шн]: [*ручно'й* (труд)], но [*рушни'к* (полотенце)].

Выявлены примеры произношения долгого твёрдого шипящего [ш]: [*гру'шшыйк, ишшо', почи'шшы*] вместо *гру'зчик, ещё, почи'ще* и случаи твёрдого шипящего [ш]: [*скирдо'фшыйк, запра'фшыйк*] вместо *скирдо'вщик, запра'вщик*.

Заднеязычный [к] испытывает сильное ассимилирующее смягчение и переходит в [т']: [*ва'вр'ам'а'нт'и, патиho'н'т'а, памален'т'а, д'афчо'нт'и, иго'лт'и*] вместо *во время'нке, потиho'нько, помале'ньку, девчо'нки, иго'лки*.

Имеют место замена суффикса [т] на [енн]: *ра'нитый*, а также употребление [ж] вместо [з]: *прадра'жни'ли*.

Из вышеперечисленных особенностей фонетики следует назвать употребление в речи старшего поколения только [г] фрикативного [*на'н'аго', на'б'ир'агу', н'и'магла', гвари'м, н'амно'гъ, но'ги*].

Фонема [ф] может реализовываться в [хв], [кв] и [к] [*хва'ртик, квасу'ля, кухва'йтя*].

Если изменения в фонетической системе языка происходят очень медленно, то в морфологической системе они происходят ещё медленнее. В.Г. Орлова в статье «Изменения в характере развития русского языка в связи с историей народа» говорит по этому поводу, что «в периоды обособленного сосуществования языковых групп фонетические новообразования возникают раньше и относительно быстрее новообразований грамматических. Иными словами, при общем медленном развитии языка фонетические новообразования возникают в сравнительно менее длительные периоды обособленной жизни данной языковой группы, чем новообразования грамматические» [4; 5].

Рассмотрим морфологические особенности исследуемого говора. Как и в литературном языке, в высококовском диалекте представлены те же самостоятельные части речи.

Имя существительное.

Окончание И у существительных женского и мужского рода в родительном падеже [*у ма'ми, у б'ар'о'зи, у па'ни*].

Окончание Ы у существительных в именительном падеже множественного числа [*унуча'ты, д'афча'ты*]. Отмечено существительное, оканчивающееся на -ка: *песняка' (пе'сни) [Песняка' ра'ни пе'ли, када' збира'лись на у'л'цы]*.

У существительных в родительном падеже наблюдается редукция: [*вы'увъроф, пълсапо'жък*] вместо *выговоро'в, полусапо'жск*. Между двумя согласными, в положении перед сонорным, в говоре иногда произносится звук [ъ]: [*ме'тър, ли'тър, до'лъх*] вместо *метр, литр, долг*.

Окончание У вместо Ъ у существительных женского рода 3 склонения: [*жи'з'н'у, бо'л'у*] вместо *жизнь, боль* [*Фс'у жи'з'н'у рабо'тала ф сафхо'зи. Таку'я бо'л'у испыта'ла на атира'ции*].

Имя прилагательное.

Яркой чертой является окончание -АГО в родительном падеже единственного числа имён прилагательных и неличных местоимений в м. и ср. роде [*краси'ваго, сы'тнаго, фс'аго', тваго', на'шаго*].

Числительное.

В некоторых лексемах после твёрдых согласных в корне слова наблюдается переход [о] в [э]: *всаднэ'й* вместо *в одно'й* [*Тады' фсе жили в аднэ'й ха'ти*]. Отмечен переход [е] в [у] в корне слова и переход окончания [а] в [и] после мягких согласных: *с тр'уми'* вместо *с трем'а'* [*С тр'уми' дачар'ми' аста'лась на рука'х, када' сам по'мер*].

Местоимение.

В говоре зафиксирован переход гласной [а] в [е]: вместо личных местоимений в родительном падеже *мен'а'*, *теб'а'* функционируют формы *мине'*, *тибе'*; вместо возвратного местоимения *себя'* в родительном падеже – лексема *собе'* [*У мине' шесть уну'каф, а у тибе' их во'симь. У собе' тибе'рь гаро'т ма'линтий, си'лы ня те уже'*].

Вместо личного местоимения (они) в винительном падеже *их* употребляются формы *и'хний*, *йи'хний* [*И'хний сара'й на мяже' стаи'ть. Йи'хний кабе'ль сарва'лси да за курьми' хня'лси*]. Вместо местоимения в творительном падеже *ими* – форма *йи'ми* [*Йи'ми я даво'льная*]. Вместо вопросительного местоимения *кто* в говоре используется форма *хто* [*Хто тибе'рь каро'ф де'ржа? У каро' здаро'вья есть*]. Вместо вопросительного местоимения *что* функционирует лексема *чо*, *чаго'* [*Чо так фсе' падаража'ла? Чаго' там в газе'ти пи'иуть?*] Вместо неопределённого местоимения *что-то* используется лексема *чой-та* [*Чой-та давно' ни слыха'ть навесте'й ат сасе'да*]. Вместо указательного местоимения *тот* употребляется форма *э'нтот* [*Э'нтот дом пусто'й стаи'ть, хазя'itia памярла'*].

Наречие.

Вместо местоименного наречия *сколько* употребляется усечённая форма *скок* [*Скок эт фсе' можна тяре'ть?*]. Вместо местоименного наречия *тогда'* – лексема *тады'* [*Тады' будем ссыпа'ть карто'шти в падвал'*]. Вместо местоименного наречия *туда'* – форма *туды'* [*Туды' я боли ни пае'ду*]. Вместо лексической единицы *сейча'с* употребляется слово *сыча'с*, вместо *потихо'ньку* – *п'мале'ня*, вместо *снача'ла*, *внача'ле* – *спярва'* [*Сыча'с уш есть вре'мя на фсе', я ни рабо'таю. Памале'ня гаро'т палю'. Спярва' бахчу', тады' на карто'шти иду'*]. Лексема *ле'киш* функционирует вместо слова *ле'гче* [*Жить ста'ла куды' ле'киш, тибе'рича фсе' есть*].

Форма *дю'жа* употребляется вместо лексической единицы *очень* [*Дю'жа жа'рка в эту ле'ту бы'ла*]. Лексема *нако'й* функционирует в значении местоименного наречия *заче'м* [*Нако'й ты туды' пайде'шь*]. Вместо наречия *много* употребляется интересная форма *пу'сма* [*У нас ны'нишний гот пу'сма памидо'р, куды' дява'ть*].

Глагол.

Говору свойственны постфиксы -СИ после согласных [*жани'лси*, *тарати'лси*, *рва'лси*] и -СЯ после гласных [*учи'лася*, *развяла'ся*] в возвратных глаголах [*Уну'к мой давно' жани'лси, яго' жана' учи'лася вме'сти с ним*].

Следует заметить, что в говоре имеются все три рода: женский, мужской и средний. Однако наблюдаются многочисленные случаи смешения родов: *пришла' время* вместо *пришло' время*, *кака'я го'ря* вместо *како'е го'ре*, *вся ле'та* вместо *всё лето*, *вку'сная мя'са* вместо *вку'сное мя'со* и др.

Нами выявлены интересные особенности и в употреблении служебных частей речи.

Союз.

В исследуемом говоре отмечен переход [о] в [у]: *хуть* вместо *хоть* [*Хуть уш пахлада'ла, фси равно' ишию' тяпло'*]. *Снех вы'падя, му'хи бе'ल्या палятя'ть, тады' фсе'*].

Вместо союза *чтоб* функционируют формы *чоп, чип* [*Чоп сямью' пракарми'ть, на'да бы'ла мно'га рабо'тать. Да и сыча'с чип абрзава'нию дятя'м дать, тудю'тца ни паклада'ють рук*].

Вместо союза *или* употребляется форма *нито'* [*Нито' даживу' да эн'таго го'да, нито' нет?*].

Предлог.

Предлог «С + родительный падеж» употребляется в значении исходного пункта движения [*с'мичу'рина, с'свазнис'е'нт'и, с'стало'во'й*].

Вводное слово.

Вместо вводного слова *наве'рно* в диалекте функционирует интересная лексическая единица *лебо'* [*Лебо' дош пайде'ть, фсю не'бу затыну'ла синявой'*].

Подводя итог вышесказанному, можно полагать, что високовский говор включает в свою систему фонетические и морфологические черты, которые отличаются от русского литературного языка и являются наследием древнерусского языка. В этом проявилось своеобразие местной речи.

Если же рассматривать диалектные черты, по терминологии А.Д. Черенковой, то исследуемый говор, наверное, можно считать восточноталагайским - типичным репрезентантом восточной группы южнорусского наречия, говором переселенцев в основном из Бутурлиновского района Воронежской области [5; с. 80].

Библиографический список

1. Бочарников М.И., Гриднева Л.Я., Гриднева Л.М. Высокий. Время, события, люди. 1922-2007. Таловая: Таловская районная типография, 2007. 44 с.
2. Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.И. Ярцева. М.: Научное изд-во «Большая российская энциклопедия», 2002. С. 110.
3. Касаткин Л.Л. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. М.: Наука – школа «Ярк», 1999. С. 24.
4. Орлова В.Г. Изменения в характере развития русского языка в связи с историей народа. Вопросы языкознания. 1953. С. 5.
5. Черенкова А.Д. Говор смешанного типа и / или региолект (и / или региональный вариант литературного языка и / или язык, приближённый к литературному) в посёлке городского типа Таловая Таловского р-на Воронежской области? // Диалектологический альманах: сборник материалов и исследований [науч. ред. А.Д. Черенкова]. Вып. I. Воронеж: ВГПУ, 2013. С. 72-85.
6. Аванесов Р.И. Русская диалектология. М.: Издательство «Наука», 1965.
7. Бромлей С.В. Русская диалектология / под ред. Касаткина Л.Л. М.: Просвещение, 1989.

References

1. Bocharnikov M.I., Gridneva L.Y., Gridneva L.M. Vysoky. Time, events, people. 1922-2007. Talovaya, 2007. 44 p.
2. Linguistic encyclopedical dictionary. M.: 2002. P. 110.
3. Kasatkin L.L. Modern Russian dialect and literal phonetics as a source of history of Russian language. M.: 1999. P. 24.
4. Orlova V.G. Changes in development character of Russian language in connection with national history. Issues of linguistics. 1953. P.5.
5. Cherenkova A.D. Mixed type dialect and/or regiolect in the village of Talovay (Talovsky district, Voronezh region) // Dialectological anthology. Vol. 1. Voronezh, 2013. P. 72-85.
6. Avanesov R.I. Russian dialectology. M.: 1965.

7. Bromley S.V. Russian dialectology. М.: 1989.

УДК 811.161.1'06

*Воронежский государственный
архитектурно-строительный
университет
Канд. филол. наук, асс. кафедры
русского языка и межкультурной
коммуникации
Матей И.К.
Россия, г. Воронеж,
+7(950)7523567
e-mail: mateiik@yandex.ru*

*Voronezh State Architecture and
Construction university
The chair of Russian language and cross-
cultural communication,
PhD, assistant
Matey I.K.
Russia, Voronezh,
+7(950)7523567
e-mail: mateiik@yandex.ru*

И.К. Матей

МЕСТО ЯЗЫКА ПРАВОСЛАВНЫХ ВЕРУЮЩИХ В СИСТЕМЕ НАЦИОНАЛЬНОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

Настоящая работа посвящена особенностям языка православных верующих. В статье рассматриваются пути решения важнейших лингвистических вопросов названной сферы, к числу которых относится поиск наиболее подходящего понятийно-терминологического осмысления языка верующих, его роли и статуса в системе национального русского языка.

Ключевые слова: православие, религиозный стиль, язык верующих, социолект, православный дискурс.

I.K. Matey

THE PLACE OF THE LANGUAGE OF ORTHODOX BELIEVERS IN THE SYSTEM OF NATIONAL RUSSIAN LANGUAGE

This study is devoted to the peculiarities of the language of Orthodox believers. The article discusses ways to solve the most important linguistic issues mentioned areas, which include finding the most appropriate terminology understanding the language of believers, its role and status in the system of national Russian language.

Keywords: an Orthodoxy, religious style, the language of believers, sociolect, Orthodox discours.

Новейший период развития русской культуры особенно ярко свидетельствует о столкновении традиционного мировоззренческого поля и «экспортирующихся» западных ценностных систем. В российском обществе нарастает поляризация идеологического и мировоззренческого характера. В настоящее время в России на фоне влияния Запада наблюдается возврат значительной части населения к исконным традициям и к православной вере [2; 9; 22].

Отмеченные изменения во многом находят своё отражение в русском языке новейшего периода. По наблюдениям исследователей, активные языковые процессы конца XX – начала XXI веков затронули всю систему русского языка, а также ее функционирование (узус) и в определенной мере изменили типологию форм существования русского языка, в том числе типологию его функциональных и функционально-экспрессивных разновидностей [10].

С одной стороны, разрушение целостности публицистического стиля русского литературного языка привело к выделению особой разновидности национального русского языка – языка средств массовой информации, включающего в себя язык

рекламы и язык электронных средств коммуникации [10]. С другой стороны, в русском языке конца XX – начала XXI веков активно формируются две новые функционально-стилевые разновидности русского литературного языка: язык (стиль) бизнеса и коммерции и религиозно-проповеднический стиль [10; 14; 2].

Появление названных разновидностей русского литературного языка, абсолютно неравнозначных по лексическим, грамматическим и структурным особенностям, смысловому содержанию составляющих их языковых единиц, обусловлено рядом социально-экономических, идеологических и политических причин. Социокультурные изменения последних десятилетий позволили занять православной вере важное место в духовной и культурной жизни многих россиян, что способствовало актуализации реалий религиозного мировоззрения и возвращению в активное словоупотребление обширного пласта лексики, связанной со сферой религии (прежде всего с православным христианством). Религиозный (религиозно-проповеднический) стиль русского литературного языка в настоящее время все чаще становится объектом специальных лингвистических исследований [2; 5; 9; 13; 14; 17; 23; 7].

Современные исследователи языка верующих предлагают неодинаковое осмысление понятия, обозначая его различными терминами: духовная речь, конфессиональный стиль, библейский стиль, богослужебный стиль, литургический стиль, религиозно-проповеднический стиль, религиозный стиль, церковно-богослужебный стиль, церковно-религиозный стиль, церковный стиль [2; 6].

На наш, взгляд термин «религиозный стиль» в наибольшей степени соответствует исследуемой стилиевой разновидности русского языка, однако очевидной представляется необходимость проведения границы между религиозным стилем, входящем в состав книжных стилей русского литературного языка, и богослужебным (стилем) языком Православной Церкви с описанием их отношений в составе национального языка.

Исследователь А.К. Гадомский справедливо отмечает, что «лингвистическое отличие религиозного стиля от других функциональных стилей, основанных только на современном национальном языке, состоит в синтезе национальных и профетических языков, языков литургии, языков богослужения, термин «религиозный стиль» обозначает при этом «стиль, складывающийся на основе литературного национального языка и языка конкретной религии» [6, с. 23].

В Стилистическом энциклопедическом словаре русского языка под редакцией М.Н. Кожинной представлен близкий к изложенной точке зрения подход. Термин «церковно-религиозный стиль» понимается как «функциональная разновидность русского литературного языка, обслуживающая сферу церковно-религиозной общественной деятельности и соотносящаяся с религиозной формой общественного сознания» [24, с. 612]. К числу основных отличительных особенностей при этом авторы словаря относят сочетание книжных элементов с церковно-религиозными и газетно-публицистическими, архаически-торжественную и эмоционально-оценочную окраску [24, с. 616].

Согласно рассмотренным подходам, религиозный стиль можно отнести к книжным стилям русского литературного языка. При этом сочетание национального русского языка с церковно-славянским языком рождает жанры, транслирующие накопленный религиозный опыт и жанры, функционирующие на современном этапе (проповедь, исповедь, устав).

Однако весьма спорным до сих пор остается вопрос о статусе тех разновидностей языка верующих, которые находятся за пределами книжного стиля, а также форм религиозного языка, находящихся вне литературного кодифицированного языка (жаргон семинаристов).

Очевиден вывод о том, что теория функциональных стилей недостаточна для описания языка верующих.

Анализ научной литературы позволяет выделить пять основных направлений в изучении языка верующих. Одно из таких направлений связано с изучением языка верующих, обозначаемого термином религиозный язык, в особой референциальной связи с религией. В рамках названного подхода предмет религии рассматривается как таинственная, труднодоступная, трансцендентная сфера сакрума, а язык верующего человека как средство интерперсонального общения как в межлическом измерении, так и в контакте со сферой сакрума [5]. Другое направление ориентировано на изучение языка верующих в соотношении с теорией функциональных стилей, среди которых выделяется религиозный стиль [6; 14; 18]. Еще одно направление сосредоточено на описании религиозного дискурса, а также на исследовании лексических единиц с религиозным содержанием в иных типах дискурса [11; 20].

Четвертое направление связано с теорией речевых жанров и речеповеденческих тактик. В рамках названного направления изучаются проповедь, молитва, послание и другие жанры [4]. Представители пятого направления исследуют речь верующих в разных коммуникативных ситуациях. В рамках такого подхода речь верующих рассматривается учеными как сакральный функционально-стилевой комплекс, включающий собственные стили: научный (в богословии), газетно-публицистический (в церковной жизни), официально-деловой (во внутрицерковном общении) и художественный (в жанрах церковной литературы) [12].

И.В. Бугаева, придерживаясь схожей точки зрения, утверждает, что ни одна другая сфера человеческой деятельности не реализуется в жанрах всех традиционных функциональных стилей, как это реализуется в религиозной среде, и предлагает для обозначения языка верующих следующие термины: православный религиолект, православный социолект [2].

Очевидно, что использование названных терминов связано с переосмыслением и расширением лингвистического понятия социальный диалект (социолект), которое традиционно ассоциировалось в языкознании с обозначением сниженной разговорной речи «не самых элитарных слоев населения» [3, с. 31], и предложением наполнить названное понятие более широким значением, имеющим отношение не только к речи сниженной, но нейтральной и даже высокой, в том числе речи верующих. В соответствии с широким подходом к понятию социальный диалект в современной научной литературе предлагается специальный термин – религиолект, который обозначает «относительно устойчивую, социально маркированную подсистему национального языка, обслуживающую речевые потребности ограниченной социальной группы верующих людей, отражающую теоцентрическую картину мира и характеризующуюся фонетическими, лексическими, словообразовательными и грамматическими особенностями» [2, с. 13-14]. В рамках описываемой теории предлагается также термин религиолектизм, под которыми понимаются такие единицы разных языковых ярусов, которые находятся в отношениях свободной дистрибуции с соответствующими единицами узуса и характеризуют речь носителей данного религиолекта [2, с. 33].

Следует отметить, что подобный подход к изучению языка православия вызывает в лингвистической и религиозной литературе серьезную критику. Так, например, по словам

Л.И. Маршевой, «квалифицированное описание языка верующих, актуальность которого несомненна, должно быть направлено на уточнение фактологических источников, на грамотное решение целого ряда классификационных и терминологических задач, а значит, на решительный отказ от искусственной концепции «православного социолекта» [15].

Думается, что многие выводы, сделанные в исследовании И. В. Бугаевой, являются достаточно обоснованными. Речь верующих, на наш взгляд, действительно представляет собой сложную языковую подсистему, которая имеет собственное стилистическое расслоение, однако такую подсистему, по нашему мнению, нельзя однозначно определить как «православный социолект» по следующим причинам: за пределами теории социолекта остаются жанры, используемые при обращении к адресатам с иными ценностными установками (миссионерская проповедь, выступление на диспуте, проповедь-обличение) [16]; невозможным представляется определение границ социальной группы-носителя названного варианта (верующие относятся к разным социальным группам); язык верующих должен определяться не только как сформировавшийся социолект, но как один из вариантов общенационального языка [15].

Думается также, что в процессе научных изысканий следует учитывать недостаточную теоретическую и терминологическую разработанность, а также относительную новизну в отечественной лингвистической литературе вопроса о месте и статусе языка православных верующих в системе национального языка.

В ряде современных исследований православная лексика рассматривается в рамках семантической сферы «Религия», которая вычленяется не только на основе семантического, но и на основе социально-коммуникативного признака, и при таком рассмотрении сближается с понятием дискурс [17].

В настоящее время многие ученые рассматривают язык верующих в рамках прагмалингвистики и теории дискурса. Исследователь Бобырева Е. В. предлагает под термином «религиозный дискурс» понимать «институциональное общение, целью которого является приобщение человека к вере или укрепление веры в Бога, и характеризуется следующими конститутивными признаками: 1) его содержанием являются священные тексты и их религиозная интерпретация, а также религиозные ритуалы, 2) его участники - священнослужители и прихожане, 3) его типичный хронотоп - храмовое богослужение» [1].

Необходимо отметить, что перечисленные в определении признаки не позволяют описать пространство, находящееся за пределами храма, и не учитывают околоцерковную коммуникацию, а также ситуации общения в светской среде на религиозные темы людей *разной степени воцерковленности* [17].

Некоторые исследователи предлагают выделять отдельные специальные дискурсы или субдискурсы (типы дискурсов, формации), которые рассматриваются как «отдельные социально-исторически сложившиеся сферы человеческого познания и коммуникации» [21]. Подобный подход позволяет в рамках религиозного дискурса выделить православный, католический, протестантский субдискурсы [17; 21].

Важно отметить, что подобная точка зрения, на наш взгляд, должна быть рассмотрена с позиции философии, религиоведения и богословия. В настоящее время ученые предпринимают попытки заполнить теоретические лакуны, прибегая к

различным видам знания. Именно синтез дисциплин привёл к возникновению новой активно развивающейся отрасли гуманитарного знания – теолингвистики.

Думается, что достижение полноты научного описания языка верующих возможно только в рамках междисциплинарных исследований при соответствующем теоретическом осмыслении, с помощью анализа эмпирической базы современных текстов (речевых произведений) в их связи с историей языка, ментальностью, идеологией и системой ценностей конкретного социума.

Библиографический список

1. Бобырева Е.В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии: на материале православного вероучения : дис. ... док-ра филол. наук: 10.02. 19. Волгогр. гос. пед. ун-т. Волгоград, 2007. С. 389–450.
2. Бугаева И. В. Язык православной сферы: современное состояние, тенденции развития: Автореферат дисс.. доктора филол. наук: 10.02.01. Российский государственный аграрный университет – МСХА им. К. А. Тимирязева. М., 2010. 48 с.
3. Бугаева И.В. Язык православных верующих в конце XX – начале XXI века. М., 2008.
4. Верещагин Е.М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Три страноведческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы / Под ред. и с послесловием акад. Ю. С. Степанова. М.: Индрик, 2005.
5. Войтак М. Религиозный стиль в генологической перспективе // Стереотипность и творчество в тексте: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 6. Пермь, 2003. С. 323-338.
6. Гадамский А. К. Стилистический подход к изучению религиозного языка // Стил. Београд.2008.Но 7. С. 21-36.
7. Гадамский А. К. Русская теолингвистика: история, основные направления исследований. URL: <http://www.isj.sanu.ac.rs/sajt%206/2010/27Gadomski.pdf>. Дата обращения: 27.01.12 г. // Стил, N 9. Београд, 2010. С. 357-374
8. Гольберг М.И. Религиозно-проповеднический стиль современного русского литературного языка: моральные концепты: Автореф. дис. канд. филол. наук. М, 2002. 16 с.
9. Горюшина Р.И. Лексика христианства в русском языке (системные отношения прямых конфессиональных и производных светских значений слов): Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01: Волгоград, 2002. 180 с.
10. Загоровская О.В. Еще раз о структуре значения словесного знака //Теоретические проблемы современного языкознания / Под ред. И.А. Стернина, М.А. Стерниной. Воронеж: Истоки, 2009. С. 24-32.
11. Карасик В. И. Религиозный дискурс // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики: сб. науч. тр. Волгоград, 1999. С. 5-19.

12. Кончаревич К. Дискуссии о богослужебном языке Сербской Православной Церкви: исторический обзор и современное состояние // Церковь и время. № 1 (26). 2004.
13. Королева И.А. Православная сакрально-богослужебная лексика в современном русском языке и в художественном тексте: Автореферат диссертации: 10.02.01. Волгогр. гос. пед. ун-т. Волгоград: Перемена, 2003. 28 с.
14. Крысин Л.П. Религиозно-проповеднический стиль и его место функционально-стилистической парадигме современного русского литературного языка. // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. М., 1996, с. 135-183.
15. Маршева Л.И. «Православный социолект (религиолект)» как способ языковой маргинализации. Вестник ПСТГУ III: Филология. Вып. 2 (20), 2010. С. 74–85.
16. Миронова Н. К. Религиозный дискурс, религиозный социолект и религиозный стиль – к проблеме определения понятия [Электронный ресурс] // URL: <http://www.mediascope.ru/node/756>
17. Михайлова Ю.Н. Религиозная православная лексика и ее судьба (по данным толковых словарей): Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01: Екатеринбург, 2004. 171 с.
18. Прохвятилова О. А. Православная проповедь и молитва как феномен современной звучащей речи. Волгоград: Волгоградский государственный университет., 1999. 362 с.
19. Ревзина Г.О. Дискурс и дискурсивные формации // Критика и семиотика. Новосибирск, 2005. Вып. 8. С. 71.
20. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов: автореферат дис.. канд. филол. наук: 10. 02. 01. Волгоград. 183 с.
21. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М Н. Кожинной. 2-е изд., испр. и доп. М. Флинта: Наука, 2006. 696 с.
22. Чернявская В.Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность: учеб. пособие. М., 2009. С. 146-147.
23. Шестун Е.В. Православные традиции духовно-нравственного становления личности (историко-теоретический аспект): Автореферат дис. ... доктора педагогических наук: 13.00.01: Казань, 2006. 41 с.
24. Ярмульская И. Ю. Духовное послание в документоведческом и стилистическом освещении: дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Волгогр. гос. ун-т. Волгоград, 2006. 167 с.

References

1. Bobyreva E.V. Religious discourse: values, genres, and strategies: on the material of the Orthodox creed : doctor of philological Sciences: 10.02. 19. V. state ped. University, Volgograd, 2007. p. 389-450.

2. Bugaeva I.V. Century, the Language of the Orthodox sector: current status, tendencies development: abstract of thesis ... doctor of philological Sciences: 10.02.01. Russian state agrarian University-Moscow agricultural Academy named after. K. A. Timiryazev. M., 2010. 48 p.
3. Bugaeva I.V. the Language of Orthodox believers in the end of XX - beginning of XXI century. M., 2008.
4. Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G. Century, Language and culture. Three cross-cultural concepts: lexical background, spoken behavioral tactics and sapientem / edited and with an afterword Acad. Y. S. Stepanov. M: Indrik, 2005.
5. Voytak M. Religious style in genological term //Stereotypy and creativity in the text: Interuniversity collection of scientific papers. Tr. Vol. 6. Perm, 2003. p. 323-338.
6. Gadomsky A.K. Stylistic approach to the study of religious language i// Stil.-Beograd. 2008. N 7. pp. 21-36.
7. Gadomsky A.K. Russian dealingwith: history, main trends of research. URL: <http://www.isj.sanu.ac.rs/sajt%206/2010/27Gadomski.pdf>//Stil, N 9. Beograd, 2010.
8. Golberg M.I. Religious preaching style of the modern Russian literary language: moral concepts: Abstract of dissertation of candidate of philological Sciences. M, 2002. 16 p.
9. Gorushina R.I. Vocabulary of Christianity in the Russian language (system relations direct confessional and derivatives secular meanings of the words): Dissertation of candidate of philological Sciences: 10.02.01: Volgograd, 2002. 180 p.
10. Zagorovskaya. O.V. Again about the structure of the values of a verbal sign. Theoretical problems of modern linguistics / Ed. by I.A. Sternin, M.A. Sternina. Voronezh: Origins, 2009. p. 24-32.
11. Karasik V.I. Religious discourse // Linguistic personality: problems of lingvokulturologiya and functional semantics : collected scientific articles. Volgograd, 1999. p. 5-19.
12. Koncarevic K. Discussion about the liturgical language of the Serbian Orthodox Church: a historical review and current state // Church and time. N. 1 (26). 2004.
13. Korolova I.A. Orthodox sacred / liturgical language in modern Russian language and in fiction: dissertation: 10.02.01 / Volgar. state ped. University; Scientific. Volgograd: Peremena, 2003 . 28 p.
14. Krysin L.P. Religious preaching style and his place functional-stylistic paradigm of modern Russian literary language. // The poetics. Stylistics. The language and culture. M., 1996.

15. Marsheva L.I. «Orthodox sociolect (religiolect)» as a way of linguistic marginalization. Bulletin of the research III: Philology. Vol. 2 (20), 2010. S. 74-85.

16. Mironova N.K. Religious discourse, religious sociolect and religious style - defining concepts [Electronic resource] // URL: //http://www.mediascope.ru/node/756.

17. Mikhailova N. Religious Orthodox vocabulary and its fate (according to dictionaries): Dissertation of candidate of philological Sciences: 10.02.01: Ekaterinburg, 2004. 171 p.

18. Prokhvatilov O.A. Orthodox sermon and prayer as a phenomenon of modern sounding speech/ Oharrow. Volgograd: Volgograd state University., 1999. 362 p.

19. Revzina G.O. Discourse and discursive formations // Criticism and semiotics. Novosibirsk, 2005. Vol. 8. p. 71.

20. Slickin G.G. Linguistic and cultural concepts of precedent texts: abstract of thesis. Dissertation of candidate of philological Sciences: 10. 02. 01. Volgograd. 183 p.

21. Stylistic encyclopedic dictionary of Russian language / Ed. by M. N. Kozhina. 2nd ed., Corr. and supplementary. M, Flinta: Nauka, 2006. 696 p.

22. Cherniavskaya V.E. Text Linguistics: Polycode, intertextuality, interdiscursivity: textbook. the allowance. M., 2009. p. 146-147.

23. Shestun E. Century Orthodox traditions of moral personality (theoretical aspect): abstract of thesis. ... doctor of pedagogical Sciences: 13.00.01: Kazan, 2006. 41 p.

24. Yarmulskaya I.Y. Spiritual message in documental and stylistic lighting: dis. ... of candidate of philological Sciences: 10.02.01 / valgor. state University, Volgograd, 2006. 167 p.

УДК 81'367.7

*Воронежский
архитектурно-строительный университет
Канд. филол. наук, доц. кафедры русского
языка и межкультурной коммуникации,
Воронова Т.А.
Россия, г. Воронеж, тел. +7(473)271-50-48;
e-mail: tati82@inbox.ru*

*Voronezh State University of Architecture
and Civil Engineering
The chair of Russian language and cross-
cultural communication,
PhD, associate professor
Voronova T.A.
Russia, Voronezh, tel. +7(473)271-50-48;
e-mail: tati82@inbox.ru*

Т.А. Воронова

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ОБРАЩЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье говорится о некоторых изменениях формальной и неформальной формы обращения в современном русском речевом этикете.

Ключевые слова: обращение, имя, отчество, речевой этикет.

T.A. Voronova

ABOUT SOME FEATURES OF MODERN RUSSIAN FORMS OF ADDRESS

The article is devoted to some changes of formal and informal forms of address in contemporary Russian speech etiquette.

Keywords: forms of address, name, patronymic, speech etiquette.

Данная статья представляет собой попытку рассмотреть некоторые современные тенденции, связанные с таким важным элементом русского речевого этикета, как обращение.

В современном русском языке проблема обращения является открытой. Несмотря на обширную литературу, посвященную изучению различных аспектов обращения, многие вопросы до сих пор остаются спорными, недостаточно освещенными или вовсе не разработанными. Поэтому вопрос об обращении в современном русском языке продолжает оставаться злободневным. Актуальность данной темы определяется тем, что средства обращения в русском языке занимают важное место в системе речевого этикета. С помощью слов-обращений можно привлечь чье-то внимание, определить социальный статус участников беседы, выразить эмоциональное отношение и даже манипулировать собеседником. Они используются и в публичном, и в интимном общении, и с незнакомыми или малознакомыми людьми, и с друзьями. Не менее важны и официальные обращения, которые очень чутко реагируют на социальные потрясения.

«В России именно обращения оказались в центре двух социально-лингвистических переворотов – «революционного» и «перестроечного» [1]. Такие обращения, как «сударь», «сударыня», «товарищ» полностью или почти полностью перестали употребляться; «господин» и «госпожа» имеют очень ограниченное употребление. Попытки внедрить подобные формы обращения эпизодически предпринимаются (к примеру, в одном из санкт-петербургских ресторанов быстрого питания, название которого мы не приводим по соображениям этики, продавец-кассир обязан обращаться к покупателю «сударь» или «сударыня»), однако такие

эксперименты носят довольно искусственный, а иногда и откровенно комический характер. Этот комизм уловили и создатели фильма «12» (2007 г.), в котором один из персонажей обращается к коллегам в подчеркнуто несочетаемом ключе: «Товарищи господа!»

Таким образом, социальные перемены привели к тому, что в современном русском языке произошла утрата универсальной формы обращения, характерной для многих европейских языков (мистер, мсье, сеньор, мадам и т. д.). «Основной проблемой для иностранцев остается выбор слова в начале общения. Увы, действительно нейтрального обращения в русском языке нет» [1]. Поэтому традиционные формы обращения «на ты» и «на вы», по имени или имени-отчеству приобретают особую смысловую нагрузку в речевом общении.

Обращение «на вы» пришло в русский язык позднее. «Исконно русским и в этом смысле традиционным является обращение к одному человеку на *ты*. Так говорили с близкими и чужаками, с ровесниками и со старшими, не церемонились и с начальниками: тыкали уважаемым и почитаемым» [5]. Более формальное обращение множественного числа – результат влияния европейской традиции: «Употребление *вы* по отношению к одному лицу высокого положения (господину, князю) встречается уже в памятниках русской письменности XI–XVI веков, что связано, вероятно, с влиянием византийской речевой традиции. Однако распространение в качестве почтительного, вежливого, обращения *вы* (*Вы*) получило в петровскую и особенно – в послепетровскую эпоху под влиянием западноевропейского, в частности немецкого и французского, речевого этикета. [4; с. 92].

Для современных носителей русского языка форма обращения является одновременно «маркером» обстоятельств, в которых происходит общение, выраженной социальной приметой и даже способом выразить свое личное отношение к собеседнику. Выбор формы обращения зависит от многих факторов: пол и возраст собеседника, степень знакомства с ним, степень формальности речевой ситуации и т.д. Следует отметить, что обращение «на вы» – это отнюдь не всегда признак официального общения. Обращаясь таким образом к другу или родственнику, можно тем самым продемонстрировать свое неудовольствие или обиду. Таким образом, форма обращения может быть подчинена и эмоциональному фактору.

Финская журналистка Анна-Лена Лаурен так пишет о многозначности и многофункциональности русского обращения:

«Обращение на «вы» необязательно означает такие уж официальные отношения. Вполне можно обращаться к людям, которым «выкаешь» – например, сослуживцам, – при помощи уменьшительных имен. Так что русские одновременно и официальные, и неофициальные в общении. Слово «вы» важно, но человека, к которому обращаешься на «вы», вполне можно называть уменьшительным именем, прикасаться к нему, подтрунивать над ним. <...> Обращение на «вы» делает общение более многозначным. Это один из многих факторов, которые делают жизнь в России более многообразной и отлаженной, чем в Финляндии. Обращением можно обозначить немало – возраст, пол, иерархию. Как и все прочее в России, эти сообщения не прямые, а скрыты между строк» [2].

Не менее важно для русского речевого этикета обращение по имени или имени-отчеству. Можно сказать, что это своего рода «марка» русской речевой культуры. Обращение такого рода делает речь не только «более адресной и контактной», но и позволяет передать разнообразную гамму чувств и отношений. Об этой особенности русского обращения Максим Кронгауз пишет следующее: «Большинство русских обращений эмоционально окрашены и не могут использоваться в нейтральной ситуации. Зато особую роль в общении по-русски играют личные имена. Можно даже

сформулировать основное правило русского речевого этикета: «Если ты знаешь имя собеседника, используй его». Интересно, что, например, японцев это скорее пугает, поскольку в японском общении личные имена избегаются, слишком уж интимное это дело. Редко используют имена и финны, и некоторые другие народы. <...> У каждого из нас огромное количество имен, если сложить все сочетания имени, отчества и фамилии, а также всевозможные уменьшительные и ласкательные имена. Такого обилия вариантов нет в других языках, и мало кто из иностранцев способен понять несочетаемую в теории комбинацию типа «Людочка Ивановна», где отчество выражает уважение, а уменьшительное имя – эмоциональную теплоту. С помощью имени можно выразить очень много разнообразных чувств» [1].

Не ускользнула эта особенность русского обращения и от внимания самих иностранцев. Приведем еще одну цитату из книги Анны-Лены Лаурен:

«Русские всегда зовут друг друга по имени, это вежливо. Люди редко обращаются друг к другу на западный манер, то есть «господин Иванов» или «госпожа Иванова». Это способ показать, что собеседники видят друг друга, и русские прибегают к нему значительно чаще, чем, например, финны. Если отношения официальные, к человеку обращаются по имени и отчеству. А хорошие друзья выбирают одну из бескрайнего моря ласкательных форм, скрытых в каждом русском имени. Я никогда не слышала, чтобы кто-то назвал какого-нибудь Владимира просто Владимир. Если хотят быть вежливыми, говорят «Владимир Сергеевич». Если отношения неформальные и дружеские, говорят «Володя» или «Вова». Вот почему советник Буша упустил очень важный момент, присоветовав Бушу говорить «мой друг Владимир» (при обращении к Путину). Бушу следовало говорить «мой друг Володя», и никак иначе» [2].

Однако именно эта особенность русского обращения – по имени-отчеству или просто по имени – оказалась наиболее подверженной влиянию времени (и, заметим в скобках, наиболее уязвимой).

Так, Михаил Эпштейн отмечает: «В русском языке отчества сохранились лучше, чем в подавляющем большинстве европейских. Однако в последнее время их роль ослаблена воздействием английского языка и западной манеры обращения. В частности, отчества все реже употребляются в СМИ, которые формируют языковые навыки населения» [3]. Солидарен с ним и неоднократно цитированный нами Максим Кронгауз: «За последние два десятка лет заметно сузилась сфера использования имен-отчеств. Отчество практически исчезло из тех сфер общения, которые наиболее подвержены иностранному влиянию (из бизнеса). Новый речевой этикет во многих деловых коллективах подразумевает обращение только по имени, в том числе и к начальнику, и к деловому партнеру, то есть в тех ситуациях, где ранее нейтральным было обращение по имени-отчеству. <...> Еще пятнадцать лет назад невозможно было вообразить себе ситуацию, что человека без всякой иронии в разговоре назовут Александром или Константином, и сам он будет так представляться при знакомстве. Это было бы претенциозно, чопорно и даже жеманно. Однако все изменилось. И сегодня старый этикет фактически разрушен. Складывается новый публичный этикет» [1].

Следует также отметить, что от деловых кругов в этом отношении не отстают и представители шоу-бизнеса. К примеру, актриса Елизавета Михайловна Боярская почти всегда фигурирует в прессе как «Лиза Боярская», актер Юрий Георгиевич Куценко выбрал в качестве творческого псевдонима уменьшительную форму своего имени, а певица Наталья Королёва совсем недавно перестала быть «Наташей».

Что же касается личных предпочтений «рядовых граждан» в вопросах формы обращения, то на вопрос об этом современные россияне в возрасте примерно от 25 до 40 лет (участники анонимного Интернет-опроса. – *Т.В.*) отвечают так (орфографию и стиль ответов частично сохраняем):

«Всё зависит от ситуации. В общем-то по уменьшительному. Но сама я всех зову полным именем»;

«Мне очень нравится обращение на «ты» (при условии симметрии – чтобы я тоже мог «тыкать»). Обращение по имени-отчеству терпеть не могу (разве что в шутку);»

«В жизни – уменьшительное и на "ты", на работе прошу обращаться по имени и на «ты» (кое-кто использует уменьшительное и в рабочей обстановке, я только «за»), не люблю официального обращения по имени-отчеству»;»

«Когда обращаются по имени-отчеству к человеку молодого возраста (он так представляется, на визитке написано), то это понты, по-моему. Я предпочитаю по полному имени без всяких уменьшительных суффиксов»;»

«Согласна про симметрию «ты-вы». Только на работе предпочитаю полное имя, а в обычной жизни уменьшительное»;»

«Уменьшительное и на «ты». «Вы» – если надо держать дистанцию»;»

«Все от ситуации зависит. Когда обращаются ровесники, с которыми ищешь сокращения дистанции, неловко. Когда тыкают те, с кем хотелось бы дистанцию сохранить, тоже неприятно. Я вообще фамильярность не люблю»;»

«Лучше на «ты» и уменьшительное, хотя есть исключения. Правда, после года работы в школе от «Александра Сергеевна» меня передергивает. А еще в детстве, когда ругали, называли полным именем»;»

«Предпочитаю на Вы, кроме друзей и близких приятелей. Даже флирт приятней, когда на Вы. По имени-отчеству нравится, потому что мне нравятся конкретно мои имя-отчество. От уменьшительного передергивает, когда обращаются не близкие родственники-друзья-приятели»;»

«Мне трудно говорить человеку, который явно старше меня, «ты», даже если он просит об этом - это "азиатская" привычка. Сама предпочитаю обращение на «ты», даже на работе, мне так проще, уютнее. Конечно, это в неофициальной обстановке, при посторонних и с посторонними, – на Вы и по имени-отчеству»;»

Итак, мы видим, что предпочтения опрошенных не сильно отличаются, в большинстве случаев обращение зависит от ситуации и возраста собеседника, но большинство предпочитает слышать в свой адрес обращение на «ты» и по имени. Справедливости ради стоит заметить, что в последнее время даже немолодые люди (правда, немногие) предпочитают «европейский» вариант обращения – только по имени (полному). Насколько сильным окажется «западное» влияние – в данный момент судить трудно, ибо «речевой этикет, в отличие от слов, практически нигде не фиксируется», и изменения в нем «относятся, пожалуй, к самым неосознаваемым в языке» [1].

Библиографический список

1. Кронгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва // <http://lib.rus.ec/>
2. Лаурен Анна-Лена. У них что-то с головой, у этих русских // <http://lib.rus.ec/>
3. Эпштейн М.Н. Как вас по матушке? // <http://www.chaskor.ru/>
4. Балакай А.Г. Словарь русского речевого этикета. М.: 2001. 672 с.
5. Справочно-информационный портал «Грамота.ру» // <http://www.gramota.ru/>

References

1. Krongaus M.A. Russian language on the verge of a nervous breakdown // <http://lib.rus.ec/>
2. Lauren Anna-Lena. These Russians are some like crazy // <http://lib.rus.ec/>
3. Epstien M.N. What is your matronymic? // <http://www.chaskor.ru/>
4. Balakay A.G. Vocabulary of Russian speech etiquette. M.: 2001. 672 p.
5. Reference and informational portal "Gramota.ru" // <http://www.gramota.ru/>

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКОВ METHODOLOGY OF TEACHING LANGUAGES

УДК 37.01

*Донбасская национальная академия
строительства и архитектуры
Канд. техн. наук, проф.,
проректор по научно-педагогической и
воспитательной работе Левченко В.Н.
Украина, г. Донецк, тел. (062) 300-11-25;
e-mail: mailbox@dqasa.dn.ua*
*Донбасская национальная академия
строительства и архитектуры
Доц. секции иностранных языков
кафедры прикладной лингвистики и
этнологии Загоруйко Т.И.
Украина, Макеевка, тел. (062 32) 4-32 -4;
e-mail: mailbox@dqasa.dn.ua*

*Donbas National Academy of Civil
Engineering and Architecture
PhD in technical sciences, professor, vice-
rector in education and pedagogic activities
Levchenko V.N.
Ukraine, Donetsk, tel. (062) 300 -11-25;
e-mail: mailbox@dqasa.dn.ua*
*Donbas National Academy of Civil
Engineering and Architecture
Department of applied linguistics and
ethnology, associate professor Zagoruiko T.I.
Ukraine, Makeevka, tel. (062 32) 4-32-41;
e-mail: mailbox@dqasa.dn.ua*

В.Н. Левченко, Т.И. Загоруйко

ЛИЧНОСТНО ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ПОДХОД В ПРЕПОДАВАНИИ ОБЩЕИНЖЕНЕРНЫХ И СПЕЦИАЛЬНЫХ ДИСЦИПЛИН

Статья посвящена реализации личностно ориентированного подхода в процессе преподавания общеинженерных и специальных дисциплин в Донбасской национальной академии строительства и архитектуры. Рассмотрены некоторые положения образовательной среды вуза, этапы профессионального становления будущего специалиста с учётом его индивидуальных особенностей. Обсуждена роль психологической службы и кураторов при реализации данного подхода в учебно-воспитательном процессе.

Ключевые слова: личностно ориентированный подход, психологические особенности, образовательная среда, компетенция.

V.N. Levchenko, T.I. Zagoruiko

PERSONALLY FOCUSED APPROACH IN TEACHING GENERAL ENGINEERING AND SPECIAL SUBJECTS

The article is devoted to application of the personified focused approach to teaching general engineering and special subjects at Donbas National Academy of Civil Engineering and Architecture. Some concepts of educational environment of a higher school and stages of professional training of specialists with the account of their individual traits are considered. The part of the psychological consulting service and tutors in introducing this approach to teaching and educational process is discussed.

Keywords: personally focused approach, psychological peculiarities, educational environment, competence.

Вопрос личностно ориентированного подхода в обучении студентов сегодня активно обсуждается в педагогике высшей школы как одно из приоритетных направлений, которое интенсивно разрабатывается.

Перенесение акцента в образовательных целях с обеспечения обучающегося определенной суммой знаний, умений и навыков на комплексное развитие его личности становится характерной стратегией настоящего времени, обеспечивающей соответствие образования интересам и потребностям человека [1].

Поворот образования к воспитанию профессионально-компетентной личности означает переход к более высокой ступени проектирования педагогического процесса, поскольку «образование невозможно без обращения к личности, дело лишь в том, какую роль играет личность в этом процессе - роль цели или средства [2]. Когда образовательная среда создаётся при личностном подходе, главной задачей становится обеспечение саморазвития личности.

Приобретение профессиональных знаний и становление личности происходит в такой образовательной среде, которая включает систему ключевых факторов, определяющих образование и развитие человека. Прежде всего – это люди, влияющие на образовательные процессы, общественно-политический строй страны, природная и социокультурная среда, средства массовой информации, экстраординарные события. Нельзя забывать и о совокупности эмоционального микроклимата, личностного благополучия каждого обучающегося, особенностей микрокультуры образовательного учреждения, в результате взаимодействия которых происходит становление личности обучающегося.

Особое место в этом процессе занимает комплекс специально организованных в учебном заведении психолого-педагогических условий, в результате взаимодействия которых с личностью студента происходит становление его личности как профессионала и гражданина.

Одной из особенностей гуманитарной образовательной среды вуза является её способность обеспечить формирование основ нового культурно-образовательного и социально-педагогического мышления, поскольку гуманитарная образовательная среда является эффективным культурно-образовательным пространством с приоритетом гуманистически-нравственных ценностей.

Образовательная среда каждой личности представляет собой личностное пространство познания и развития, она должна создавать совокупность возможностей для развития обучающегося, для проявления и развития его способностей и личностных потенциалов и способствовать профессиональному развитию участников учебного процесса, обучению их в атмосфере сотрудничества. Безусловно, образовательная среда формируется в соответствии с целями обучения, специфическими особенностями контингента и условиями каждого конкретного вуза [1].

Содержательно-методический компонент образовательной среды наряду с содержательной сферой (концепциями обучения и воспитания, учебными программами, планами, пособиями и учебниками) включает формы и методы организации образования, которые, в свою очередь, кроме лекций и практических (семинарских, лабораторных) занятий, предусматривают дискуссии, конференции, экскурсии, организацию научно-исследовательских обществ и работу структур самоуправления. В то же время, создавая личностно ориентированную образовательную среду вуза, не следует забывать о таких принципах организации воспитания развитой и социально-зрелой личности (*Л.М.Фридман*), как:

развитие и учёт индивидуальных особенностей студентов; ролевое участие обучающихся, при котором каждый из них должен выступать одновременно в роли ответственного и подчинённого; психологическое обеспечение, а именно – развитие мотивации обучения; преобладающая роль самоконтроля.

Сегодня высшая школа требует ориентации на решение задач, связанных с повышением качества образования за счёт инновационных подходов и методов обучения. Для технических вузов суть изменений сводится к повышению уровня инженерной подготовки с одновременным сокращением сроков образования (уровень бакалавра) через внедрение в систему образования современных информационно-учебных (образовательных) технологий, обучение студентов методологии творчества, принципам инновационной деятельности, навыкам управления персоналом, основами менеджмента и маркетинга. Что касается модернизации инженерного образования, то здесь, на наш взгляд, наиболее перспективными и продуктивными являются подходы, которые позволяют строить учебный процесс на объединении профессиональной направленности обучения с ориентацией на личность студента и его интересы.

Для эффективной подготовки специалистов новой формации немаловажным является не только освоение студентами способов познавательной и инженерной деятельности, но и развитие коммуникативной, инженерной и предпринимательской культуры. Одним из важнейших направлений развития инженерного образования есть привлечение каждого студента на протяжении всего периода обучения в вузе к активной творческой деятельности (научные исследования, клубы, кружки). С целью расширения компетенции студентов в области культуры и будущей профессиональной деятельности с учетом их настоящих и будущих интересов и запросов в Донбасской национальной академии строительства и архитектуры (ДонНАСА) расширена сеть отделений факультета культуры и школ факультета общественных профессий, а также продолжена устоявшаяся традиция формирования сети клубных объединений профессиональной направленности. Сейчас в академии работает 21 такое подразделение. Среди них следует назвать клуб «Строитель» для студентов строительного института, а также «Экология и окружающая среда» и интеллектуальный клуб института городского хозяйства. Для студентов архитектурного факультета успешно функционирует школа по обучению автокаду и фотошопу, для студентов-экономистов организованы школы этики, делопроизводства и школа бизнеса. На механическом факультете работают школы, направленные на выработку у студентов компетенций в сфере безопасности движения на дорогах и 3D моделирования. Школа студенческого лидера также сориентирована на обучение студентов организационной и предпринимательской деятельности.

Педагогическое мастерство преподавателя при личностно-ориентированном подходе к обучению включает в себя не только знания и опыт педагога в определённой области науки, но и требует от него творческих поисков в сфере преподавательской деятельности, способности замечать и учитывать существенные психологические характеристики каждого обучающегося. И здесь важная роль отводится службе психологической поддержки студентов академии. А посредниками между студентами и преподавателями при возникновении ситуаций, связанных с массовым или индивидуальным непониманием студентами группы значения и сути того или иного курса, должны стать кураторы групп и помощь психологической службы. Нет сомнений в том, что успешность обучения студентов в вузе во многом определяется реальными условиями их жизни, характером возникающих в процессе учёбы проблем и возможностями их разрешения при непосредственной помощи профессорско-преподавательского коллектива и органов студенческого самоуправления. При этом нельзя упускать из виду и то, что студенты не прощают равнодушия к условиям своей жизни, бытовым и учебным проблемам. Поэтому для правильного определения стратегии воспитательного воздействия, необходимо чётко представлять спектр тех актуальных проблем, которые имеют место в студенческой среде. Одной из доминирующих среди них является недостаточная материальная обеспеченность,

вследствие чего все большее количество студентов ищет дополнительных заработков, которые в основном предлагает сфера услуг и коммерческая торговля и которые очень редко связаны с профилем их будущей специальности. Серьезная проблема – наличие психологического дискомфорта в студенческой среде, проблемы личностного и эмоционального плана. Поэтому ещё раз необходимо подчеркнуть, что в этом направлении кураторы групп должны обращать внимание на особенности характера и поведения студентов, привлекать психолога для консультаций по снятию стрессовых ситуаций и психологических перегрузок, а также способствовать приобретению студентами навыков взаимоуважительного и толерантного общения. Своевременное разрешение возникающих конфликтных ситуаций с одногруппниками, товарищами по общежитию, преподавателями или администрацией при непосредственном участии куратора может существенно нормализовать психологическую атмосферу в академических группах.

Решая проблему лично ориентированного обучения профессиональных кадров, необходимо помнить, что профессиональная деятельность педагога вуза предполагает владение несколькими видами деятельности. А знание основ психологии личности, основ педагогики и педагогического мастерства – сегодня такая же важная составляющая деятельности преподавателей фундаментальных, общеинженерных и специальных дисциплин, как и профессиональная компетентность. Это направление деятельности становится ещё более важным в связи с проблемами средней школы, так как многие вопросы воспитания и становления личности, которые ранее решались педагогическими коллективами школ, сейчас приходится решать в вузах, и этот процесс не ограничивается только младшими курсами, поскольку пополнение, которое получают высшие учебные заведения, зачастую эмоционально неустойчиво, у многих ещё нет четко выработанных критериев и понятий «добра» и «зла», а не имея определенных собственных целей, молодые люди легко поддаются влиянию толпы либо становятся равнодушными к тому, что происходит вокруг. Следовательно, педагогам высшей школы необходимо в работе со студентами выполнять роль не только носителей профессиональных знаний, но и воспитателей личности гражданина своей страны.

За период обучения в вузе каждый студент должен реализовать свои индивидуальные возможности и способности в комплексе предметных, исследовательских и организационных видов деятельности, в приобретении ориентированной на конечный профессиональный результат компетентности.

Естественно, что становление личности студента и его профессиональная ориентация проходят за период обучения в вузе несколько этапов. Первый этап (1-2 курсы) предполагает формирование направленности личности будущего специалиста на освоение информации философско-гуманитарного цикла. Что касается работы других кафедр на этих курсах, то им можно рекомендовать составление студентами при поддержке кураторов психолого-педагогических самохарактеристик, отражающих исходный уровень их профессиональной направленности: мотивов, целей, интересов, личностных качеств, ценностей и ценностных ориентаций, потребностей в будущей профессиональной деятельности [3]. На данном этапе для развития личностных и профессиональных качеств студентов важно сотрудничество гуманитарных, фундаментальных и общеинженерных кафедр. Одной из основных задач работы с первокурсниками является разработка и внедрение методов самостоятельной работы, так как она формирует самостоятельность не только как совокупность умений и навыков, но и как черту характера.

В качестве организационных форм учебно-воспитательного процесса во внеучебное время или как форму проведения Дня кафедры можно использовать дискуссии, конференции, межпредметные студенческие семинары, аукционы знаний и т.д. Показателем завершенности первого этапа должно стать постепенное повышение уровня сформированности мотивов, интересов и потребностей в будущей профессиональной деятельности. Свидетельством этому может стать желание студентов перед выходом на практику приобрести рабочую специальность в центре «Профессия».

Выпускающие кафедры начинают полноценно воздействовать на своих питомцев на третьем курсе, и это второй этап, во время которого необходимо работать над формированием основ профессионального мышления и профессиональной культуры. Переход к изучению специальных дисциплин и курсовое проектирование должны способствовать согласованности действий преподавателей и студентов, чтобы определить оптимальные пути обучения и воспитания личности студента или студенческого коллектива. Например, коллектив кафедры «Водоснабжение и водоотведение» поставил перед собой следующие задачи в работе со старшекурсниками: привитие профессиональной заинтересованности в глубоком освоении всех сторон избранной специальности; воспитание чувства ответственности, необходимого для работы со сложными и небезопасными процессами и оборудованием; развитие технического кругозора для ориентирования в смежных сферах профессиональной деятельности; развитие аналитического мышления для решения возникающих проблем и нестандартных ситуаций; выработка у студентов комплексного понимания взаимосвязи и взаимозависимости природы, общества и окружающей среды; формирование у молодёжи устойчивых навыков будущих руководителей и воспитателей.

Именно на специальные кафедры возлагается задача «открыть глаза» молодым людям на суть избранной профессии, её актуальность, важность для общества, раскрыть перспективы будущей профессиональной деятельности. Важно убедить студентов в том, что даже неосознанный в какой-то мере выбор их специальности был все-таки правильным и не случайным. И здесь убедительнее всего выглядят примеры успешных выпускников, что ещё раз говорит в пользу поддержания контактов с выпускниками и организации их встреч со студентами. В плане рассматриваемого нами вопроса заслуживают внимания и такие формы, как привлечение производственников к чтению лекций или проведению ежесеместровых экскурсий, например, на предприятия компании «Вода Донбасса».

Позволим себе привести ещё примеры эффективности их форм работы в этом плане. Результаты совместной работы кафедры архитектуры промышленных и гражданских зданий с рядом промышленных предприятий используются как подоснова для дипломных и магистрантских проектов и работ, а также при написании учебно-методических пособий, или как информационный источник материалов для лекций. Преподаватели кафедры архитектурного проектирования и дизайна архитектурной среды, которые являются членами Центра историко-архитектурных исследований «Архитектурное наследие», активно переносят в учебный процесс свой опыт сотрудничества с Государственной службой охраны национального культурного наследия. Профессиональная подготовка архитекторов без соблюдения принципа индивидуального подхода к каждому студенту просто невозможна. Индивидуальность студентов явно прослеживается в их живописных и проектных работах. Очень важно, чтобы каждый студент слушал и слышал преподавателя, тогда обеспечивается то единство, без которого невозможно подлинное творчество при выполнении курсовых и дипломных работ, так как преподаватель даёт свои советы и рекомендации с учетом

возможностей и склонностей обучаемых. Выпускающие кафедры института экономики, менеджмента и права в строительстве (ЭМПС) приближают учебный процесс к реальному производству таким образом: дипломное проектирование базируется на реальных программах развития города и области, инвестиционных проектах, производственных и строительных объектах, на материалах ведущих предприятий и организаций Донбасса и всей Украины в сфере строительства и жилищно-коммунального хозяйства. По итогам участия в программах трудоустройства, ориентированных на выпускников вузов, проводимых крупными компаниями, выпускники кафедры «Экономика предприятий» могут участвовать в конкурсе на замещение вакантных должностей, даже не имея требуемого работодателем опыта работы. На этом этапе в программе личностно-ориентированной подготовки важная роль отводится научной работе и тем возможностям, которые она открывает перед руководителем для становления личности исследователя.

Публичность выступления для многих (даже хорошо успевающих) студентов нередко является серьёзной психологической проблемой, и задача преподавателя – помочь студенту снять этот психологический страх. Показательными в этом плане являются результаты последней научно-технической конференции в апреле 2014 г., когда на 36-ти общеинженерных и технических секциях свои сообщения представили 645 студентов академии, что составило более 23-х процентов от общего числа студентов стационара. Наибольшее количество сообщений сделано студентами на кафедрах высшей математики, архитектурного проектирования, экологии и химии, охраны труда и БЖД. Это свидетельствует о том, что именно на этих кафедрах уделяется постоянное внимание привлечению студентов к различным видам научно-исследовательской деятельности и критерием сформированности основ профессиональной культуры является высокий уровень освоения студентами умений планировать, организовывать, реализовывать и оценивать результаты своей работы, будь то практика, курсовой проект или работа, социальный проект или бизнес-план. Педагогический коллектив ДонНАСА стремится к тому, чтобы профессиональную индивидуальность нашего выпускника отличал высокий уровень профессионального творческого мышления, гибкость и пластичность личностного развития, стремление к расширению своих знаний, гуманистическая направленность профессиональной деятельности [4].

Одна из трудностей, с которой выпускники вузов сталкиваются, приходя на работу, – это необходимость адаптации в новом коллективе и умения работать в команде. Учеба – дело индивидуальное. Сегодня, к сожалению, в учебных программах технических специальностей ещё нет специальных курсов, обучающих молодёжь взаимодействию, взаимопониманию и сотрудничеству, а также элементам управления. Дирекциям и деканатам технических специальностей следовало бы подумать о том, чтобы у будущих инженеров была возможность прослушать такой курс либо факультативно, либо как дисциплину по выбору. Важно помнить, что нынешние студенты в недалеком будущем в подавляющем большинстве будут воспитателями больших или малых трудовых коллективов, поэтому немаловажным компонентом подготовки специалистов в этом направлении будет тот опыт, который они извлекут в вузе из общения с руководителями кафедр, факультетов, институтов и других структур учебного заведения.

Не следует забывать и о том, что личностно ориентированное образование студентов в конечном счёте предполагает подготовку специалистов с установкой на их будущее место работы. И это формирует еще одно направление работы педагогов

вузов – тесную связь с производственными коллективами. По нашему мнению, к вопросам лично ориентированного обучения с достаточным вниманием в ДонНАСА относятся кафедры института экономики, менеджмента и права в строительстве. Преподаватели кафедр этого института учат студентов критически мыслить, генерировать новые идеи, общаться с представителями различных социальных групп, адаптироваться в меняющихся жизненных ситуациях, самостоятельно работать над развитием своей нравственности и повышением культурного уровня, а также расширением собственного кругозора. В данном случае реализуется очень важный педагогический принцип, который гласит: *«Только в том случае, когда полученные знания находят практическое применение, интерес к ним повышается»*. И здесь мы имеем серьёзные наработки. Например, преподавателями кафедры «Экономическая теория и финансы» в рамках каждой дисциплины, имеющей прикладной характер, разработаны бизнес-кейсы, то есть комплексные задачи, позволяющие применить академические знания в реалиях настоящего бизнеса. Решение таких бизнес-кейсов ещё и готовит будущих специалистов к успешному прохождению различных собеседований, поскольку большинство работодателей используют именно такие задания для проверки знаний и креативности специалистов при отборе сотрудников. В рамках научного кружка «Финансист» при кафедре экономической теории и финансов работает клуб «Дебаты». Эта интеллектуальная игра учит студентов корректно задавать вопросы, компетентно и убедительно представлять свои взгляды и позиции.

Кафедра экономики предприятий в прошлом учебном году провела среди студентов игру «Брейн-ринг» с той же целью – популяризация профессиональных знаний. Профессиональная подготовка, проводимая кафедрой «Менеджмент организаций» и дополняющая учебный процесс, включает проведение Дня менеджера, встреч студентов с ведущими специалистами и учёными отрасли, профессиональных тренингов и конкурса бизнес-планов. Основная задача всех этих мероприятий – развитие творческого потенциала студентов. В рамках кафедры действует студенческий профессиональный клуб, в котором студенты организуют дискуссии, тренинги и мастер-классы, семинары и круглые столы по вопросам управления и личностного роста каждого молодого человека. Ежегодно проводится конкурс бизнес-планов, который помогает студентам испытать свои предпринимательские способности. Цель конкурса – развитие и усиление предпринимательского духа студентов и проверка их идей на реалистичность.

Менталитет студенчества за последние годы сильно изменился, и не учитывать этого в работе с ними нельзя. *Поэтому усиление воспитательного воздействия на личность студента должно включать и создание условий для саморазвития и самовоспитания личности и максимально полного освоения ею духовных и культурных ценностей*. Наши исследования показали, что в качестве важнейших приоритетов для студентов выступают потребности в самореализации, в хороших материальных условиях жизни, содержательном общении, потребность в социальном признании и нравственная потребность. Поэтому нас волнует, что в последнее время у молодых людей наблюдается потеря потребности в коллективной жизни и деятельности, рост

разобщенности студенческой молодёжи, что в свою очередь может привести к утрате таких моральных ценностей, как взаимопомощь, сотрудничество, взаимопонимание.

Конечной целью обучения в вузе является высокое качество общеобразовательной и профессиональной подготовки специалиста, неотъемлемый атрибут которого – направленная профессиональная позиция и ценностное отношение к профессиональной деятельности [5].

Таким образом, *единая цель подготовки компетентного высокообразованного специалиста с учётом его индивидуальных и профессиональных интересов естественным образом объединяет учебный и воспитательный процесс в единый образовательный комплекс педагогической деятельности вуза, формируя у студента творческую активность, а также познавательные стратегии самообучения и самообразования как основы и неотъемлемую часть будущей профессиональной деятельности.* Преподаватель призван стимулировать сильное творчество каждого студента, развивая профессиональную культуру его личности и весь комплекс компетенций, который обеспечит ему возможность стать специалистом и высокотолерантной личностью в сфере своей деятельности и жизненной позиции.

Библиографический список

1. Кречетников К.Г. Понятие и педагогические предпосылки создания лично– ориентированной образовательной среды вуза // Гуманізація навчально-виховного процесу. Збірник наукових праць. Слов'янськ, 2013. С. 78.
2. Сериков В.В. Образование и личность / В.В. Сериков. М.: Логос, 1999. 272 с.
3. Глузман А.В., Комарова А.А. Личностно ориентированный подход в практической подготовке преподавателей высшей школы // Гуманізація навчально-виховного процесу. Збірник наукових праць. Слов'янськ, 2013. С. 18.
4. Бех І.Д. Виховання особистості: У 2 кн. Кн. 2: Особистісно–орієнтований підхід: науково – практичні засади / І. Д. Бех. Київ: Либідь, 2003. С. 43-45.
5. Горохов Є.В., Зайченко М.М. Розробка і впровадження інновацій в навчальному процесі: Нові форми практичної підготовки студентів // Збірник наукових праць Міжнародної науково-практичної конференції «Ефективні технології навчання та виховання в контексті Болонського процесу». Донецьк: ТОВ Видавничо-поліграфічне підприємство «Промінь», 2013. С. 24.

References

1. Krechtnikov K.G. Concept and Pedagogical Preconditions of Creation of the Personified Focused Educational Environment of High School // Humanization of Teaching and Educational Process. Collected Scientific Papers. Slov'yansk, 2013. P.78
2. Serikov V.V. Education and Personality / V.V. Serikov. M.: Logos, 1999. P. 272

3. Gluzman A.V., Komarova A.A. Personified Focused Approach in Practical Training of High School Teachers // Humanization of Teaching and Educational Process. Collected Scientific Papers. Slov'yansk, 2013. P. 18.

4. Bekh I.D. Education of Personality: In 2 books. Book 2: Personified Focused Approach: Scientific and Practical Grounds/ I.D.Bekh. Kiev: Lybid, 2003. P. 43 - 45.

5. Horokhov Y.V., Zaychenko M.M. Innovations Development and Application to Educational Process: New Ways of Students' Practical Training // Collected Scientific Papers of the International Scientific and Practical Conference «Effective Technologies of Teaching and Upbringing Based on Declaration of Bologna». Donetsk: TOB Publishing House «Promin», 2013. P. 25-30.

УДК 378

*Воронежский государственный
педагогический университет
Канд. пед. наук, доц. кафедры английского
языка*

*Гревцева В.Ф.
Россия, г. Воронеж, тел. +7(473) 225-42-08;
e-mail: grevtseva5@yandex.ru*

*Voronezh State Pedagogical University
The chair of English language, PhD,
associate professor*

*Grevtseva V.F.
Russia, Voronezh, tel. +7(473)225-42-08;
e-mail: grevtseva5@yandex.ru*

В.Ф. Гревцева

РАЗВИТИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ НА ОСНОВЕ АКТИВНЫХ ФОРМ ОБУЧЕНИЯ

Статья посвящена необходимости развития межкультурной компетенции студентов. В качестве основного средства достижения данной цели рассматриваются активные формы обучения, включающие симуляции, ролевые игры, творческое письмо, компьютерные технологии и др.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, межкультурная компетенция, активные формы обучения.

V.F. Grevtseva

ACTIVE LEARNING STRATEGIES AS A MEANS OF DEVELOPMENT OF STUDENTS' CROSS-CULTURAL COMPETENCE

The article deals with the necessity of the development of students' cross-cultural competence. To achieve this goal active learning strategies (simulation, role-plays, creative writing, computer-based learning, etc.) are to be more widely used in the foreign language classroom.

Keywords: cross-cultural communication, cross-cultural competence, active learning strategies.

Современная ситуация требует от личности умения сосуществовать в общем мире, а это означает быть способным строить эффективный диалог с представителями других культур. Важнейшую роль в этом играет язык, который выступает единственно возможным мостом взаимопонимания и взаимодействия между представителями разных лингвоэтносообществ. Однако, для эффективного общения с представителями других культур недостаточно одного владения иностранным языком. Практика показывает, что даже глубокие знания иностранного языка не исключают ситуаций «сбоев» в общении с носителями языка.

В этой связи преподавание иностранных языков в вузе должно быть направлено на подготовку студентов к участию в межкультурной коммуникации (МКК). Как любой вид общения, межкультурная коммуникация имеет свои цели, реализация которых обуславливает эффективность или неэффективность коммуникации. Важную роль при этом играет межкультурная компетенция.

Понятие «межкультурная компетенция» вошло в отечественную науку как показатель сформированности способности человека успешно участвовать в межкультурной коммуникации и как важный компонент новой образовательной парадигмы. Эффективность общения пропорциональна уровню взаимопонимания между коммуникантами, следовательно, для достижения взаимопонимания

необходима определенная совокупность знаний, навыков и умений, общих для всех коммуникантов, которая получила название «межкультурной компетенции».

Наиболее полное определение межкультурной компетенции сформулировано Г.В. Елизаровой: «Межкультурная компетенция – это компетенция особой природы, основанная на знаниях и умениях, способность осуществлять межкультурное общение посредством создания общего для коммуникантов значения происходящего и достигать в итоге позитивного для обеих сторон результата общения. Межкультурная компетенция не имеет аналогии с коммуникативной компетенцией носителей языка и может быть присуща только медиатору культур – языковой личности, изучающей некий язык в качестве иностранного. Целью формирования межкультурной компетенции является достижение такого качества языковой личности, которое позволит ей выйти за пределы собственной культуры и приобрести качества медиатора культур, не утрачивая собственной культурной идентичности» [1; с.236]. Из данного определения становится очевидным, что межкультурная компетенция – способность весьма сложная по своей сути и трудоемкая для овладения.

По мнению А.П. Садохина, под межкультурной компетенцией следует понимать «позитивное отношение к наличию в обществе различных этнокультурных групп и способность какого-либо индивида эффективно общаться с представителями любой из этих групп» [2; с. 234].

Важным для понимания природы межкультурной компетенции представляется определение З. Лухтенберг: «Понятие межкультурная коммуникативная компетенция расширяет давно устоявшееся понятие коммуникативной компетенции через способность соответствовать социальному и ситуативному контексту посредством семантико-структурных знаний. Такие способности необходимы в коммуникативных ситуациях, в которых участвуют собеседники, прошедшие социализацию в разных странах или этнических сообществах, и имеющие тем самым культурно обусловленные особенности. Эти особенности в большинстве случаев связаны с различными родными языками коммуникантов» [4; с.156].

Таким образом, межкультурная компетенция - это способность, позволяющая личности реализовать себя в рамках диалога культур, т.е. в условиях межкультурной коммуникации. Она представляет собой сложное образование, включающее следующие компоненты: отношения, знания и умения, особенности мышления, которые относятся как к родной, так и к изучаемой культуре. При этом компонент «отношения» включает открытость новой информации, готовность отказаться от предубеждений, последовательное развитие толерантности, принятие, адаптацию к явлениям иноязычного общения.

По нашему мнению, практические вопросы обучения МКК менее разработаны, чем теория МКК. В сфере профессиональной подготовки основные усилия должны быть направлены на:

- формирование иноязычной коммуникативной компетенции студентов;
- вторичную социализацию студента средствами иностранного языка – формирование вторичной языковой личности;
- обучение коммуникативному поведению (рецептивный и продуктивный компоненты) на контрастивной основе;
- непосредственное и опосредованное общение с представителями других культур и формирование восприимчивости, наблюдательности и толерантности;
- поликультурное развитие студента и воспитание гражданина мира.

В связи с изменениями в целевых установках современного профессионального образования, основанного на компетентностном подходе, в учебном плане ВГПУ появились такие дисциплины как «Язык и культура», «Речевая культура личности», в рамках которых студенты знакомятся с проблемами МКК и приобретают умения и навыки для осуществления межкультурного общения. Развитие межкультурной осуществляется также на практических занятиях по иностранному языку на основе аутентичных учебных пособий и раздаточных материалов.

Современная система образования располагает широким выбором способов развития межкультурной компетенции обучаемых. Наиболее эффективными среди них являются те, «которые не преподносят готовые факты из реальной жизни, а требуют анализа фактов в виде диагностики конкретных ситуаций межкультурного общения и генерирования всех имеющихся знаний и навыков для преодоления культурного непонимания [2; с. 249].

Представляется, что одним из направлений работы в этом плане может выступать осуществление профессиональной подготовки на основе активного обучения. Несмотря на то, что термин «активное обучение» широко используется в методической литературе, точное его определение отсутствует. Мы опираемся на определение активного обучения, данное американскими учеными Чарльзом Бонуэллом и Джеймсом Айсоном: «Это такое обучение, при котором студенты делают что-то и размышляют над тем, что они делают» [3; с.8].

Основными элементами активного обучения принято считать говорение, восприятие на слух, чтение, письмо, и рефлексия. Данные элементы вовлекают студента в умственную активность и позволяют уточнять, ставить под сомнение имеющиеся знания и усваивать новые знания.

С этой целью в практике профессиональной подготовки бакалавров всех профилей, на наш взгляд, должны получить наибольшее распространение активные формы обучения: ролевые игры, дискуссии, разбор конкретных ситуаций, тренинги и др., позволяющие их участникам погрузиться в активное управляемое общение.

В профессиональной подготовке учителя иностранного языка нами широко используются следующие формы активного обучения:

- 1) альтернативные форматы лекций;
- 2) дискуссии (с использованием аудио и видео);
- 3) обсуждение проблем в малых группах, интервью, опросы и анкетирование;
- 4) выполнение аудиторных творческих письменных заданий (групповых и индивидуальных);
- 5) проекты и презентации;
- 6) симуляции и ролевые игры;
- 7) мозговой штурм;

8) проведение занятия (или его фрагмента) студентом (студентами);

9) обучение на основе информационно-компьютерных технологий;

10) проведение занятия в непривычном месте (парке, библиотеке и т.д.).

Наиболее эффективным, на наш взгляд, является сочетание лекций-презентаций и видеолекций с практическими занятиями, в ходе которых студенты получают возможность испытать чувства и эмоции, возникающие в реальных ситуациях МКК.

Приведем пример фрагмента семинарского занятия по «Речевой культуре личности» на 2 курсе.

До занятия студенты получают задания на подготовку групповой презентации (3-4 человека) на тему «Культурно-обусловленные ценности». После демонстрации презентаций студентами им предлагается объединиться в малые группы для обсуждения ключевых ценностей носителей определенной культуры. При этом каждая группа получает набор карточек, на которых та или иная ценность выражена определенным высказыванием типа: «Выделяться среди других и быть яркой индивидуальностью важнее, чем жить как все». Задача участников группы – расположить карточки по степени выраженности указанных на них черт национального характера (от наиболее ярко выраженных до менее важных). Затем один представитель группы сообщает о результатах работы, которые выносятся на коллективное обсуждение с фиксацией на классной доске ключевых ценностей (открытость, индивидуализм, гостеприимство, сохранение личного пространства и т.д.). После этого следует этап рефлексии – окончательно уточняются культурно-обусловленные ценности и то, что изменилось в представлении самих студентов в результате выполнения данного задания.

По результатам изучения темы студентам также предлагается написать эссе на тему «Межкультурная коммуникация – особый вид общения», в котором они могут продемонстрировать не только полученные знания, но и высказать свою точку зрения на проблему, а также поделиться имеющимся у них опытом и трудностями межкультурного общения и способами их преодоления, включающими использование компенсаторных умений и навыков.

Учителю современной школы необходимо не только иметь глубокие знания, но и владеть современными информационными технологиями. Практика показывает, что включение информатики как предмета в подготовку учителя недостаточно. Необходимо весь процесс обучения осуществлять на основе современных технологий. Однако эта работа идет сложно по ряду причин, среди которых материальное обеспечение учебного процесса не всегда является главной. Часто сами преподаватели не желают перестраиваться и осваивать современные технологии, отдавая предпочтение традиционным, «проверенным» формам проведения занятий.

На факультете иностранных языков ВГПУ активно задействованы возможности компьютерных классов, аудиозалов и лингафонного кабинета, что позволяет успешно решать следующие дидактические задачи:

а) формирование умения чтения на основе материалов разной степени сложности;

- б) совершенствование навыков аудирования на основе аутентичных материалов;
- в) совершенствование умений письменной речи;
- г) развитие навыков устной монологической и диалогической речи на основе прочитанного (прослушанного);
- д) пополнение словарного запаса лексикой современного иностранного языка;
- е) ознакомление с различными аспектами иноязычной культуры.

Эффективность применения активных форм обучения в профессиональной подготовке во многом обусловлена созданием необходимых условий, к которым нами отнесены:

- 1) выбор активной формы, наилучшим образом подходящей к данному материалу и стадии его изучения;
- 2) тщательное планирование и организация работы;
- 3) создание благоприятной обстановки в группе (неформальная беседа, шутка, важен язык тела преподавателя);
- 4) использование технических средств (проектора, аудиозаписи, видеокамеры, компьютерного класса);
- 5) после применения активной формы обязательным этапом является рефлексия: обсуждение и анализ со студентами того, что делали студенты и как;
- 6) постоянная самооценка преподавателем и оценка студентами используемых форм обучения (в ходе проведения - наблюдение за студентами, после - беседа с ними о том, что получилось, а что - нет);
- 7) разнообразие используемых приемов и форм активного обучения, сочетание их с традиционными.

Профессиональная подготовка будущего педагога осуществляется силами многих кафедр и органически связана с его личностным становлением на основе перевода необходимых знаний и умений в сферу личностных ценностей, отношений и практических действий. Учитель, подготовленный сильной выпускающей кафедрой в сильном педвузе, сможет успешно справляться с работой в любом образовательном учреждении.

Эффективность развития межкультурной компетенции обучаемых зависит от построения учебного процесса с учетом интересов и потребностей современного студента, обязательного использования аутентичных материалов (печатных, аудио и видеоматериалов), периодического контроля уровня межкультурной компетенции на основе тестирования, написания творческого эссе, защиты проектов, создания портфолио и др.

Огромное значение имеет в этой связи личность самого преподавателя: высокий уровень иноязычной коммуникативной компетенции, непредвзятость, открытость, наличие опыта межкультурного общения.

Таким образом, развитие межкультурной компетенции студентов является насущной необходимостью сегодняшнего дня и от правильного построения данного процесса будет во многом зависеть его результат – готовность и способность личности к диалогу культур.

Библиографический список

1. Елизарова Г.В. Культура и обучение иностранным языкам. СПб.: КАРО, 2005. 236 с.
2. Садохин А.П. Межкультурная коммуникация: учебное пособие. М.: Альфа-М; ИНФРА, 2006. 288 с.
3. Bonwell, Charles C. and James A. Eison. 1991. Active learning: creating excitement in the classroom. ASHE-ERIC Higher Education Report No. 1. Washington, D.C.: George Washington University, 104 p.
4. Luchtenberg Sigrid. Interkulturelle kommunikative kompetenz. Kommunikationsfelder in schule und gesellschaft. Opladen: Westd. Verl., 2000. pp. 189-232.

References

1. Elizarova G.V. Culture and Teaching Foreign Languages. St.P., 2005. 236 p.
2. Sadokhin A.P. Cross-cultural Communication: textbook. M., 2006. 288 p.
3. Bonwell, Charles C. and James A. Eison. 1991. Active learning: creating excitement in the classroom. ASHE-ERIC Higher Education Report No. 1. Washington, D.C.: George Washington University, 104 p.
4. Luchtenberg Sigrid. Interkulturelle kommunikative kompetenz. Kommunikationsfelder in schule und gesellschaft. Opladen: Westd. Verl., 2000. pp. 189-232.

УДК 808.2(1-87):371.32 ББК 81.2Рус-96

*Воронежский государственный архитек-
турно-строительный университет
Канд. филол. наук, доц. кафедры русского
языка и межкультурной коммуникации
Новикова О.В.
Россия, г. Воронеж, тел. +7(473)271-50-48;
e-mail: oljanovik@mail.ru
Воронежский государственный архитек-
турно-строительный университет
Ст. преп. кафедры русского языка и
межкультурной коммуникации
Сычева Л.В.
Россия, г. Воронеж, тел. +7(473)271-50-48;
e-mail: luvas@inbox.ru*

*Voronezh State University of Architec-ture and
Civil Engineering
The chair of Russian language and cross-
cultural communication, PhD, the senior
lecturer
Novikova O.
Russia, Voronezh, tel. +7(473)271-50-48;
e-mail: oljanovik@mail.ru
Voronezh State University of Architecture and
Civil Engineering
The chair of Russian language and cross-
cultural communication, the senior teacher
Sychova L.
Russia, Voronezh, tel. +7(473)271-50-48;
e-mail: luvas@inbox.ru*

О.В. Новикова, Л.В. Сычева

**НЕКОТОРЫЕ ПРИЕМЫ ОПТИМИЗАЦИИ ПРОЦЕССА ОБУЧЕНИЯ
ИНОСТРАНЦЕВ РУССКОМУ ЯЗЫКУ
(ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ НА ПОДГОТОВИТЕЛЬНОМ ФАКУЛЬТЕТЕ)**

В статье обобщаются такие интерактивные приемы, используемые авторами в обучении РКИ на подготовительном этапе, как игровые задания, в частности, ролевая игра, которая оптимизирует процесс обучения, делает его более интересным и интенсивным, помогает сформировать необходимые компетенции будущего студента.

Ключевые слова: методика, русский как иностранный, оптимизация, интерактивные методы, ролевая игра.

O.V. Novikova, L.V. Sychova

**SOME OPTIMIZATION METHODS FOR EDUCATIONAL PROCESS
OF RUSSIAN FOR FOREIGNERS
(FROM EXPERIENCE OF WORK AT THE PREPARATORY DEPARTMEN)**

The article summarizes such of the interactive methods used by the authors in the teaching of Russian as a foreign language at the preparatory stage, like play task, especially role play, which help to optimize the learning process, making it more interesting and intensive, help to form the necessary competence of the future student.

Keywords: methodology, Russian as a foreign language, optimization, interactive methods.

В современной методике все большую роль начинают играть интерактивные методы обучения иностранному языку, помогающие оптимизировать учебный процесс, сделать его более интересным и интенсивным, сформировать необходимые компетенции будущих специалистов, а главное – сделать студентов активными участниками данного учебного процесса, готовыми к самостоятельному, инициативному и творческому освоению учебного материала.

Наиболее эффективными в интерактивном подходе к обучению языку являются игровые технологии. Цель статьи – показать примеры использования игровой деятельности в обучении РКИ на подготовительном этапе.

По определению Н.А. Березовой [1], учебная игра – это особым образом организованная обучающая деятельность, которая имеет чаще всего развлекательную форму и предполагает наличие проблемы и возможные пути ее разрешения.

Существует множество классификаций игр. Так, Г.Е. Пузырева [8] делит учебно-игровую деятельность по задачам обучения на 3 вида: социально-бытовые (общекультурного плана, базовый курс), психологические (формируют стереотип поведения), профессионально-пропедевтические (навыки и умения профессиональной коммуникации).

Авторы книги «Методы и технологии обучения русскому языку как иностранному» [4] классифицируют игры на языковые (фонетические, орфографические, лексические, грамматические), помогающие усвоить грамматические аспекты языка, и коммуникативные (ролевые, творческие), создающие психологическую готовность учащихся к речевому общению, к спонтанной речи. Данная классификация наиболее популярна.

Языковые игры можно использовать уже с первых занятий русского языка. Они вносят дух соревнования (Кто больше? Кто быстрее? Кто лучше?), активизируют учащихся, создают определённый эмоциональный настрой. Азарт игры рождает интерес, и чем больше эмоциональная реакция учащихся, тем сильнее азартность, а следовательно, и интерес.

Приведем примеры таких игр. Как известно, наибольшие трудности при изучении русской грамматики вызывают падежные окончания имён существительных, прилагательных и местоимений. Для успешного овладения этим материалом можно рекомендовать следующие игровые ситуации.

1) *Олимпиада «Русские падежи»*. Цель игры – простимулировать процесс запоминания падежных окончаний. Задача учащихся – правильно написать на доске все грамматические формы одной парадигмы. В игре принимают участие 3-4 человека, остальные – члены жюри. Победитель обязательно получает поощрительный шуточный приз.

2) *Лексико-грамматическое домино*. На фишках домино нарисованы предметы и указано их количество. В процессе игры студенты многократно проговаривают окончания родительного падежа множественного и единственного числа имён существительных, например: «У меня три чашки и пять бутылок» и т.д. В игре принимают участие все учащиеся.

Особенно много вариантов игровых ситуаций можно придумать с приставочными глаголами движения. Например, игра «*Маршрутная карта*». Студенты получают карту местности с разными объектами и маршрутами, обозначенными на ней. Задача – рассказать о прохождении маршрутов, используя глаголы движения и управляемые ими существительные с предлогами. Особенно увлеченно студенты рассказывают о маршрутах не вымышленных, а проложенных по городу, где они живут и учатся (используем карту города, открытки, фотографии). Можно вынести такое занятие за пределы аудитории; можно дать в качестве домашнего задания посетить какой-либо городской объект и получить там определенную информацию, а потом рассказать, как студент туда добирался.

Коммуникативные игры – это более сложный уровень, предполагающий воссоздание естественных ситуаций общения. Самая распространённая разновидность коммуникативных игр – ролевая игра. Ролевой игре посвящено большое количество работ [1,2, 3, 5, 6, 8, 9], изданы сборники ролевых игр.

Как правило, методисты делят ролевые игры на социально-бытовые и профессиональные (деловые). Первые направлены на формирование навыков и умений иноязычного общения в социально-бытовой сфере, на культуру поведения, а также – на развитие таких качеств личности, как инициативность, коллективизм и ответственность. Вторые формируют навыки и умения профессионального общения, способствуют обобщению знаний.

В методической литературе подробно проанализированы задачи, структура и этапы проведения ролевой игры, роль и участие преподавателя в ней [3, 5, 9]. Ролевая игра не проводится спонтанно, к ней готовится и преподаватель, и студенты. Так, К. П. Казанчян [3], говоря о подготовке преподавателя, выделяет следующие моменты: а) выбор темы и формулирование проблемы; б) отбор и повторение необходимых языковых средств; в) уточнение параметров ситуации: время и место проведения ролевой игры, количество участников, степень официальности; статусно ролевые характеристики партнеров; личностные характеристики персонажей, речевые намерения: запрос информации, выражение согласия/несогласия, аргументация собственного мнения и т. д.; г) подготовку атрибутов игры: наглядные пособия, карточки, фрагменты фильмов и т. д.; д) уточнение цели игры и планируемого конечного результата.

В подготовку учащихся исследователь включает: а) поиск дополнительных данных по теме или изучение раздаточного материала; б) повторение речевых формул и лексики по теме; в) изучение текста роли; г) подбор атрибутики, отражающей внешний вид героя в соответствии со временем происходящих событий в ролевой игре.

На начальном этапе обучения иностранному языку провести полноценную ролевую игру невозможно, к ней надо готовиться постепенно, начиная с инсценировки и драматизации. Ролевая игра дается, как правило, на заключительном этапе обучения, когда учебный материал уже освоен и учащиеся могут продемонстрировать в игре приобретенные языковые и коммуникативные навыки и умения.

Простейшей ситуацией, требующей проявления элементарных коммуникативных навыков, является момент знакомства с новым человеком. Студенты должны составить небольшие диалоги, используя изученные ранее грамматические конструкции и этикетные речевые формы: *Здравствуйте; Добрый день; Как кого зовут; Кому сколько лет; Откуда кто приехал; Кто где живёт (учится); Что кто любит; Скажите, пожалуйста,...*; *Дайте, пожалуйста,...*; *До свидания; До завтра; и т.п.*

Материалом для инсценировок могут служить русские народные сказки («Маша и медведь», «Теремок», «Колобок»), рассказы-шутки, анекдоты. Студенты должны прочитать их и разыграть по ролям. Вот примеры подобных рассказов-шуток, которые вполне могут быть инсценированы в группе.

В ПОЕЗДЕ

Однажды в Екатеринбурге в поезд сели две старушки. В вагоне они разговорились:

- Куда вы едете? – спросила одна.

- Я еду в Москву к сыну. А вы?

- А я во Владивосток к дочери.

- Смотрите, какая теперь замечательная техника, - сказала первая старушка. –

Мы сидим в одном вагоне, а едем в разные стороны.

ВРАЧ И БОЛЬНОЙ

Однажды к врачу пришёл пожилой человек. Всё последнее время он много болел. Врач осмотрел его и сказал:

- *Вы должны хорошо отдохнуть. Поезжайте на месяц в деревню, побольше гуляйте, раньше ложитесь спать и курите только одну сигарету в день.*

Через месяц больной пришёл к врачу.

- *Как ваше здоровье? – спросил его врач.*

- *Спасибо, доктор. Я чувствую себя намного лучше. Весь месяц я много гулял, рано ложился спать. Но курение чуть не убило меня. Это не так легко – начать курить в моём возрасте.*

Приведём пример проведения ролевой игры «Каникулы в незнакомом городе». Она представляет собой серию ситуаций, объединённых тематически в единый сценарий. Студенты, выбрав роли (они могут говорить и от своего лица), должны составить диалоги или полилоги в рамках предложенных речевых ситуаций. Конечно, подобная игра носит обобщающий контрольный характер и проводится на заключительном этапе обучения, когда языковой материал уже усвоен в тренировочных упражнениях, развиты соответствующие навыки, которые позволяют обучающимся сосредоточиться исключительно на содержательной стороне высказывания.

Первая ситуация. Студенты приезжают на отдых в неизвестный курортный город. Им надо узнать у прохожих, как попасть от вокзала на автобусную остановку, как доехать до нужной гостиницы. Образец полилога может выглядеть следующим образом:

- *Какой большой город! Надо узнать, где находится остановка автобуса.*

- *Давай спросим эту симпатичную девушку.*

- *Здравствуйте! Скажите, пожалуйста, где находится ближайшая автобусная остановка?*

- *Вам нужно повернуть налево, пройти пятьдесят метров, перейти через дорогу, и вы подойдёте к остановке.*

- *Большое спасибо!*

- *Но я вижу у вас тяжёлые чемоданы. Может быть, вы хотите поехать на такси? Его остановка находится прямо здесь.*

- *Да, это отличная идея! Но мы не знаем, сколько стоит такси в вашем городе и т.п.*

Вторая ситуация. В гостинице студенты должны заказать у администратора номер, выяснив все подробности об условиях проживания, степени комфортности и цене номера.

Далее имитируются ситуации, предполагающие, например, речевое поведение в кафе, в бюро экскурсий и непосредственно на экскурсии, у врача, при знакомстве с девушками, различные приключения и т.д. Эти ситуации дают возможность включить в игру большое количество персонажей (случайные прохожие, официант, администратор, экскурсовод, врач, неожиданные знакомые и т.д.).

Проведение игры предваряет **подготовительный этап**, где студенты знакомятся: а) с описанием ситуации, уточняют количество участников, характеры персонажей, степень официальности, речевые намерения; б) отбирают и повторяют речевые формулы, грамматические конструкции и лексику по теме; в) подбирают реквизиты и костюмы для героев в соответствии с конкретной игрой.

Конечно, подобная игра носит обобщающий контрольный характер и проводится на заключительном этапе обучения, когда языковой материал уже усвоен в тренировочных упражнениях, развиты соответствующие навыки, которые позволяют обучающимся сосредоточиться исключительно на содержательной стороне высказывания.

Второй этап – собственно проведение ролевой игры. Перед началом игры желательно создать атмосферу психологически благоприятной обстановки, по возможности разместить её участников согласно сюжету игры, что позволит реализовать принцип адекватности, обеспечить атмосферу непринуждённости и удовлетворения от общения. Этот этап может осуществляться непосредственно учащимися, без вмешательства преподавателя. Ошибки могут лишь фиксироваться для последующего их исправления после окончания игры. Однако иногда преподаватель может принять на себя одну из неглавных, вспомогательных ролей, чтобы студенты не чувствовали жёсткого контроля за их речевой деятельностью. Обычно преподаватель является исполнителем определённых ролей лишь на начальных стадиях, когда учащиеся ещё не привыкли к такому виду работы, в дальнейшем необходимость в этом отпадает.

На третьем этапе ролевой игры (контроле и анализе результатов) необходимо в начале обсуждения отметить успешность выступления всей студенческой группы, поощрить наиболее активных студентов (например, предложить им в следующий раз самостоятельно провести виртуальную экскурсию по своему родному городу), отметить удачные и трудные моменты игры. Учащиеся оцениваются 1) по адекватности речевого поведения (понимание, реагирование, способность инициировать диалог, разнообразие интенций и средств их выражения, логичность и связность речи, структурное разнообразие высказываний); 2) по фонетико-интонационным навыкам (соблюдение правил произношения, владение различными типами интонации); 3) по соблюдению лексико-грамматических норм; 4) по артистичности и креативности.

Процесс обсуждения, оценка участия студентов в ролевой игре составляют одну из сложных сторон ролевой игры. В этой ситуации преподаватель должен проявить максимум знаний, такта и терпения. Слишком отрицательная и критическая оценка деятельности участников ролевой игры может вызвать снижение коммуникативной и учебной активности студентов.

Наиболее сложной игровой ситуацией является *дискуссионный клуб*, так как дискуссия предполагает спор, в котором учащиеся должны отстаивать собственную точку зрения по какому-либо вопросу, аргументировать её и в итоге убедить оппонента в своей правоте. На обсуждение выносятся актуальные проблемы современной жизни («Женщина в современном обществе», «Плюсы и минусы технического прогресса», «Эвтаназия. Добро или зло?» и др.). Дискуссия может предварительно начинаться с чтения статей или сообщений по данным проблемам.

Примером подобного обсуждения может являться дискуссия по теме «Карьера или семья: что важнее?». В начале обсуждения студенты делятся на две группы, каждая из которых должна будет отстаивать свою точку зрения. Преподаватель даёт им задание, в котором задаётся примерное направление и описание дискуссии.

Образец:

Вы считаете, что карьера очень важна в жизни. Вы много учитесь, чтобы потом получить хорошую работу и использовать свои знания. Вы хотите добиться многого в жизни, и вы можете подняться высоко. Чем больше добился человек, тем больше он может сделать для других.

Ваши оппоненты, напротив, считают, что самое важное в жизни семья, родные и близкие люди. Никакая карьера не заменит дружбы и любви близких людей. Ради семьи и детей можно оставить работу и забыть о карьере, можно работать ради денег, а счастье находить дома в семье.

Постарайтесь найти необходимые аргументы и убедить друг друга в своей правоте. Можно ли сочетать успешную карьеру и заботу о семье?

Подобные обсуждения помогают учащимся научиться логически и связно мыслить на иностранном языке, развёрнуто высказывать свои мысли, адекватно реагировать на речевое поведение оппонентов.

Профессиональная игра, как правило, дается в конце пройденной темы как обобщение материала. Она прежде всего формирует навыки профессионального общения.

Приведём примеры таких игр, включенных нами в пособие для иностранных учащихся начального этапа по специальности «Архитектура» [7].

Начинаем с самой элементарной игровой ситуации: один из студентов пропустил тему «Здания и сооружения». Товарищ по группе отвечает на его вопросы по теме пропущенного занятия. Задание для студентов: составьте диалог по тексту и разыграйте его, используйте конструкции: *Что делится на что; Что относится к чему; Что есть что; Что бывает каким; Что применяют/используют где; Что размещают где* и выражения: *Скажи, пожалуйста ... Извини ... Например ... Так ... Я хотел бы уточнить ... К сожалению ... Спасибо ... Поэтому ... Таким образом ...*

Как видно, в речи студентов активизируются конструкции, которые встречались в тексте. Кроме того, вводятся в речь выражения, отражающие этикетные формы научного общения русских.

Когда студенты познакомятся с образцами диалогов между преподавателем и студентами на семинарском занятии, можно попросить их самостоятельно составить и разыграть подобный диалог на материале текстов пройденной темы.

Сложной игровой ситуацией будет *пресс-конференция*, например, по теме «Мегалитические памятники архитектуры». Для проведения пресс-конференции студентам даётся необходимая информация и инструкция к выполнению задания.

Инструкция

1. Разделите группу на две части: учёные-археологи и журналисты.
2. Изучите самостоятельно информацию для пресс-конференции.
3. При составлении вопросов и ответов используйте фразы: «*Говорят, что ...*», «*Очевидно, что ...*», «*Известно, что ...*», «*Я считаю, что ...*», «*По-моему ...*», «*По мнению учёных ...*».

Образец:

– Что вы можете сказать о времени появления мегалитов?

– К сожалению, нет единого мнения по этому вопросу, но очевидно, что мегалитические сооружения появились около десяти тысяч лет назад.

Еще один пример сложной игровой ситуации – *Круглый стол*. Студентам после изучения темы «Современные архитектурные стили» дается задание: «Вы участники круглого стола «Архитектура будущего». Выберите одно из направлений, которое вы будете пропагандировать. Изучите материал (в слабой группе материал готовит преподаватель, в сильной – сами студенты). Примите участие в дискуссии. Используйте следующие выражения: *Правильно ли я понял, что ...? Уточните, почему вы так думаете ... Как вы считаете, ...? Приведите, пожалуйста, пример ... Извините, я не согласен с вами ... Конечно, вы правы, но ... Вы меня убедили / не убедили ... По-моему, ... Как известно, ... и т. п.»*

Начинает и заканчивает заседание Круглого стола преподаватель.

Подобные игры помогают студентам овладеть такими элементами общения, как умение начать беседу, поддержать ее, прервать собеседника в нужный момент, согласиться с его мнением или опровергнуть его; умение целенаправленно слушать собеседника, задавая уточняющие вопросы.

Таким образом, ролевые игры помогают преодолеть психологический, языковой и культурный барьеры. В ходе ролевой игры учащийся осваивает иностранную культуру, особенности этикета, активизирует изученный языковой материал, развивает свои творческие возможности, получает необходимые профессиональные навыки. Игра развивает познавательную активность, позволяет в более короткий срок получать и

усваивать большее количество информации, учит самостоятельно принимать решения, сплачивает коллектив.

Библиографический список

1. Березова Н.А. Игра как активный метод формирования профессиональной мотивации при обучении иностранному языку. // Среднее профессиональное образование. 2012. № 8. С. 14 - 46.
2. Бобкова Л.Н. Ролевая игра как проблемный метод обучения, способствующий успеху профессиональной подготовки студентов. // Иностраный язык как часть профессиональной подготовки. 2013, с. 74 – 78.
3. Казанчян К. П. Ролевая игра как средство коммуникативного обучения. // Вестник МГЛУ. 2010. № 519. Ч. 2. С. 82 – 89.
4. Капитонова Т.И., Московкин Л.В., Щукин А.Н. Методы и технологии обучения русскому языку как иностранному. / Под ред. А.Н. Щукина. М: Рус. яз. Курсы, 2008.
5. Комина Н.А. Методика использования ролевой игры в учебном процессе. // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2007. Т. 1, № 8. С. 27 – 31.
6. Лаврова Г.Н., Волкова Э. В. Ролевая игра как средство интенсификации обучения иностранному языку. // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2009. № 3. С. 39 -44.
7. Новикова О.В.. Изучаем язык специальности (на материале текстов по архитектуре). I сертификационный уровень: учеб. пособие для иностранных учащихся. Воронеж: Воронежский ГАСУ, 2012.
8. Пузырева Г.Е. Использование ролевых игр при подготовке студентов вузов к иноязычной речевой деятельности. // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. Т. 15, № 39. С. 345 – 348.
9. Чурикова Н. Я. Ролевая игра – одна из стратегий адекватного применения знаний иностранного языка и социализации обучаемых в сфере деятельности и общения. // Альманах современной науки и образования. 2008. № 2 – 3. С. 237 – 239.

References

1. Berezova N.A. Play as an active method of forming professional motivation in learning a foreign language. // Secondary vocational education. 2012. № 8. S. 14 - 46.
2. Bobkov L.N. Role play as a method of teaching problem contributing to the success of vocational training students. // Foreign Language as part of training. 2013, p. 74 - 78.
3. Ghazanchian K.P. Roleplay as a means of communicative learning. // Bulletin of Moscow State Linguistic University. 2010. № 519. Part 2. pp 82 - 89.
4. Kapitonova T.I. Moskovkin L.V., Shchukin A.N. Methods and techniques of teaching Russian as a foreign language. / Ed. A.N. Shchukin. M: Eng. lang. Courses 2008.
5. Comyn N.A. The technique of using role-play in the learning process. // World of Linguistics and Communication: electronic scientific journal. 2007. Vol 1, № 8. S. 27 - 31.
6. Lavrov G.N., Volkova E.V. Roleplay as a means of intensification of foreign language teaching. // Scientific problems of humanities research. 2009. № 3. S. 39 -44.
7. Novikova O.V. Learning specialty language (based on texts on architecture). I certification level: Guide for foreign students. Voronezh Voronezh GASU 2012.

8. Puzyreva G.E. Using role-playing games in preparation for university students of foreign language speech activity. // Proceedings of the Russian State Pedagogical University named by A.I. Herzen. 2007. V. 15, № 39. S. 345 - 348.

9. Churikova N.Y. Roleplay - one of the strategies of adequate application of knowledge of a foreign language and socialization of students in the field of activity and communication. // Almanac modern science and education. 2008. № 2 - 3. S. 237 - 239.

АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА ASPECTS OF RESEARCHING OF FICTION

УДК 82-1

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Арзамасский филиал)
Доц. кафедры методики дошкольного и начального образования
Жесткова Е.А.
Россия, г. Арзамас, тел. 89307087177;
e-mail: ezhestkova@mail.ru

N.Novgorod State University
Associate Professor of preschool and primary education
Zhestkova E.A.
Russia, Arzamas, tel. 89307087177;
e-mail: ezhestkova@mail.ru

Е.А. Жесткова

О МИРОСОЗЕРЦАТЕЛЬНЫХ ОСНОВАХ ПОЭЗИИ А. БЛОКА

В статье рассмотрены мирозерцательные основы поэзии А.А. Блока. Диалектика проявления всего сущего в художественном мире Блока – это переходы из света в сумрак, из мрака в свет, это единство земного, греховного мира и тайн беспредельности, благодати небесной. Автор обращает внимание на типологические взаимосвязи между системами мышления Лермонтова и Блока.

Ключевые слова: художественный мир, душа, внутренняя борьба.

Е.А. Zhestkova

ABOUT MIROSOZERTSATELNYH BASIS BLOK'S POETRY

The article describes the basics mirosozertsatelnye Blok's poetry. Dialectic manifestation of all things in the art world Bloc - it transitions from light to dusk, out of the darkness into the light, it is the unity of the earthly, sinful world and the mysteries of boundlessness, heavenly grace. The author draws attention to the typological relationship between systems thinking Lermontov and Blok.

Keywords: the art world, the soul, the inner struggle.

Одним из сложных этапов изучения творчества А. Блока является установление (хотя бы в допустимых пределах достоверности) мирозерцательных основ его поэзии. Для учащихся средней школы поэзия «серебряного века» - это неразгадываемая загадка: красиво, возвышенно, не всегда понятно или вовсе непонятно. Чтобы приоткрыть волшебную дверь в чертоги поэзии начала 20 века и не оказаться глухим, слепым и бесчувственным к ее «гуманному плену», нужно найти ключик к этой двери. Ключ к пониманию поэта – в его слове. Путь к восстановлению мировосприятия писателя – от текста произведения к статьям и письмам автора, к свидетельствам современников и вновь к тексту – самый продуктивный и свободный от заданности и шаблона, путь навстречу поэту.

Блок представляется, на первый, поверхностный взгляд, в нескольких своих поэтических проявлениях: это и вызвало яростные споры его друзей, современников и исследователей о том, каков же «настоящий» Блок. Одни видят в

нем, прежде всего, или только рыцаря Прекрасной Дамы, воспетой им в первой книге, таинственной Вечной Женственности, которая когда-нибудь снизойдет в страдающий мир, чтобы чудесно преобразить его.

Даже в истории собственной любви поэт видит как бы прообраз этого чуда. Его устремленность в будущее, которое поэт понимал как «грядущее», вера в чудо, ожидание чуда придают его облику черты сходства с мальчиком, изображенным М.Нестеровым в его знаменитой картине «Видение отроку Варфоломею». Поэзия Блока озарена предощущением чуда. Даже в самые тяжелые дни и годы («семью годами ужаса» поэт назвал пережитую им эпоху войн и революций) он ждал совершения чуда, проявления одоления и возмездия, он верил в человеческую совесть, хотя и предсказывал (пророчески) мученическую, трагическую судьбу совестливого человека [9].

Другим Блок представляется похожим на лермонтовского Мцыри, который тосковал в монастырских стенах по своей далекой, смутно припоминаемой родине, по настоящей, бурной жизни, которая звала его «от келий душных и молитв в тот чудный

мир тревог и битв»! Проводят даже параллель между литературным героем, искавшим пути в этой жизни, смертельно уставшим в своих скитаниях и все-таки благословлявшим свою погибельную свободу, и поэтом, мечтавшим о новом, лучшем мире, который даже, казалось бы, он встретил, и замолчавшим после поэмы «Двенадцать», ибо от него ушла «музыка», он перестал слышать божественный «звук».

Мать поэта, самый близкий ему человек, однажды сказала о сыне, что «он очень напряженный и чувствительный аккумулятор» [10; с.12]. Это во многом объясняет, почему из баловня профессорско-дворянской семьи вырос великий трагический поэт эпохи. Блок - это не только поэт «серебряного века», его душа, его голос, его слово, это отстоявшаяся ценность русской культуры, поэтому его личность и творчество можно в полной мере понять и оценить, исходя из системы мировоззрения, принимающей генетическую зависимость культуры от культа и не отвергающей философию христианства.

По тематике и образному строю стихи Блока, безусловно, светские, но тематика литературная порой вскрывает глубинность религиозную, духовную. Чуковский свидетельствует, что Блок «всегда говорил о своих стихах так, словно в них сказалась чья-то посторонняя воля, которой не мог не подчиниться, словно это были не просто стихи, но откровение свыше. Часто он находил в них пророчества» [1; с.41]. Тема искушения характерна для многих произведений Блока. Порой это мотив, чаще - тема, переходящая в тему победы греховного над вечным:

Когда я прозревал впервые,
Навстречу жаждущей мечте
Лучи метнулись заревые
И трубный ангел в высоте.
Но торжество не выносила
Пустынной жизни суета,
Беззубым смехом исказила
Все, чем жива была мечта.
Замолкли ангельские трубы.
Немотствует дневная ночь.
Верни мне, жизнь, хоть смех беззубый,
Чтоб в тишине, но изнемочь! (1909)

Смысл стихотворения сводится к признанию того, что горький опыт житейщины («суеты») на пороге жизни («прозревал впервые») «искажил мечту», осененную крылами ангела, высокой духовностью, и для поэта, земного творца, день обратился в ночь («немотствует дневная ночь»), звуки неба сменились изводящей, глухой тишиной («чтоб в тишине не изнемочь»). Жизнь земная заслонила жизнь вечную - лирический герой «изнемогает», страдает. «Беззубый смех» жизни роковым образом определил начало его пути «навстречу жаждущей мечте». Такой образ, как мечта, является сквозным в поэзии Блока. На наш взгляд, содержание этого образа обусловлено не романтической устремленностью к идеалу (в пределах традиционной философско-эстетической антитезы «мечта-действительность»). Это было бы упрощенно, неточно. Мечта для Блока - это тайна будущего, это надежда на счастье, это (иногда) даже само будущее. Блок - весь в движении к мечте, в пути, в мыслях о грядущем, о том, что ждет впереди. «Другом, - заметил он однажды, - называется человек, который говорит не о том, что есть или было, но о том, что может и должно быть с другим человеком. Врагом - тот, который не хочет говорить о будущем, но подчеркивает особенно, даже нарочно, то, что есть, а главное, что было... дурного (или - что ему кажется дурным)» [10; с.12]. «Несмотря на все мои уклонения, падения, сомнения, покаяния, - я иду», - сказано в одном из блоковских писем [10; с.12].

Он рано познал вкус земной жизни, посягнувшей на «небесную мечту», дьявольский искус; он не был смолоду молод, он «созрел» преждевременно. Блок в тридцать три года обращается к жене: «Милый друг, мы с тобой старики...» Или: «Пробудился: тридцать лет, хватъ-похватъ, - а сердца нет». Он признается, что «жизнь отшумела и прошла». И опять возникает образ «дневной ночи» как вторжение мрака преисподней в дневные часы, отведенные свету: («Весенний день прошел без дела...»)

...Я не спеша, собрал бесстрастно
Воспоминанья и дела;
И стало беспощадно ясно:
Жизнь прошумела и ушла.
Еще вернутся мысли, споры,
Но будет скучно и темно.
К чему спускаться на окнах шторы?
День догорел в душе давно.

В этом стихотворении образ усложняется: свет исчезает днем не в прямом смысле, а в душе лирического героя «догорел день», то есть душа омрачена, во власти мрака. Причем, душа еще молодого человека («весенний день») сгорела в «жизни гибельном пожаре».

Философско-поэтическое умозаключение, что жизнь - это гибель, источник мрака, пустыня, адский пламень, обусловлено, бесспорно религиозными ассоциациями: земное, греховное - тлен. Именно в этом ключе прочитываются все произведения Блока, независимо от того, включены ли в художественную систему непосредственно образы библейские, евангельские. Тогда в ином свете представляется нам вся поэтическая история жизни Блока: горький искус познания на заре весеннего дня, омраченность души (во много мудрости премного печали!), через ад жизни (вино, страсти, «семь годов ужаса») к декларации мученической судьбы «совестливого человека», к пророческому ощущению, что «катастрофа близка, что ужас при дверях» [9; с.4].

Поэтический рефрен последних «песенных» лет Блока: «Ветер, ветер. На всем Божьем свете!» Нет гармонии, нет мира ни на земле, ни в душе - разгул стихий. Если земная жизнь - ад, то ее «гибельный пожар» отражен в «зареве искусства», как это сформулировал сам поэт. Искусство как результат творчества земного создателя так или иначе вбирает в себя и опыт духа, и опыт плоти, поэтому одухотворено высшей силой и озарено гибельным пожаром жизни. Так это представлял себе поэт. Поэтому в творчестве Блока нашло самовыражение поэта через канонический символический образ борьбы Света и Тьмы, Добра и Зла (а у Блока еще – «музыки» и тишины). Поэтому в одних произведениях поэт во власти Божественных озарений, он слышит «музыку», он видит «лучи», он ощущает себя творением добра и света («Он весь - дитя добра и света»), а в других подвержен сомнениям и выражает их.

В 1907 году окрыленный «хмельной мечтой» поэт, не страшась испытаний, принимал жизнь такую, какая есть, как еще одно испытание:

И смотрю, и вражду измеряю,
Ненавидя, кляня и любя:
За мученья, за гибель - я знаю -
Все равно: принимаю тебя!

В 1911 году жизнь воспринимается как досадное недоразумение, как проявление злобы, недоброжелательства, пошлости, дисгармонии. Символично название – «Из поэмы «Возмездие». Характерно, что здесь возникает образ ветра, символизирующий эту дисгармонию, неустойчивость, зыбкость. То же самое любимое Блоком время года - весна, но иная, рождающая не «хмельную мечту», а ненависть к себе подобным:

Весна, но солнце светит глупо,
До Пасхи - целых семь недель,
А с крыш холодная капель
Уже за воротник мой тупо
Сползает спину холода...
Куда ни повернись, все ветер...
«Как тошно жить на белом свете», -
Бормочешь, лужу обходя;
Собака под ноги суется.
Калоши сыщика блестят,
Вонь кислая с дворов несется,
И встретившись лицом с прохожим,
Ему бы в рожу наплевал,
Когда б желанья того же
В его глазах не прочитал...

Начавший писать стихи с пяти лет, Блок ощущал свое призвание, не, как Ангел, которому мешают крылья на земле, тяготился им, но миссионерствовал, а скорее, как Кассандра, на чужом для многих языке, предвещал с отчаяния:

Как часто плачем - вы и я-
Над жалкой жизнью своей!
О, если б знали вы, друзья,
Холод и мрак грядущих дней!
(«Голос из хора» из сборника «Седое утро», 1926)

Уже в юношеских стихах звучит мысль о собственном предназначении:
Сама судьба мне завещала
С благоговением святым

Светить в преддверьи Идеала
Туманным факелом моим.

Блок понимает свое призвание как завещание судьбы, ее волю и определяется в деятельности - святить - в этом образе бесспорна глубинность религиозная. Само написание слова «Идеал» в середине строки с заглавной буквы свидетельствует о символическом его использовании в данном контексте, но высшим идеалом, и это невозможно отрицать, является сам Носитель Света, Добра, Красоты и Правды. Пусть даже этот символ, как и свойственно знаку, лишен названной или другой конкретности, разрушающей его эстетическое восприятие, но именно поэтому его невозможно соотнести ни с каким земным явлением или объектом, имеющим форму, цвет и прочие физические свойства.

Но миссия творца земного вынуждает, по многим признаниям Блока, вкусить ядовитый плод познания жизни, ведь слово и образ поэта должны быть причастны изображаемой реальности, как причастен субстанции модус. Горький привкус познания - во много мудрости премного печали - и смиренное исполнение своей миссии на земле рождало романтическую раздвоенность, двоemiрие, трагическое миросозерцание. И. Одоевцева вспоминала: (у Блока – Е.Ж.) «...усталое, грустное лицо. И как тяжело он молчит». «Бездонно молчит, - по определению Белого, - молчит похоронным молчанием!» Или: «И какое странное, отчужденное выражение лица...» (у Блока)... «Как тяжело ходить между людей и притворяться непогибшим...»

Сам поэт определил свое миросозерцание как трагическое и утешал себя тем, что оно «одно способно дать ключ к пониманию сложности мира» [4; с.105].

В трудные минуты жизни Блок начинает сближаться с Лермонтовым, родственно - духовно, патетически - трагически и спасительно: Лермонтов дает ему силы подняться над мраком страшного мира, поделиться «странной» любовью к России, укрепить волю к подвигу. Закономерно, что образ Демона, столь ярко созданный Лермонтовым, находит свое продолжение в лирике Блока.

Блок почувствовал в лермонтовском Демоне личность, близкую его герою. Он называет Демона «символом нашего времени»; может быть, это даже необходимый символ времени, так как «заклясть ночь» окружающей жизни может только сильная, мужественная личность, которая умеет противостоять «душевной дряблости». Эта мысль была высказана А. Блоком в самый трудный период жизни - 29 августа 1910 года - и этим примечательнее, так как мужество передается от героя Лермонтова поэту-романтику 20 столетия, в нем он черпает силы для борьбы с судьбой. Именно в таких личностях он видит «правоту новизны» и симптом «выработки человека». Часто Блок рассматривает образ Демона как положительный, что вовсе не совпадало с настроениями и позицией символистов.

Безусловно, Блок неумозрительно воспринял Демона, считая его самым могучим и самым загадочным образом в поэзии Лермонтова. Блок соизмеряет своего героя с образом Демона, обозначая его как необходимый символ современности, пример непримиримости с несовершенством мира, поэтому нельзя не заметить, что этот образ несколько иначе понимается авторами. У Лермонтова Демон - это все же демон, не земное, не Божественное существо, а «дух изгнания», который летает «над грешною землей», а для Блока сама идея борения, заключенная в образе Демона, как будто преломляясь в аспекте видения мира, реальности, сближала вполне справедливо образ литературного произведения с личностью автора, Лермонтова. Так происходит трансформация: Демон→Личность→Автор→Человек.

На блоковское восприятие образа Демона большое влияние оказало творчество художника М.А. Врубеля, которого не в меньшей мере, чем Лермонтова, интересовали тема и образ Демона. Блок часто посещал выставки, на которых были представлены работы этого живописца. Многие из современников Блока отмечали сходство в понимании образов Врубеля и Лермонтова. В этом и разгадка совместного воздействия на поэта (Блока!) двух певцов Демона - живописца и поэта.

Блок как бы соединяет представление о Лермонтове и образе лермонтовского Демона в нечто одно - образ человека. В статье «О лирике» (1907) он пишет следующее: «Среди горных кряжей, где «торжественный закат» смешал синеву теней, багрецы вечернего солнца и золота умирающего дня, смешал и слил в одну густую и поблескивающую лиловую массу, - залег Человек, заломивший руки, познавший сладострастие тоски, обладатель всего богатства мира, но - нищий, ничем не прикрытый, не ведающий, где приклонить голову - падший Ангел - Демон - первый лирик» [8; с. 101]. Можно заметить соединение совсем неожиданное. Ангел и Демон по Блоку, значит, одно, хотя это совершенно разное, находящееся по разные стороны бытия. Почему же поэт рассматривает их как целое? Нельзя не заметить и фразу - «горные кряжи», - которая, скорее всего представляет дух Лермонтова, и сине-фиолетовую гамму красок – это, наверное, Врубель, чей колорит всегда узнаваем. Можно сказать, что и обрисовка образа, о котором говорит Блок в статье, - описание врубелевского «Демона поверженного». Есть в высказывании Блока совсем парадоксальная деталь - параллель с Библией (ср.: «Лиси язвины имут, и птицы гнезда; Сын же Человеческий не имеет, где главы подклонити»). То есть Блок говорит нам о Сыне Человеческом - Христе. Но все же, почему Христос - Высшее, Божественное, или иначе Доброе начало, и Демон, как олицетворение Зла, находятся у него рядом? Блоковский Демон не принимает все происходящее на «грешной земле» (а реальная действительность, которую познал Блок, не мыслится без проявления Зла), поэтому мы должны говорить о том, что непокорность, верность себе и неприятие подлинного зла, в представлении Блока, свойственны им обоим. Таким образом, мы можем сказать, что мятежный дух неприятия несовершенства и несправедливости объединяет героев обоих поэтов.

Вероятно, Блок в образе Демона показал самого себя, свою отчужденность, некоторую оторванность от устоявшихся житейских стереотипов и одновременно боль за происходящее в России. Таковы, на наш взгляд, доминанты образа блоковского Демона.

Трактовка образа Демона в одноименном стихотворении Блока, написанном в 1910 году, продиктована, безусловно, влиянием Лермонтова, хотя вариация темы более современная, иначе сказать, врубелевская:

На дымно-лиловые горы
Принес я на луч и на звук
Усталые губы и взоры
И плети изломанных рук.
И в горном закатном пожаре,
В разливах синеющих крыл,
С тобою, с мечтой о Тамаре,
Я, горный, навеки без сил... [2; с. 16]

Мы не находим уже той надменности, да и самого демонизма в герое. Теперь он уже не неземное существо, а напротив, совсем обессиленное, по-человечески признающееся в своей слабости, отчетливо приобретающее черты

героя лирики Блока. То есть этот образ можно рассматривать почти как символ романтического героя в литературе, - эволюции, наложенной на весь поток истории в ее общественно-философских и общественно-политических формах, которые позднее были запечатлены в поэме «Возмездие».

Можно заметить и то, что «Демон» Блока перекликается с другими стихотворениями поэта тем же мотивом усталости и бессилия, одиночества, моральной и физической развитости, которые и заставляют назвать тот мир, где это возможно и неизбежно, «страшным миром». Не случайно в сознании поэта «в час, когда уже не было сил», и возникает образ Демона, но уже как зловещего символа этих дней, где «ночь, улица, фонарь, аптека» как бы обступают человека со всех сторон, словно четыре тюремных стены, откуда никому нет и не будет исхода. Можно сказать, что именно символом и жертвой времени кажется он Блоку.

Нельзя не обратить внимания и на то, что этот Демон как-то странно прозрачен, почти бесплотен. Мы не видим плоти этого странного существа, лишь боль и смертельная усталость будто переполняют героя и заставляют его испытывать «тяжесть» своего пребывания в мире. Эта призрачная, нереальная картина жизни создается тем, что все это мучительное сновидение - только свидание Демона со своей «мечтой о Тамаре», можно сказать, только сон, который не может принести ему ни радости, ни просветления. Демон не может найти отраду и успокоение в бегстве в мечту, ему бежать некуда. Его сон гнетущ и тяжел и не может нести с собой надежду на спасение. Хотя у него есть мечта, мечта о Тамаре, он все же «навек без сил», да и может ли принести отраду сон, если он все-таки кажется бредом, галлюцинацией, мучительной, заставляющей переживать самое трудное в мире - несбыточную мечту.

Блоковского «Демона» с лермонтовским связывает еще одна ниточка: ориентальный налет в лексике, что вовсе не характерно для поэзии Блока. «Чеченская пуля, Тамара, чадра» - безусловно, это дань лермонтовской традиции, хотя вот «стонущая зурна» - уже не просто внешняя условность, а дань определенной традиции русских поэтов именно так изображать диковинный для уха героя цивилизованного мир звуков этого произведения. Зурна у Блока стонет. Вероятно, это, с одной стороны, связано с эмоциональным строем всего стихотворения, с другой стороны, «музыка» стихов этого периода дана поэтом в ее крайних, напряженных, можно сказать, даже в пронзительно-высоких регистрах. Ведь герой Блока, будь он в погибельном веселье или в пронзительном плаче, только и слышит «визг цыганского напева», туманный вопль» или «вой» скрипок, венгерский танец, «звонящий и пляшущий» и даже близкий «вой похоронных труб», - такова музыка этого мира, а именно ада, в который попал когда-то гордый и свободный (как у Лермонтова), а теперь жалкий, обессиленный Демон.

То есть Блок несколько иначе предлагает нам тему, заданную Лермонтовым: для него Демон - жертва «страшного мира», он заражен мертвящим дыханием этого существования. Но все же «Демон» останавливает наше внимание, воздействуя своим трагическим колоритом, что и сближает этих двух поэтов.

Блоком было написано еще одно стихотворение «Демон», но несколько позднее, чем это, в 1916 г. Перед нами все тот же, в прежнем величии и могуществе, в то же время уже наделенный «божественно прекрасным телом», «силой мышц»(!) и сенью несломленных крыл, уверенно возносящих героя (с Тамарой - хотя имя ее нигде не названо) на «сверкающий горный гребень». Стихотворение начинается с обращения-просьбы к любимой:

Иди, иди за мной – покорной
И верною моей рабой. [2; с. 41]

Демон мог бы торжествовать полную победу над этим отныне покорным ему существом. Но мы чувствуем, что победа лишь видима, и это сновидение, и этот полет «пустыней неба огневой» не реальнее того сна, который описан в предыдущем одноименном стихотворении. Нельзя говорить о том, что Демон живет, радуется жизни. Нет. Это лишь видимость. Он постоянно говорит «взлечу», «пронесу», «охраню», «обожду», «ты захочешь полететь», то есть перед нами всего-навсего одни обещания, упования на то, может быть, что его спутница, его возлюбленная получит царство над миром в надзвездных краях, там, «где кажется земля звездой, землю кажется звезда». Не к вечной ли жизни в Раю призывает Демон Тамару, чтобы вырваться прочь из «страшного мира»? А, может, вовсе не обещает он счастья ей, так как знает, что это невозможно будет ему осуществить, как и многим, населяющим эту землю? Поэтому-то блоковский демон - обитатель «страшного мира». Он кажется нам всесильным и могущественным, но творить Добро он бессилен, хотя внутренне он к этому стремится. Демон - титаническая фигура, которой мало просто обыкновенных человеческих страстей, так как масштаб их невелик - с одной стороны, с другой же - она (эта страсть), «дикая», отрицается им, ведь, мечтать о самом дорогом в жизни - это и обманывать себя в надежде, что мечта станет явью, что она сбудется и сделает человека счастливым. Демон понимает эти лирические бдения как «грустную земную жалость» и «человеческую ложь»: «Твой ядовитый взгляд // Иной пророчит рай! //- Я уступаю, зная, // Что твой змеиный рай - бездонной скуки ад» [2; с. 38] («О, нет! Я не хочу, чтоб пали мы с тобой»)

Таким образом, видим, что Демон обречен на одиночество: он бессилен заставить людей чувствовать и любить сильнее, чем они привыкли и могут. Его не сможет понять и возлюбленная, так как ей неизвестно истинное чувство любви, она не сможет вынести его (чувства), испугается любви, сама попросит отпустить ее на землю и камнем полетит в «сияющую пустоту», навстречу своему уничтожению, как уже было с одиноким путником, который обманулся в полночь близким огоньком лермонтовского Демона. Но наибольшей силы звучания тема Демона достигает у Блока все же не в этих двух стихотворениях, а в поэме «Возмездие», о чем уже отчасти говорили.

На наш взгляд, целесообразно начать с возникновения замысла поэмы. Из биографии известно, что в 1909 году умирает отец Блока. Именно это тяжелое событие, которое очень потрясло молодого человека, и оказало влияние на возникновение поэмы. Блок впервые попробовал в набросках свой замысел. Уже к январю 1911 года закончена первая редакция поэмы. Отказ отца, в прошлом носителя грозных, угрюмых порывов, а позднее сломленного под ударами судьбы, воплощает тему Демона.

Источником мотива Демона (впоследствии переросшего в тему) в поэме выступает уже не мифологический образ, не «легендарный» дух, мечтающий о счастье неземном, не подвластном простому человеку, а вполне обыкновенный человек. Поэтому нам важно проследить, как реальный облик наполняется у Блока демоническими чертами, каким образом поэт противопоставляет (мотивирует данное противопоставление) «земное неземному»:

Его циничный тяжкий ум
Внушал тоску и мысли злые...
Отец! Ты знал иных мгновений
Незабываемую власть! [2; с. 216]

Первоначально задуманная как скорбный реквием в память отца, поэма постепенно наполнилась мыслями о судьбе России в роковые для нее годы, о ее будущем. На наш взгляд, именно социальный пафос поэтического исследования смены поколений русской интеллигенции стал главным в поэме Блока, так как поэту важно показать возмездие как вырождение рода героя-романтика, не способного воздействовать на историю. Об этом говорит уже выбранный Блоком эпиграф: «Юность - это возмездие» (Г. Ибсен). В этом можно увидеть отклик на финал «Думы» Лермонтова. При таком повороте событий романтический ореол героя - Демона нужно было пригасить, приведя образ в соответствие с тем снижением, которое ему удалось пережить ко времени появления в салоне А.П. Вревской, где на него обратил внимание сам Ф.М.Достоевский.

«Кто сей красавец? - он спросил
Негромко, наклонившись к Вревской: -
Похож на Байрона»...
...«Он - Байрон, значит - демон...» - Что ж?
Он впрямь был с гордым лордом схож
Лица надменным выраженьем
И чем-то, что хочу назвать
Тяжелым пламенем печали. [2; с. 210]

Перед нами своеобразная цепь, связывающая героя поэмы с демоническим началом: Отец - Байрон - Демон. Блок как бы иронизирует, когда говорит о лорде Байроне, которого он сравнивает со своим отцом и даже находит нечто схожее: высокая этика и свобода воззрений, чем очаровывает он всех окружающих. Но поэту важно подчеркнуть, что герой утратил свои блестящие способности, и, прежде всего, волю. Поэтому мы можем уверенно сказать, что в этом отношении герой Лермонтова счастливее своих последователей, так как он смог остаться в представлении читателя Личностью, пусть и угрюмой, но гордо-прекрасной, сильной, непокоренной, он был и есть Герой, хотя, конечно, был несколько пассивен на пути к осуществлению своей мечты.

Но вернемся к герою Блока. Светская молва высказывает мнение, что он - демон. «Он тьмы своей не ведал сам» и, догадываясь иногда о тех темных силах, которые кроются в его душе, сам страшился себя и своего будущего.

Этот человек предчувствует, что в любви, подобно «легендарному» демону, не сможет быть сам счастлив и, главное, не сможет принести счастье другому. Эта любовь не сулит его невесте ничего хорошего даже в самом начале. Возлюбленная героя мучается, терзается непонятной для нее странностью своего избранника, который напоминает ей хищника, готового «закогтить» жертву.

Нет, он не любит, он играет, -
Твердит она, судьбу кляня, -
За что терзает и пугает
Он беззащитную меня... [2; с. 211]

Предчувствия не обманули ее: счастье, действительно, было недолгим. Она уходит с младенцем от мужа. Но причины этого кроются в социальном неустройстве, а вовсе не в противоречивом характере отца.

... Вот - любовь
Того вампирственного века,
Которых превратил в калек
Достойных званья человека! [2; с. 214]

Поэт показывает, как вырождается и мельчает все: храбрость - в нахальство, подвиги - в психоз, человек - в безвольное существо и неврастеника, подлинное дело - в болтовню и «гуманистический туман», в котором гаснет дух и увядает плоть самых талантливых и сильных людей. Что ждет Россию в эти страшные дни, есть ли у нее будущее? Скорее всего, нет, так как гибнет самое святое на земле - вера в жизнь, в дальнейшее существование. Поэтому-то не так удивительно превращение, которое претерпевает «новый лорд» в бездомной и страшной мгле XX столетия:

И книжной крысой настоящей

Мой Барон стал средь этой мглы. [2; с. 215]

Все, жизнь героя прожита, нет уже того здоровья и силы; душа огрубела, и отяжелела мечта; улеглись демонические порывы и страсти, и, вероятно, не осталось в нем ничего от прежней красоты и таланта. Но все-таки есть, осталось в блоковском герое что-то от «той» жизни: в нем жив тонкий музыкант, творец, иступленный художник, живут в нем еще и минуты, когда он мог отдаться со всей страстью творчеству, хотя творил он вовсе не свою музыку, а чужую, как свою, теперь в его глазах, хранивших память огромных глаз врубелевского Демона, возникают свои образы, свои гениальные стихи, мы знаем, что человек может творить музыку, будучи глухим, как Бетховен, создавать лучшие картины, будучи слепым, как Врубель. Внешне порой человек может казаться Плюшкиным, Гарпагоном, «забитым и бездомным псом» и прочее, но это не исключает его возможности мечтать, стремиться к лучшему, а может быть и творить... Поэтому часто в минуты вдохновения человек забывает все и себя нынешнего и исчезает на глазах «грязь» людского существования: Хлам превращался в красоту; Прямилась сгорбленные плечи...

Окрыленный и опьяненный рождающимся внутри себя, человек, словно Демон, достигает «всего». Но однако эти минуты не вечны! Порой они, как мгновенно вспыхнувшая спичка, которая быстро загорается и быстро потухает. Когда проходят эти минуты «творческого горения», исчезает хмель вдохновения, гаснут ослепительные краски, пропадают звучавшие стихи, не остается даже тени тех «несозданных созданий», которые могли бы прославить его имя и сделать его счастливым, но опять та же квартира, бескрылая жизнь, лишь «дрянная вялая плоть и тлеющая душонка». Нет уже теперь демонической мечты, теперь он во власти другого «Демона» - Демона отрицания и сомнения.

В поэме Блока появляются два «демона». Один, ранее известный всему петербургскому свету демонического вида красивый молодой мужчина, несколько похожий на Байрона, теперь же - в глазах окружающих - книжный червь, злой демон для себя и для других, прежде всего для своей семьи. Не удалась жизнь, наступила полная апатия ко всему: смирился с участью покинутого мужа и неопрытного холостяка. У Блока оба Демона - трагические фигуры, они терпят поражение. Так, у первого житейская, видимая всем, у второго - незримая миру трагедия художника, которой наделен огромным талантам, но будущему поколению он не оставит ни одного своего шедевра. Таким образом, Демон опять повержен и вновь одинок.

Вот оно Возмездие эпохи, истории, выразившееся в «закате», вырождении, деградации культуры, дворянской культуры, ибо «мировой водоворот» засасывает в свою воронку почти всего человека; от личности почти вовсе не остается следа, сама она, если останется еще существовать, становится неузнаваемой, обезображенной, искалеченной [3] .

Было бы неправомерно говорить о «бесоведениях» или «демонизме» Блока, вся жизнь и все творчество которого проникнуто идеей жертвенности, героического служения искусству, Красоте, Слову, истинной верой христианина, искушаемого, но совершающего ежедневный подвиг во имя души и Правды.

Библиографический список

1. Ашукин Н.С. А.А. Блок в воспоминаниях современников и его письмах. М., 1924.
2. Блок А. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3. М.: Правда, 1971.
3. Винокурова Н.Н. О миросозерцательных основах поэзии А. Блока // Новые аспекты изучения поэзии серебряного века в вузе и школе. Арзамас: АГПИ, 1996. С.14-38.
4. Жесткова Е. А. Эпоха Иоанна Грозного в изображении Н. М. Карамзина и А. К. Толстого // Мир науки, культуры, образования. 2011. №6 [31]. С.290-292.
5. Жесткова Е. А. Мир детства в творческом сознании и художественной практике В.И. Даля // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2014. №4. С.70-74.
6. Жесткова Е. А. Н. М. Карамзин и А. К. Толстой. К вопросу о художественном осмыслении исторической эпохи Иоанна Грозного // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Серия 2. Искусствоведение. Филологические науки. 2013. № 4. С.51-54.
7. Лесневский С. Это черная музыка Блока...//Книжное обозрение. 1990. №47. 23 ноября.
8. Мережковский Д. В тихом омуте. М., 1990.
9. Одоевцева И. На берегах Невы. М.: Художественная литература, 1989. 334 с.
10. Турков А. Я иду. К 100-летию со дня рождения А. Блока // Работница. 1980. №2. С.43-48.

References

1. Ashukin N.S. A.A. Block in the memoirs of his contemporaries and his letters. Moscow, 1924.
2. Block A. Collected Works: in 6 vols. M.: Truth, 1971.
3. Vinokurova N.N. About mirosozertsatelnyh basics of poetry by Alexander Blok // New aspects of the study of poetry of the Silver Age in the university and the school. Arzamas: AGPI, 1996. P.14-38.
4. Zhestkova E.A. Era of Ivan the Terrible in the image Karamzin and A.K.Tolstoy // The world of science, culture and education. 2011. № 6 [31]. P.290-292.
5. Zhestkova E.A. World of childhood in the creative minds and artistic practice Dahl // Philology. Theory and practice. Tambov: Diploma. 2014. № 4. P.70-74.
6. Zhestkova E.A. Karamzin and AK Tolstoy. On the artistic interpretation historical epoch of Ivan the Terrible // Bulletin of the St. Petersburg State University of Technology and Design. Series 2. Arts. Philology. 2013. № 4. P.51-54.
7. Lesnevsky S. This black music Bloc ... // Book Review. 1990. № 47. November 23.
8. Merezhkovskii D. In still waters. M., 1990.

9. Odoevtseva I. On the banks of the Neva. M.: Fiction, 1989. 334 p.
10. Turks A. I go. The 100th anniversary of the birth of Alexander Blok // Worker. 1980. № 2. P.43-48.

УДК 821.161.1

*Воронежский
университет
Канд. филол. наук, доцент
Куркина Т. Н.
e-mail: tnkurkina@mail.ru*

*государственный Voronezh State University
PhD, assistant professor Kurkina T.N.
e-mail: tnkurkina@mail.ru*

Т.Н. Куркина

ГРЕХ В ТРАГЕДИИ А. С. ПУШКИНА «БОРИС ГОДУНОВ»

Трагедия Пушкина «Борис Годунов» – поворотное произведение в жизненной и творческой судьбе поэта, таковой же она является и с точки зрения употребления «греховной» фразеологии. В зрелом творчестве поэт не использует слова с «греховной» семантикой в ироничном ключе, а чаще всего включает их в понятийный горизонт христианской картины мира. В трагедии понятие «греха» является одним из главных связующих звеньев между «низшим» эмпирическим и «высшим» теологическим уровнем сюжета. Автор, согласно христианскому миропониманию, показывает, что «грех» развивается как цепная реакция, влечет за собой и персональную, и соборную ответственность, а также имманентно содержит в себе и наказание.

Ключевые слова: грех, покаяние, наказание, христианство, соборность, власть, ответственность, народ, государство, личность, авторская оценка.

T.N. Kurkina

THE SIN IN THE TRAGEDY «BORIS GODUNOV» BY A.S. PUSHKIN

The tragedy «Boris Godunov» is a turning point in Pushkin's life and creativity. His usage of «sinful» phraseology also proves it. In his later works the poet does not use words with «sinful» semantic ironically but most often includes them in Christian world picture. In the tragedy the notion of «sin» is one of the connections between the «low» (empirical) and the «high» (theological) plot levels. The author shows, according to the Christian point of view, that the «sin» develops a chain reaction, causes personal and councilor responsibility and immanently contains punishment in itself.

Key words: sin, repentance, punishment, Christianity, collegiality, power, responsibility, people, state, personality, author's estimation.

Трагедия Пушкина «Борис Годунов» была поворотным произведением в жизненной и творческой судьбе поэта, таковой же она является и с точки зрения употребления «греховной» фразеологии. Эту лексику поэт широко использовал при создании фривольных и антиклерикальных стихов в лицейский и послелицейский периоды творчества. Как известно, процесс взросления «царскосельского пустычника» с возвышенной и ранимой душой, которого в то же время «дергает бешеный демон бумагомарания», был чрезвычайно сложным и противоречивым. Пушкинская восприимчивость уникальна, он с невероятной силой впитывает в себя «все впечатления бытия». Юного поэта окрыляет страстное желание «проповедовать стихами» и встать в один ряд с «певцами бессмертными», которые являются «честью и славой россов» (К другу стихотворцу, 1814). Параллельно его пленяет и атмосфера свободного умствования и рационализма французских просветителей; с не меньшей силой личность поэта завораживают и маскарадные возможности романтической иронии, позволяющие примерять на себя различные маски и скрывать свое подлинное лицо. «Романтики питали снисходительное презрение к тому типу личности, в котором отвердели духовные стихии. <...> Романтическая ирония стремится эпатировать догматически скованное сознание, подняться над чуждым, окостеневшим не только в

чужом, но и в собственном мышлении» [1; с. 36]. Отсюда вседозволенность, хаотичность и легкомысленность авторского поведения поэта.

Очарованный Вольтером Пушкин в стихах, не предназначенных для печати, надевает маску вольтерьянца и отчаянного богогульника. Он кощунствует чуть ли не над всеми святыми понятиями православной веры, в том числе и над христианским пониманием греха. Однако резко эпатирующие явления в творчестве молодого поэта исследователи объясняют не только его поэтической вольностью и вольтерианством, но и стремлением противостоять тогдашней моде на всякого рода мистицизм в высших кругах русского общества. Более того, например, С.Л. Франк полагал, что пушкинские кощунства – это следствие глубинного брожения духа еще неокрепшей самобытной личности поэта. Философ находил в этом «какой-то чисто русский задор цинизма», который, в свою очередь, является «типично русской формой выражения целомудрия и духовной стыдливости, скрывающей чистейшие и глубочайшие переживания под маской напускного озорства» [8; с. 382]. После южной ссылки, где-то с осени 1824 года, богохульства Пушкина сходят на нет.

В зрелом творчестве поэта слова с корнем -грех(ш)- в ироничном смысле встречаются в основном в сатирических контекстах общественно-политической или нравственной направленности. Порой в пушкинских произведениях можно обнаружить и парадигмы «греха» в качестве словесного штампа в речи разных героев. Тем не менее, чаще всего слова «греховной» семантики включены в понятийный горизонт христианской картины мира, которую поэт стремится воссоздавать в том или ином художественном произведении.

Первой в этом ряду стоит трагедия «Борис Годунов», в ней находится достаточно обширное смысловое поле «греха». Здесь слова с «греховной» лексикой встречаются 12 раз и распределены концептуально. Они присутствуют в речи представителей Церкви (Пимен – 6, отец Варлаам – 3, Григорий Отрепьев – 1), власти (Борис Годунов – 1) и народа (старуха – 1). Чаще всего эти слова звучат в устах летописца Пимена. Его образ в событийной канве трагедии не выходит на первый план, но в идейно-смысловой структуре произведения он играет важнейшую роль и несет на себе наибольшую религиозную нагрузку. Пушкин указывал, что это собирательный образ, который он подсмотрел в наших старых летописях. В облике древних монахов, стремящихся сохранить историческую память минувших веков, поэта пленило «простодушие, умиленная кротость, нечто младенческое и вместе мудрое усердие, можно сказать набожное, к власти царя, данной им Богом, совершенное отсутствие суетности, пристрастия...» [5, т. 7; с. 74]. Пушкину казалось, что «сей характер всё вместе нов и знаком для русского сердца» [Там же], но после публикации сцены в Чудовом монастыре (целиком трагедия увидела свет позднее) он с удивлением замечает, что читатели остались равнодушны к этому образу и только «люди умные обратили внимание на политические мнения Пимена и нашли их запоздалыми...» [Там же]. Отголоски этих недоразумений можно встретить и в пушкинистике последних десятилетий. Например, Илья Серман считает, что «Пимен был соучастником Григория в его посягательстве на власть, а не просто заурядным проводником» [6; с. 127]. С ним соглашается и известная американская исследовательница русской литературы Кэрил Эмерсон. Она утверждает, что «летопись Пимена становится повивальной бабкой зародившихся идей и назревающих событий» [9; с. 137], и «под таким углом зрения Пимен предстает перед нами как в высшей степени полемическая и действенная фигура» [Там же].

Думается, что в данном случае, безусловно, ближе к раскрытию авторского замысла подошли такие ученые, как В.С. Непомнящий, С.Г. Бочаров и И.З. Сура, М.М. Дунаев и другие. Так, последний в своём капитальном труде «Православие и русская литература» пишет: «Пожалуй, во всей русской литературе не найдём мы столь художественно и духовно совершенного образа русского православного инока, как пушкинский летописец Пимен (включая даже Достоевского с его старцем Зосимой). <...> Ибо он прямо понимает свое служение как исполнение воли Бога, он весь исполнен этой волею, он смиренно сознаёт всё выпавшее ему в жизни Божьим даром и

Промыслом» [2, ч. I–II; с. 241]. Эту трактовку образа Пимена подтверждает и анализ «греховной» семантики речевых оборотов героя.

Старику-летописцу свойственна подлинная глубина покаяния. Смиренный монах искренне называет себя грешным, о своем сне говорит, что он «не безгрешен», если он не сотворит «молитвы долгой к ночи». Записывая «правдивые сказания... земли родной», он радуется трудам, славе, добру «царей великих» и скорбит за их «грехи, за темные деяния». Больше всего старец сокрушается «кровавому греху» своего венценосного современника. Пимен чувствует и свою ответственность за свершившееся беззаконие: «О страшное, невиданное горе! / Прогневали мы Бога, согрешили: / Владыкою себе цареубийцу / Мы нарекли» [5, т. 7; с. 24].

Самоосуждение монаха имеет глубинные корни, он понимает, что убийство царевича Дмитрия – это грех не одного лица, Бориса, и даже не целого круга лиц, подкупленных Годуновым подручных, а это следствие нравственного состояния всего русского народа. Ещё больший грех совершает народ, когда позволяет политическим интриганам манипулировать своим сознанием и приводить к власти цареубийцу. За духовное окормление народа отвечает Православная Церковь, поэтому Пимен в речи, обращенной к Григорию Отрепьеву, разясняя обстоятельства произошедшего, использует всеобъемлющее местоимение «мы».

В трагедии нестроения русской Церкви отражены, прежде всего, в образах беглых монахов – отца Варлаама и отца Мисаила. Последний по характеру немногословен, а первый не в меру словоохотлив. Отец Варлаам, так же как и старец Пимен, называет себя грешным, но его покаяние лицемерно и не влечет за собой борьбы с грехом и желания избавиться от него. Он, напротив, услаждается и любит свое пьянство и мошенничество. Оба монаха обманом выпрашивают милостыню у бедняков якобы на строительство монастыря, а сами прогуливают и пропивают эти деньги. При этом еще и обвиняют христиан в скупости и маловерии. Отец Варлаам за свое разгульное житье чуть жестоко не заплатил. Изворотливый и хитроумный Григорий еще немного и подвел бы его под виселицу вместо себя. Художественная логика произведения убеждает в том, что беглые монахи добром не кончат, рано или поздно они получат достойное воздаяние.

Немало споров связано с научным прочтением еще одного образа монаха, ему в трагедии отведено одно из центральных мест, – это Григорий Отрепьев. Одни полагают, что «Отрепьев добивается успеха, поскольку сам творит *историю* (курсив автора. – Т. К.) или, скорее, выдумывает ее» [9; с. 125], тем самым создавая «новое чудо» [9; с. 138]. Другие дерзновения героя трактуют не столь однозначно, утверждая, что «Григорий в какой-то момент прозревает условность всех сословных, кастово-групповых и иных социально-видовых различий между людьми» и через преступление поднимается на самую вершину власти, заявляя о равноправности «своего «я», своей общечеловеческой сущности как самоценной личности с сильными мира сего. И этим он вызывает <...> определенные симпатии автора». При этом Отрепьев не выдерживает испытания и «приносит себя как личность в жертву избранной им социальной роли – царскому сану» [7; с. 109]. Однако подобного рода суждения не учитывают религиозной ценностно-смысловой иерархии, организующей по воле автора художественный мир трагедии.

В сюжетном движении произведения Григорий Отрепьев занимает промежуточное положение между служителями Церкви и власти. Ложью, коварством и преступлениями он порывает связь с клиром и добивается до социального верха. Отпрыск галицких бояр Григорий смолоду был пострижен в монахи, правда, неизвестно, в каком монастыре. По словам игумена Чудова монастыря, «шатался по разным обителям, наконец, пришел к... чудовской братии». Видя ветреность молодого монаха, но учитывая его начитанность, его определили послушником к умудренному и кроткому старцу Пимену. Тот старался вразумить и просветить сердце и ум Григория, уберечь его от «безумных потех юных дней», научить его духовному подвигу поста и молитвы. Пимен серьезно подумывал в скором времени передать Григорию свой труд

по продолжению летописания. Однако молодой монах не смог преодолеть дьявольские искушения, его обуревают горделивые помыслы и чувственные страсти. Поучения старца он обращает во зло, пренебрегая при этом и своими вещими снами, которые предрекают крах его «бесовских мечтаний». Григорий Отрепьев, возмущенный неслыханной на Руси дерзостью Бориса Годунова, вознамерился покарать убийцу младенца. Ради этого Григорий сознательно идет на еще более тяжкие преступления, он обещает лакомые куски российской земли польским и литовским панам, развязывает братоубийственную войну и, наконец, тайно принимая католичество, предает веру православную. При этом Отрепьев не испытывает никаких угрызений совести, раскаяние его не мучит. Он казуистически полагает, что за его грехи должен ответить тот, кто прервал династическую власть и подал пример самозванства: «Кровь русская, о Курбский, потечет – / Вы за царя подъяли меч, вы чисты. / Я ж вас веду на братьев; я Литву / Позвал на Русь, я в красную Москву / Кажу врагам заветную дорогу!.. / Но пусть мой грех падет не на меня – / А на тебя, Борис-цареубийца! – / Вперед!» [5, т. 7; с. 67].

Облик героя Пушкин усложняет тем, что делает его натурой, способной переживать глубокое чувство настоящей любви, которая чудесным образом мгновенно преображает его внутренний мир. Григорий вдруг понимает фальшь и пустоту своих честолюбивых планов и вдохновенно приносит покаяние перед возлюбленной: «Виню я: гордыней обуянный, / Обманывал я Бога и царей, / Я миру лгал; но не тебе, Марина, / Меня казнить; я прав перед тобою. / Нет, я не мог обманывать тебя. / Ты мне была единственной святыней, / Пред ней же я притворствовать не смел» [5, т. 7; с. 62-63]. Григорию открывается истина и красота подлинных ценностей жизни. Он признается Марине, что теперь абсолютно равнодушно взирает на трон и власть Бориса: «В глухой степи, в землянке бедной – ты, / Ты заменишь мне царскую корону, / Твоя любовь...» [5, т. 7; с. 60]. Однако «гордая полячка» отказывается принимать подобную высоту душевных переживаний, считая их неуместным вздором ветреного мальчика, а не мужа достойного ее внимания. Марина возвращает Отрепьева на путь лжи и обмана, заявляя, что отдаст руку только «наследнику московского престола». Григорий с горечью осознаёт, что он как личность со всеми своими порывами и доблестями никому не нужен, в этом мире притягательны только власть и деньги. Со свойственным ему легкомыслием он сразу отрекается и от своей любви и от своего покаяния.

Борис Годунов в трагедии – представитель власти. Он, в отличие от Григория Отрепьева, натура более глубокая и нравственная. Он осознает свой грех, мучается им, понимает, что ему надо очистить душу покаянием. Однако Борис Годунов настолько поработан грехом, что не находит в себе сил освободиться от него и в полной мере покаяться. В наибольшей степени он откровенен наедине с самим собой, но и тут он во многом стремится оправдать себя, выставляя на первый план свои добрые дела и не называя заговор убийства младенца-царевича грехом, а лишь случайным «единым пятном» своей совести.

Еще труднее Борису Годунову признать свой грех перед народом. Символично, что автор в значимой сцене на соборной площади после большого богослужения: совершения литургии, анафемы Гришки Отрепьеву, молебна о здравии и панихиды о царевиче Дмитрие, выстраивает параллельную сюжетную ситуацию, когда к Юродивому с просьбой о молитвенной помощи прилюдно обращаются и простая старуха, и царь. И тот, и другой подают ему милостыню, но старуха во всеуслышание признает себя грешной, а царь – нет.

И даже на пороге смерти властолюбивые страсти не отпускают Бориса Годунова, вместо заботы о спасении души он спешит передать бразды правления любимому сыну. В его наставлениях перемежаются советы опытного государственника и хитросплетения ловкого политика. Он заставляет присягнуть бояр новому царю и только после этого, уже «чувствуя могильный глад» [5, т. 7; с. 91], наспех просит у присутствующих прощение за свои «соблазны и грехи, и вольные и тайные обиды»

[Там же]. Затем отдает приказ патриарху начать обряд пострижения, а на покаяние перед Богом уже не остается жизненного времени.

Возмездие над Борисом Годуновым и членами его семьи совершается в рамках сценического времени трагедии, тогда как возмездие над Григорием Отрепьевым в пределах сюжетного действия не происходит, напротив, трагедия заканчивается его возвышением. Тем не менее, как убеждает художественная логика произведения, финал его судьбы предрешен. На это указывает и финальная ремарка «народ безмолвствует». Трагедия начинается упоминанием о преступлении против безвинного царевича Дмитрия, которое очистило путь к власти первому в русской истории самозванцу, и заканчивается подобным же злодеянием, но если в начале действия народ покорно соглашается славить греховную власть, то в конце отказывается повиноваться боярам и проявляет собственную волю. «Безмолвие народа – начало очищения духа и души, восстановление жизни «по совести», прекращение дальнейшего падения в пучину греха» [3; с. 170].

Таким образом, в трагедии понятие «греха» является одним из главных связующих звеньев между «низшим» эмпирическим уровнем сюжета и «высшим» теологическим уровнем сюжета [3; с. 339]. Автор, согласно христианскому миропониманию, показывает, что «грех» развивается как цепная реакция, влечет за собой и персональную, и соборную ответственность, а также имманентно содержит в себе и наказание. Исторический же оптимизм Пушкина в «Борисе Годунове» связан с другой художественно-религиозной категорией – с Провидением, которая, в свою очередь, означает духовно-разумную силу вещей.

Библиографический список

1. Грехнев В.А. Мир пушкинской лирики. Н. Новгород, 1994.
2. Дунаев М.М. Православие и русская литература: в 6 частях. М., 2001.
3. Коровин И.В. «Судьба человеческая, судьба народная»: о смысле трагедии «Борис Годунов» // А. С. Пушкин. Борис Годунов: Тексты, комментарии, материалы, моделирование уроков: Науч.-метод. пособие для вуза и школы / Под ред. Старыгиной, И.П. Карпова. М., 1999.
4. Непомнящий В.С. Пушкин. Избранные работы 1960–1990-х гг. М., 2001.
5. Пушкин А.С. Полн собр. соч.: в 16 т. М., 1962–1966.
6. Серман И.З. Пушкин и историческая драма 1830-х годов // Пушкин: Исследования и материалы. Вып. 6. Л., 1969.
7. Удодов Б.Т. Очерки истории русской литературы 1820–30-х годов. Воронеж, 2004.
8. Франк С.Л. Религиозность Пушкина // Пушкин в русской философской критике. М., 1990.
9. Эмерсон К. «Борис Годунов» А.С. Пушкина // Современное американское пушкиноведение: сб. статей / Под ред. У. М. Тодд III. СПб., 1999.

References

1. Grekhnev V.A. The world of Pushkin's lyrics. N.Novgorod, 1994.
2. Dunaev M.M. Orthodoxy and Russian literature: in 2 vol. M.: 2001.
3. Korovin I.V. «The fortune of a person and people»: about the sense of the tragedy «Boris Godunov» // A.S. Pushkin. Boris Godunov: Texts, comments, materials, models of lessons. M.: 1999.
4. Nepomnyashchy V.S. Pushkin. Selected works of 1960–1990-s. M.: 2001.
5. Pushkin A.S. Completed works: in 16 vol. M.: 1962–1966.
6. Serman I.Z. Pushkin and historical drama of 1830-s // Pushkin: Research and materials. Vol. 6. L.: 1969.
7. Udodov B.T. Sketches in history of Russian literature of 1820–30-s. Voronezh, 2004.
8. Frank S.L. Pushkin's piety // Pushkin in Russian philosophical critique. M.: 1990.

9. Emerson K. «Boris Godunov» by A.S. Pushkin // Modern American studies on Pushkin. SPb.: 1999.

УДК 82-1/-9

Московский гуманитарно-лингвистический институт МГЛИ
Ст. преп. кафедры иностранных языков
Первалова С.Г.
Россия, Москва, тел. +79859670229,
e-mail:som.81@mail.ru

Moscow international linguistic institute
MGLI
The chair of Foreign Languages,
Senior teacher
Perevalova S.G.
Russia, Moscow, tel. +79859670229,
e-mail:som.81@mail.ru

С.Г. Первалова

КАРТИНА ФРАНЦУЗСКОГО СРЕДНЕВЕКОВОГО ОБЩЕСТВА В СТАРОФРАНЦУЗСКОМ ЖИВОТНОМ ЭПОСЕ «РОМАН О ЛИСЕ»

В данной статье дается краткая характеристика основных средневековых французских литературных жанров, а также рассматривается один из самых известных романов животного эпоса - «Роман о Лисе», в котором описываются нравы, царящие во французском обществе данного времени, через царство животных.

Ключевые слова: французские литературные жанры Средневековья, фаблю, животный эпос, «Роман о Лисе», французское общество XII - XIII веков.

S.G. Perevalova

PICTURE OF THE FRENCH MEDIEVAL SOCIETY IN THE OLD FRENCH ANIMAL EPIC «LE ROMAN DE RENARD»

This article gives a brief description of the main medieval French literary genres, and is considered one of the most famous novels animal epic «Le Roman de Renard», which describes the customs prevailing in French society this time through the animal Kingdom.

Key words: French literary genres of the middle Ages, fabliau, animal epic, «Le Roman de Renard», French society of XII - XIII centuries.

В XIII веке города Франции переживали эпоху возвышения и расцвета. В основе культурного синтеза в городах лежали рыцарские и религиозные идеалы, ориентированные на житейскую тему. Клерикальная литература все больше растворялась в городской поэзии, утрачивая свою специфику и духовную монополию. Большое влияние на городскую поэзию XIII века оказывали фольклорные мотивы крестьянства.

Можно выделить основные направления городской литературы XIII века:

1) фаблю – небольшие комические рассказы с назидательным смыслом, близкие к латинскому жанру «примеров» («exempla»), широко представленному в церковной литературе;

2) «животный эпос» (крупнейший памятник данного жанра – «Роман о Лисе (Ренаре)»);

3) дидактическая и аллегорическая поэзия («Роман о Розе»);

4) городская лирика - литературное явление, сформировавшееся во Франции в конце XII века и ставшее самостоятельным уже в начале XIII века. Городская лирика во многом зависела от куртуазной поэзии, но она во многом и отличалась от нее;

5) драматургия;

В данной статье мы остановимся более подробно на таком направлении городской литературы XIII века как «животный эпос» и рассмотрим, какими отличительными чертами он обладает, как он зарождался и чем он отличается от близкого ему литературного жанра – «басня».

Животный эпос – это цикл связанных между собой рассказов, персонажами которых выступают животные.

Возник животный эпос на основе еще древнего обоготворения животных. Первоначально сказания о животных передавались путем сказок, в которых описывались отличительные особенности того или иного животного (окрас, поведение, характер жизни). В дальнейшем сопоставление человеческого общества с миром животных привело к мысли о том, что картины из жизни животного царства можно использовать в назидательных целях. Так начались создаваться рассказы о жизни животных, или собственно, животный эпос.

В баснях, как известно, обычно главными героями выступают тоже животные, а через их поведение автор пытается провести некую идею, назидание, мораль. Таким образом, и в животном эпосе, и в баснях звери думают и ведут себя как люди. Но нельзя все же полностью отождествлять эти жанры. Басня использует образы животных, чтобы преподать читателю уроки морали. Животный эпос же своей главной целью ставит представление человеческого общества и недостатков людей в сатирической форме.

Истоки животного эпоса лежат в ранних народных сказаниях, но временем расцвета животного эпоса являются, несомненно, Средние века (немецкий, голландский, французский эпос, центральный персонаж которых – лис Ренар - хитрец и символ победоносного зла).

Основными источниками создания «Романа о Лисе» послужили народный фольклор, сказки о животных и греко-римская или «эзоповская» басенная традиция (например, басня Эзопа «Лев, Волк и Лисица» об излечении больного Льва с помощью содранной шкуры с волка, а также поэма монаха Ниварда из Гента – «Ysengrimus», написанная около 1150 г.).

Нередко случается, что популярный сюжет находит наиболее полное и совершенное выражение совсем не там и не тогда, где и когда возник. Так было и с рассказами о каверзах и проделках отчаянного смельчака, нахала и пройдохи Ренара-Лиса, известными (с вариациями) едва ли не во всех литературах мира. В конце блужданий этого сюжета мы находим знаменитую поэму Гёте «Рейнеке-Лис», написанную в 1793 г. А до нее — многочисленные обработки и переложения, принадлежащие перу как известных авторов, так и безымянных средневековых поэтов. Первая обширная обработка сюжетов о Лисе, их первое сведение в некое целое произошли на французской почве, где в последние десятилетия XII в. стали возникать одна за другой небольшие поэмы, повествующие о том или ином эпизоде и жизни Лиса [3; с. 3].

На протяжении XIII века к сюжетам о Лисе продолжали добавляться все новые ветви (от франц. «branches»). До 1205 г. было создано примерно двадцать таких сюжетов.

Всего лису Ренару и его приключениям посвящено более 100 000 строк. Ветви «Романа о Лисе» можно разделить на две главные группы: первая объединяет самые древние ветви, которые были созданы между 1174 и 1205 годами и которые носят, главным образом, развлекательный характер и более поздняя ветвь, созданная в XIII веке и строки которой обладают острой сатирической направленностью. Всего насчитывается 34 тысячи строк. В XIV веке

Жакмар Желе пишет продолжение романа - Renart le Nouvel («Новый Ренар»), а некий клерк из города Тура - Renart le Contrefait (50 000 строк). В конце XIV века поэт Эташ Дешан создает последнюю поэму о Лисе (3 000 строк).

Автором первой из поэм был Пьер де Сен-Клу, который около 1175 г. написал восьмисложным стихом историю о приключениях и проделках Лиса. Пьер де Сен-Клу, изобретательнейший рассказчик, в своем произведении не ставил серьезных сатирических задач. Его целью было веселить и развлекать своего читателя непримиримой враждой лиса Ренара и волка Изенгрина.

В центре романа находится фигура хитрого Лиса (Ренара), который осуществляет свои хитроумные проделки в окружающем его «царстве зверей» среди царя льва Нобля, волка Изенгрина, осла Бернара, кота Тибера, петуха Шантеклера, курочки Пестры, слизняка Гардифа (Медлива), медведя Бирюка и других.

«Роман о Лисе» - это образец животного эпоса, имеющий достаточно сложную природу. Роман имеет не только фольклорные, но и литературные источники, относится не только к народному, но и к книжному эпосу.

«Ветви» романа создавались примерно 20 авторами в свободной последовательности и были объединены в цикл лишь в середине XIII века. Отсюда исключительное разнообразие романа и его эмоциональной окраски. Порой в романе преобладает жанр и особенности фэблио, порой на первый план выходят сатирические или нравоучительные моменты, а порой можно наблюдать элементы магии и экзотики, которые были очень популярны в эпоху Средневековья.

Сам хитрец Ренар тоже очень непостоянен на протяжении всего цикла. То он принимает роль хитреца, то беззлобного шутника. Порой он воплощает в себе зло и коварство. Все это напрямую связано с настроениями и мировоззрением определенного автора.

Интересно и само имя хитреца – Ренар. Как оно образовалось и откуда пошло - это тоже вопрос обсуждаемый и до конца не решенный.

Слово Ренар (Renart) — человеческое имя германского происхождения. Первый элемент «Рен», по-видимому, восходит к общегерманскому корню *regin/gain* — «дождь», который был символом господнего благословения у древних германцев, хотя в некоторых интерпретациях этот же [корень](#) соотносят с латинским словом *rex – regis* - «король». Второй элемент «ар(т)» восходит к германскому *hart/hard* — «жесткий», «закалённый», «выносливый». Само имя в целом может означать как «закалённый непогодой», так и «непобедимый король». Со временем слово стало восприниматься как односложное имя, [орфография](#) которого изменилась со временем до нынешнего Renard. В средневековой [Англии](#) крестьяне долгое время называли главного героя «Рейнхардом» (Rain-hard) или «Рейнгардом» (Reinhard) — то есть «сильный советом», «умник», «пройдоха». Во Франции, в связи с исключительной популярностью Ренара, это имя постепенно вытеснило исконное [старофранцузское](#) слово «*goupil*» — «лиса» (с лат. *vulpe/vulpiculum*). Но следует отметить, что полная замена слова произошла лишь в XIX веке.

Интересно, что «общество» зверей в романе функционирует и существует по подобию общества людей. Лис Ренар и другие окружающие его звери принадлежат одновременно обоим обществам: и звериному, и людскому. Среди животных так же, как и среди людей, есть правитель - лев Нобль и его феодалы, которые точно так же, как и люди, скачут на конях, защищаются в суде, любят, обманывают, хитрят, строят замки, воспитывают детей. Животные, как и люди, знают

иностранные языки, ведут себя манерно и чопорно при дворе, стремятся к материальному благополучию, развивают общественные отношения.

В романе представлено государство, которое обладает теми же чертами и характеристиками, что и обычное человеческое общество. На первый взгляд оно спокойно и упорядочено. Но этот мир крайне хрупок. Спокойствие в нем периодически разрушается. И возмутителем этого спокойствия и безоблачности оказывается, конечно же, наш главный герой - лис Ренар.

Ренар - это аллегорическая фигура: он олицетворяет различные виды человеческого поведения. Порой Ренара самого обманывают более слабые, чем он, звери, но над сильнейшими наш хитрец всегда держит победу.

У каждого животного в романе есть свое имя: или собственное, как лис Ренар, волк Изенгрин, лисица Эрмелина, волчица Грызента, осел Бернар, барсук Гримбер и другие, или отражающее какую-либо отличительную черту данного животного, как, например, лев Нобль (с франц. «noble» - благородный), львица Фьер (с франц. «fière» - гордая), петух Шантеклер (с франц. «chantecler» - звонкоголосый), заяц Куар (с франц. «couard» - трусливый), бык Буйян (с франц. «bruyant» - шумный), баран Белен (с франц. «bêler» - блять), улитка (слизняк) Тардиф (Медлив)(с франц. «tardif» - медлительный) и другие.

Каждый персонаж романа занимает определенную социальную позицию. Во главе всего «государства» находится король - лев Нобль, который командует войском и вершит правосудие, его супруга Фьер; далее шествуют крупные феодалы короля - волк Изенгрин (коннетабль королевства), медведь Бирюк (королевский гонец), лис Ренар, олень Брехмер, (сенешаль королевства), осел Бернар (архиепископ); ниже феодалов в иерархической последовательности далее следуют - петух Шантеклер, кот Тибер, барсук Гримбер; в самом низу социальной иерархии расположены - улитка Тардиф (Медлив) (знаменосец королевской армии), заяц Куар (Трус), сверчок Фробрер и другие.

В самом Нобле легко узнать черты эпических владык - Карла Великого, Артура, Людовика VIII, а в Ренаре - короля Марка. Жена Нобля напоминает королеву Гениевру, страдающую от того, что ей приходится делить ложе со старым супругом; Ренар же, на манер куртуазных героев, любит свою жену Эрмелину «тонкой любовью». Ренар и Шантеклер видят вещие сны, подобные сну Карла Великого перед Ронсенвальской битвой, а перепалка медведя с быком и обезьяной пародийно воспроизводит спор Роланда с Ганелоном. Роман переполнен военными эпизодами, поединками, турнирами, осадами замков; в нем пародируются эпические формулы, эпические приемы перечисления и т. п. Во всех подобных случаях комический эффект достигается за счет постоянного колебания между человеческим миром и миром животных [1; с. 58].

Герои романа воплощают характерные социальные типы феодального общества, сохраняя при этом повадки зверей. Так, например, кот Тибер греется на солнце, играет хвостом, царапается, взъерошивается; ворон Тьеслин любит приглаживать клювом перья; лис Ренар, ложась спать, сворачивается в клубочек, а петух Шантеклер скребет землю когтями, спит, открыв один глаз и поджав лапу.

На протяжении всего романа читатель видит перед собой королевский двор, где звери - феодалы собираются в залах дворца, чтобы обсудить насущные

проблемы королевства (подготовку к войне, приговор осужденному, организацию празднеств). Интриги звериного царства ничуть не уступают интригам человеческим - лвица Фьер не любит своего супруга и испытывает интерес к Ренару (как Гениевра к Ланселоту), назначает ему свидания, дарит подарки, пишет письма Ренару и даже изменяет супругу.

В отличие от куртуазной литературы, которая идеализировала реальную картину мира, авторы «Романа о Лисе» показывают нам истинное «лицо» общества, в котором правят хитрость, лицемерие, жадность, обман, сила, подлость, эгоизм и страх слабого перед сильным.

Критике подвергается все: и женщины, не умеющие хранить верность, и невежественные крестьяне, убившие своих собак по наущению Лиса и позволившие ему опустошить свои курятники, и лев Нобль (Людовик VIII), который оказывается нередко деспотичен к своим бедным вассалам, и представители церкви, которые практически ничем не отличаются от крестьян (живут с любовницами, пахут землю, пасут скот, не знают латыни и не следуют заповедям), и монахи, которых обвиняют в лени и жадности, и сама исповедь (Ренар раскаивается притворно в своих грехах и сразу же после исповеди принимается за старое). Большинство зверей идут в паломничество не для очищения души, а для собственной выгоды (баран Белен отправляется в путь, так как его хозяин хочет сделать из его шкуры сапоги, осел Бернар устал таскать мешки с углем).

Поведение Ренара среди такой разношерстной публики - это объяснимая модель поведения человека, живущего в обществе, где сильный всегда прав. И именно в его проделках так ярко выражен дух общества, в котором он живет и в котором право кулака зачастую оказывается решающим, а слабый всегда должен трепетать перед сильным.

Образ Лиса крайне многогранен и разнообразен. Лис, сочиняющий письмо о гибели короля Нобля в походе и овладевший его супругой; Лис, своевольный феодал, осужденный в замке Малпертуи; Лис, привязавший хвосты спящих зверей к деревьям; голодный Лис, бродящий в поисках пищи; Лис, высмеивающий всех вплоть до могущественного короля, не боящийся никого и не подчиняющийся никому. Все эти уловки хитрец использует для того, чтобы выжить в своем королевстве, не быть не просто обманутым, но и оказываться всегда на высоте, безнаказанным и даже награжденным. В проделках Ренара обнаруживаются его смелость и находчивость. Он никогда не теряется и отыскивает выход из любой переделки. Если он и не всегда побеждает своих противников, то непременно выходит сухим из воды. При этом он обнаруживает глупость, жадность, завистливость других зверей.

Роман «...прямо отражает то реальное жизненное несоответствие, которое существовало между высокими идеалами феодального общества и его реальной практикой, поскольку обман, предательство, супружеская неверность и т. п. в жизни, конечно же, встречались намного чаще, чем абсолютная преданность, верность, честность, беззаветная любовь. Роман как бы напоминал королям, рыцарям и их дамам, священникам, монахам, сколь далеки они в действительности от тех норм, которые сами же прокламируют и воспевают. Таким образом, идеалы

феодалного общества служили непосредственным критерием для оценки реальной жизни и степень ее несоответствия этому критерию как раз и определяла сатирическую направленность романа. Вместе с тем, столь резко разоблачая несоответствие идеала и практики, сатира в романе не «ядовита», в ней нет желчи, горечи, негодования. В целом «Роман о Ренаре» - веселое произведение, и это потому, что его авторы отнюдь не спешат осудить и заклеить конкретную жизнь во имя высокого, но абстрактного и весьма трудно достижимого идеала. Напротив, они внимательно вслушиваются в эту жизнь и слышат в ней живую, плодотворную противоречивость, которая самим фактом своего существования преодолевает любое, тем более отвлеченное морализирование» [1; с. 59].

Порой в романе проходит идея нападок на духовенство, рыцарство, женщин, поведение вассалов. Но важно отметить, что в целом в «Романе о Лисе» критикуется не все священничество, а отдельные представители, которые не всегда сами следуют заповедям и изменяют своему священному долгу; не сам институт рыцарства, но отдельные отклонения от него; не все женщины, а лишь те, которые не умеют быть постоянными (жена Изенгрин Грызента), но в противовес ей нам показаны жена Шантеклера - курочка Пестра, которая на протяжении всего романа демонстрирует женскую гибкость и мудрость, а также жена самого Ренара - лисица Эрмелина, ведущая себя как любящая и заботливая супруга, всегда стоящая на защите своего мужа и защищающая его от любых нападков и опасностей.

Таким образом, «Роман о Лисе», в противовес произведениям куртуазной литературы, показывает нам реальную жизнь средневековой Франции без идеализирования, со всеми ее положительными и отрицательными чертами, во всем ее многообразии и сложности.

Библиографический список

1. Андреев Л.Г. История французской литературы. М.: Высшая школа, 1987. 539 с.
2. Казакова Е.В. Своеобразие антропоморфизма в средневековом «Романе о Лисе» и поэме Гете «Рейнеке - Лис» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 1(2). С. 122-126.
3. Роман о Лисе / Пер. со старофранцуз. А.Г. Наймана. Предисл. А.Д. Михайлова. М.: Наука, 1987. 160 с.

References

1. Andreev L.G. History of French Literature. M.: Higher School, 1987. 539 p.
2. Kazakova E. V. Peculiarities of anthropomorphism in the «Reynard cycle» and Goethe's «Reineke Fuchs» // Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N.I. Lobachevskogo. 2013. № 1(2). P. 122-126.
3. Roman de Renard/ Trans. from the old French by A.G. Naiman. Predisl. A.D. Mikhaylov. M.: Nauka, 1987. 160 C.

УДК 82-14

*Воронежский государственный
университет
Филологический факультет
Аспирант кафедры русской литературы
Токарева Н. В.
Россия, Воронеж, +7(473) 279-46-36*

*Voronezh State University
Philological department
The chair of Russian literature
Postgraduate student
Tokareva N. V.
Russia, Voronezh, +7(473) 279-46-36*

Н.В. Токарева

КАТЕГОРИЯ «МЕЧТЫ» В ЛИЦЕЙСКОЙ ЛИРИКЕ А. С. ПУШКИНА

Статья посвящена исследованию особенностей проявления категории «мечта» в ранней лирике А.С. Пушкина. Выявлены условия возникновения мечты, ее основные предметы. Особое внимание уделяется семантическому наполнению данного понятия. Следствием склонности лирического субъекта к мечтаниям оказывается исключительная – двойственная – роль мечты в лицейской лирике.

Ключевые слова: Пушкин, лицейская лирика, поэт, мечта, лень, сон.

N.V. Tokareva

«DREAM» AS A CATEGORY IN A.S. PUSHKIN' LYCEUM LYRICS

The article is devoted to the peculiarities of the display of “dream” as a category in A.S. Pushkin’s early lyrics. We discover the conditions under which the dream appears and its main subjects. Special attention is paid to the semantic of the given notion. A special, that is double, role of this category in Lyceum lyrics turns out to be the consequence of the lyrical subject’s inclination to daydreaming.

Key words: Pushkin, Lyceum lyrics, poet, dream, idleness, slumber.

В первые лицейские годы (1813-1815) Пушкин ориентировался на образцы «легкой поэзии», «анакреонтики», которая предписывала противопоставлять шумный город уединению, общению с музами, призывала наслаждаться легкими радостями жизни и вводила образ мудреца-эпикурейца. Так, Пушкин создает в стихах условный, часто далекий от своей реальной жизни образ лирического героя, нередко следуя поэтическому образцу Батюшкова. Основные лирические маски, которые использует юный поэт, - «отшельник» или «монах», уединившийся по собственному желанию в «келье» для размышлений или же рвущийся из «монастыря» на свободу к радостям бытия; беззаботный эпикуреец, погруженный в лень и предающийся бесконечным пирам; певец сладострастия, рисуящий в своем воображении пленительные картины любви. Все эти лирические роли объединены одной особенностью – склонностью героя к мечтаниям.

В лицейских стихах доминирует состояние лени, которая, по словам А. И. Иванецкого, «выступает фундаментальной формой блаженства поэта» и является «атрибутом свободы» [2; 333]. Лень свойственна не только лирическому герою Пушкина (в послании «Моему Аристарху» 1815 г. он «ленивец молодой»; «К Дельвигу» 1815 г.: «Еще хоть год один / Позволь мне полениться / И негой насладиться, - / Я, право, неги сын!») но также всем, кто близок ему: друзьям («Пирующие студенты» 1814 г. - о Дельвиге: «Проснись, ленивец сонный!», «К Галичу» 1815г.: «Тебя зову, мудрец ленивый»), наставникам в поэзии («К Батюшкову» 1814 г.: «Парнасский счастливый ленивец»).

Пушкин создает два противоположных мира: первый – беспокойный и суетливый, соотносится с Петербургом; второй наполнен весельем и блаженной ленью, связан с Лицеем или каким-то местом уединения (городок в одноименном стихотворении) и заключает в себе, в понимании поэта, идеал существования. Пушкинскому герою подходит только второй вариант окружения, так как здесь присутствует блаженная лень, которая, несмотря на внешнюю оболочку бездействия, является значительной движущей силой: она «выступает первоисточником поэзии» [2; 355]. Внутри перехода от лени к поэзии существует промежуточное звено – это мечта. Лень порождает мечтательное настроение, уносящее героя в области, недоступные наяву. Связь поэзии, мечты и лени показана в «Послании к Юдину» 1815 г.: мечты появляются, «когда в покое лень <..> Своею цепью чувства вяжет», и далее: «Меж тем как в келье молчаливой / Во плен отдался я мечтам, / Рукой беспечной и ленивой / Разбросив рифмы здесь и там, / Я слышу топот, слышу ржанье» [3; 113-115].

Проследим, при каких условиях рождается мечта. В одном из первых стихотворений «К сестре» (1814) поэт предстает в образе монаха: он в «мрачной келье», вокруг «молчанье, враг веселий, / И скука на часах!» [3; 42] Аналогичная тишина сопутствует «мечтанью легкокрылу», которое призывает Пушкин, в «Городке» (1815). Время возникновения мечты – как правило, ночь. В стихотворении «Мечтатель» крылатые образы окружают героя, когда «По небу крадется луна, / На холме тьма седеет», «И мирной неги уголок / Ночь сумраком одела» [3; 123]. «Уединенная луна» будит «грустные мечтанья» в стихотворении «Месяц» (1816). Обращает на себя внимание целый ряд произведений, где прямо говорится о связи сна и мечтаний – «Сон» (1816), «К Морфею» (1816), «Сновидение» (1817). Таким образом, создается линия связанных, переходящих друг в друга состояний и настроений: сон - фантазия - мечта. Фантазия, единственное, чем награжден монах, ткет крылатые мечты, уносящие героя послания «К сестре» «на невский брег» в атмосферу радости и веселья. Сон зачастую предшествует мечте, и более того, сновидение и мечта сливаются воедино и предстают как одно целое. Мечта и есть сон: она также затуманивает разум героя и временно отстраняет от реального мира.

Словарь Академии Российской (1789 - 1794 г.) подтверждает данные наблюдения. В нем фиксируется характерное для конца XVIII – начала XIX вв. пересечение понятий «мечта», «греза» и «сон»: «греза» – это «мечта, сон, видение сонное» [4; 234], одно из толкований «сна» - «грезы, сонное мечтание» [6; 329]. Необходимо также учитывать, что в эту эпоху «мечта» имела существенный негативный оттенок. Словарь Академии Российской определяет ее как «1) привидение, призрак; пустое, ложное, обманчивое видение, явление; 2) тщетная мысль, пустое воображение» [5; 55-56]. Для сравнения обратимся к Толковому словарю В. И. Даля, изданному уже в 1863 – 1866 гг., но составившемуся и при жизни А. С. Пушкина. В словаре приводятся следующие значения «мечты»: «всякая картина воображения и игра мысли; пустая, несбыточная выдумка; призрак, видение» [1; 324]. Как отметил А. А. Фаустов, «в "архаическом" словоупотреблении» «мечта» оказывается чаще всего именно синонимом выдумки, обмана [9; 85].

В качестве основных предметов лицейской мечты Пушкина можно выделить любовь, поэтический успех и подвиг на войне. Наиболее ранними по возникновению в поэзии Пушкина являются любовные мечтания, которые являются источником наслаждения. Поэт обращается к живописцу с просьбой представить «мечту любви стыдливой»: «Небрежной кистью наслажденья / Мне друга сердца напиши» («К живописцу», 1815) [3; 174]. Или просит саму мечту показать образ любимой: «Мечта! в волшебной сени / Мне милую яви...» («Городок», 1815) [3; 103] Возлюбленная поэта не

имеет конкретных черт; этот идеальный образ с «улыбкой радости небесной», тонким станом, «трепетной грудью» по сути своей бесплотен.

С самых ранних стихотворений проявляется неотъемлемая черта мечты: она обманчива и скоротечна. Обольстив героя приятными картинками, мечта-сон тут же исчезает: «И где ж она? Восторгами родилась, / И в тот же миг восторгом истребилась. / Проснулся я; ищу на небе день, / Но все молчит; луна во тьме сокрылась..» [3; 189]

Уже с 1815 г. в лирике Пушкина в связи с появлением элегических настроений возникает мотив несчастной любви, который в 1816-1817 гг. становится доминирующим. В ситуации несчастной любви мечта либо усыпляет измученное сердце героя и дарует временный покой («К Морфею» 1816), либо, сливаясь в своем значении с воспоминанием, разжигает страдания («Месяц» 1816). В стихотворении «Желание» (1816) мечта-воспоминание одновременно и мучает, и утешает «в горестях несчастливой любви» героя.

Возможна ситуация, когда герой несчастен, потому что в его жизни все еще не было любви, а уже «в неволе скучной увядает / Едва развитый жизни цвет, / Украдкой младость отлетает» («Наслаждение», 1816) [3; 222]. Мечта-призрак обманывает его, но герой не перестает надеяться и мечтает о счастье и наслаждении, которые дарует любовь.

Как можно заметить, Пушкин-лицеист в 1816-1817 гг. с верностью следовал принципам элегии и кругу ее тем (разлука с возлюбленной, скорбь об утраченной радости, мрачное уединение), поэтому в произведениях вполне логично появляется смерть («Желание», «Пробуждение», «Письмо к Лиде», «Стансы»). Зная о скоротечности мечты, лирический субъект предвидит, что любовное наслаждение в грезах вскоре закончится. Он не желает расставаться со своими мечтами и в отчаянии видит смерть как способ навсегда остаться в сладостном плену фантазий. В стихотворении «Пробуждение» (1816) он, очнувшись в одиночестве «во тьме глубокой», просит любовь: «Пошли мне вновь / Свои виденья, / И поутру, / Вновь упоенный, / Пускай умру / Непробужденный» [3; 234].

Успех в поэтическом творчестве, высокое художественное предназначение – не менее важный предмет мечтаний и стремлений юного Пушкина. В первые лицейские годы мечта о поэтическом творчестве и признании носит иронически двойственный характер. В «Городке» Пушкин восторгается счастьем того, «Кто лиру в дар от Феба / Во цвете дней возьмет! / <..> Превыше смертных станет, / И слава громко грянет..» и предается несмелым мечтам: «Как знать, и мне, быть может, / Печать свою наложит / Небесный Аполлон / ... Бестрепетным полетом / Взлечу на Геликон. / Не весь я предан тленью; / С моей, быть может, тенью / ... Мой правнук просвещенный / Беседовать придет...» [3; 102] А в послании «К Жуковскому» (1816) он уже твердо заявляет: «Опасною тропой с надеждой полетел, / Мне жребий вынул Феб, и лира мой удел» [3; 194].

Изначальное увлечение тихими радостями жизни не подразумевает появления героической темы в лирике Пушкина-лицеиста. Так, в послании на именины «Князю А. М. Горчакову» 1814 г. лирический субъект размышляет: «Не пожелать ли, чтобы славой / Ты увлечен был в бой кровавый, / Чтоб в лаврах и венцах сиял, / ... Не сладострастия поэт / Такою песенкой поздравит, / Он лучше муз навек оставит!» [3; 51]

В стихотворении «Мечтатель» он также отказывается от воспевания сражений и тем более от участия в войне: «Пускай, ударя в звучный щит / И с видом дерзновенным, / Мне Слава издали грозит / Перстом окровавленным, / ... Нейду, нейду за Славой» [3;

124]. Мечтателя не пробуждает «бранных труб ужасный глас». Грезам о военном подвиге, героической славе нет места в царстве сна и лени, среди тишины.

Но в то же время, отрицая героическую тему, Пушкин, однако, создает «Воспоминания в Царском Селе», «Александрю», «Наполеон на Эльбе», посвященные недавним военным событиям. Охваченный волнением за судьбу страны, в послании «Александрю» 1815 г. Пушкин снимает здесь маску мечтателя-ленивца и отдается мечтам о подвиге на «бранном доле».

В «Послании к Юдину» 1815 г. лирический субъект, описывая свои «мечты, желанья, цели», включает в их число и грезы о сражении: «Среди воинственной долины / Ношусь на крыльях я мечты, / ... Трепещет бранью грудь моя / При блеске бранного булата, / Огнем пылает взор, - и я / Лечу на гибель супостата» [3; 170]. Мечта здесь - и желание, и поэтическая фантазия. Но важно отметить, что мечтание о подвиге расходится с мечтой о славе героя. Лирический субъект критично относится к почестям света. Как и в случае с мечтой о творческой реализации, для него большее значение и ценность имеют собственные действия, а не реакция общества и его восприятие.

В стихотворении «Сон» 1816 г. Пушкин вновь возвращается к образу эпикурейца, которому чужды мечты о подвигах, а в элегии «Наездники» того же года он уже воспеваает воина-поэта и в следующем году создает произведение, где восторгается картинами боя и военной жизнью, - послание «В. Л. Пушкину». В целом, демонстративное отрицание военной тематики в ранних стихах является лишь следствием, вытекающим из образа мечтателя-эпикурейца, и в реальности часто не соответствует истинному положению вещей.

В заключение кратко обрисуем портрет мечтателя, представленного в лицейской лирике. Это юный поэт, который «в забвении глубоком», «в сладки думы погружен / На ложе одиноком», «исполнен тайною тоской, молчаньем вдохновенный» [3; 123-124]. Он вдвойне отделен от общества: отшельническим образом жизни и всецелой погруженностью в свое воображение. Свет (в значении «общество») опасен для мечтателя и может вызывать страх, так как ограничивает его внутреннюю свободу и препятствует сладостному пребыванию в объятиях мечты [7; 152].

В «Послании к Юдину» 1815 г. Пушкин пишет: «Питомец муз и вдохновенья, / Стремясь фантазии вослед, / Находит в сердце наслажденья / И на пути грозящих бед» [3; 173], тем самым указывая на исключительную роль мечты в жизни поэта: «бедного поэта в его обделенности мечта вознаграждает и возносит над существенностью, даже увенчивает» [9; 94]. Юный Пушкин дерзко заявляет: «В мечтах все радости земные! / Судьбы всемогщее поэт» [3; 173]. Но возникает проблема: так как всемогущество поэта-мечтателя основано на мечте, то оно существует до тех пор, пока не рассеются грезы, - после лирический субъект оказывается в пустоте, охваченный тоской. По этой причине в стихотворении «Мечтатель» он желает, чтобы муза и мечта были с ним до самой смерти: «Гоните мрачную печаль, / Пленяйте ум... обманом / И милой жизни светлу даль / Кажите за туманом!» [3; 125]

Таким образом, лицейскую лирику Пушкина можно назвать мечтательной, так как именно «мечта» определяет характер поэта и круг изображаемых предметов. Пушкинские поэтические мечтания и грезы рождаются из лени, которая является основополагающим состоянием лирического субъекта в лицейской поэзии и наполняет все окружающее его пространство.

Библиографический список

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В.И. Даль. М.: Русский язык, 1989. Т. 2. 780 с.

2. Иваницкий А.И. Универсалии поэзии как жизненная программа (на материале пушкинской лирики 1813-1824 гг.) / А.И. Иваницкий // Универсалии русской литературы. Воронежский государственный университет. Воронеж: Изд. дом Алейниковых, 2009. С. 328-368.

3. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 16 т. / А. С. Пушкин. М.– Л.: Изд-во АН СССР, 1937-1959. Т.1. Лицейские стихотворения. 531 с.

4. Словарь Академии Российской: в 6 ч. СПб.: Императорская Академия Наук, 1790. Ч. 2. 664 с. URL: <http://www.runivers.ru/lib/book3173/10108/> (дата обращения: 28.08.2014).

5. Словарь Академии Российской: в 6 ч. СПб.: Императорская Академия Наук, 1793. Ч. 4. 639 с. URL: <http://www.runivers.ru/lib/book3173/10110/> (дата обращения: 28.08.2014).

6. Словарь Академии Российской: в 6 ч. СПб.: Императорская Академия Наук, 1794. Ч. 5. 602 с. URL: <http://www.runivers.ru/lib/book3173/10111/> (дата обращения: 28.08.2014).

7. Сулемина О.В. «Страшное» и субъектная организация лицейской лирики Пушкина / О.В. Сулемина // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. «Русская филология». М.: Издательство Московского государственного областного университета, 2011. № 4. С. 149-154.

8. Томашевский Б.В. Пушкин. Книга первая / Б.В. Томашевский. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 744 с.

9. Фаустов А.А., Савинков С.В. Очерки по характерологии русской литературы: середина XIX века / А.А. Фаустов, С.В. Савинков С.В. Воронеж: Издательство Воронежского педагогического университета, 1998. 156 с.

References

1. Dal V.I. Explanatory vocabulary of live Great-Russian language: in 4 vol. M.: 1989. Vol. 2. 780 p.

2. Ivanitsky A.I. Poetry universals as life program (based on Pushkin's lyrics of 1813-1824) // Universals of Russian literature. Voronezh, Voronezh State University, 2009. P. 328-368.

3. Pushkin A.S. Completed works: in 16 vol. M.–L.: 1937-1959. Vol. 1. Lyceum lyrics. 531 p.

4. Vocabulary of Russian Academy: in 6 vol. SPb.: Royal Academy of Sciences, 1790. Vol. 2. 664 p. URL: <http://www.runivers.ru/lib/book3173/10108/>

5. Vocabulary of Russian Academy: in 6 vol. SPb.: Royal Academy of Sciences, 1793. Vol. 4. 639 p. URL: <http://www.runivers.ru/lib/book3173/10110/>

6. Vocabulary of Russian Academy: in 6 vol. SPb.: Royal Academy of Sciences, 1794. Vol. 5. 602 p. URL: <http://www.runivers.ru/lib/book3173/10111/>

7. Sulemina O.V. «The frightful» and subjective structure of Pushkin's lyrics // Herald of Moscow State Regional University. «Russian philology». M.: 2011. Vol. 4. P. 149-154.

8. Tomashevsky B.V. Pushkin. The first book. M.-L.: 1956. 744 p.

9. Faustov A.A., Savinkov S.V. Sketches on character studies of Russian literature: the middle of the 19th cent. Voronezh, 1998. 156 p.

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ CROSS-CULTURAL COMMUNICATION

УДК 811.111

*Самарская государственная
социально-гуманитарная академия
канд. филол. наук, доц.
кафедры иностранных языков
Сухомлина Т.А.
Россия, г. Самара, т. 89376464202;
e-mail: tanya-sukhomlina@yandex.ru*

*Samara State Academy of Social Sciences
and Humanities
The chair Foreign Languages, associate
professor
Sukhomlina T.A.
Russia, Samara, tel. 89376464202;
e-mail: tanya-sukhomlina@yandex.ru*

Т.А. Сухомлина

СЕМАНТИКА ФОРМЫ FUTURE В ИСТОРИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Настоящая статья рассматривает основные средства выражения будущего времени древнеанглийского периода. Будущее является составной частью понятия времени, так как наряду с настоящим и прошедшим, образует концепт время. Статья описывает способы выражения будущего времени в тексте, а также его специфические особенности.

Ключевые слова: будущее; предсказание; желание; модальное значение; маркер будущего.

T.A. Sukhomlina

SEMANTICS OF FUTURE TENSE IN THE HISTORY OF ENGLISH LANGUAGE

The paper deals with the research of Future Tense in Old English. Future manifests itself at different levels in the hierarchy of Time organization. The research highlights the significance of future actions in the textual organization as well as its meaning of unreality.

Keywords: future; prediction; volition; modal value; the marker of future.

Проблема грамматизации конструкций выражения будущего времени в истории английского языка представляет огромный интерес для исследования не только как источник сведений о жизни англосаксонского мира, но и как памятник письменности, отражающий определенный этап в развитии литературного английского языка.

Задачей написания нашей статьи является выявление основных средств грамматизации будущего времени и раскрытия значений, свойственных футуральности древнеанглийского периода ее истории. Оценивая степень парадигматизации футуральных конструкций, необходимо отметить близость категории будущего времени с модальностью. Именно на базе модальных инфинитивных сочетаний и близости будущего с модальностью, возникло развитие аналитических форм футуральности в древнеанглийском языке. Грамматизация модальных сочетаний означает их превращение из свободных (с синтаксической связью между компонентами) в сочетания служебного слова со знаменательным словом, совместно функционирующие в предложении в качестве единой грамматической формы.

Близость категории будущего времени и модальности не вызывает сомнений. Если бы такой близости не существовало, невозможно было бы развитие аналитических форм будущего на базе модальных инфинитивных сочетаний. Древние германские языки передавали модальными средствами все те значения, которые в современных языках передаются будущим временем. Это значения намерения или планируемого действия, и предсказания или прогноз. Утверждения, относящиеся к будущему, выражаются в английском языке формами настоящего времени, а не будущего, то есть употребление форм настоящего для обозначения действия, которое произойдет в силу договоренности, соглашения или планов. Например,

The train arrives at 8. We are leaving tomorrow.

Или в придаточных предложениях, вводимых союзами *when*, *if*, в которых истинность утверждений, относящихся к будущему, определяется союзами. Основанием для предсказаний служит то, что говорящий предполагает то, чему верит, на что надеется. Мы полагаем, что инвариантным содержанием форм будущего времени следует признать не следование за моментом речи, а предсказание, мотивированное внешними или внутренними факторами: желанием говорящего, долгом, а также обстоятельствами или признаками наступающего действия.

Большая часть модальных глаголов в современных германских языках восходит к претерито-презентным глаголам, составлявшим ограниченную лексико-грамматическую группу в древних языках. В древнеанглийском языке было двенадцать претерито-презентных глаголов. У этой группы глаголов презенс имел форму претерита сильных глаголов, а претерит был вторичного образования. Модальными, то есть оценочными значениями обладали четыре глагола: *cunpan* – мочь, *culan* – быть должным, *maȝan* – мочь, *mot/moste* – могу/мог (инфинитива не имел). Позднее к группе претерито-презентных глаголов примкнул глагол *willan* – хотеть, желать. Шесть глаголов немодальной семантики вышли из употребления к ранненовоанглийскому периоду. Глагол *dar*, *durren* примкнул к стандартным глаголам. Глагол «обладать» дал начало двум стандартным глаголам немодальной семантики, а форма его претерита *ought* (из *ahte*) приобрела значение «должен», «следует» и стала употребляться в этой единственной форме в контекстах настоящего времени. Все сохранившиеся модальные глаголы грамматизовались, хотя в разной степени. В процессе грамматизации они утратили изначально присущие им вещественные, конкретные значения. *Can* восходит к «я знаю», *shall* к «я имею долг, должен», *may* к «я могу, имею силу». Эти модальные глаголы в дальнейшем развили более широкие и общие модальные значения. *Can* и *will* могли употребляться как самостоятельные полнозначные глаголы еще в 1600г. В общем, после 1570г. в английском языке остались только те претерито-презентные глаголы, которые смогли иметь какую-нибудь грамматическую силу. Исторические формы претерита модальных глаголов оказались намного устойчивее форм настоящего времени. Отделившись в разные периоды истории английского языка от соответствующих форм настоящего, многие из них стали самостоятельными глаголами, в дальнейшем развив особые модальные значения.

Только при сдвиге времен они могут рассматриваться как формы настоящего и прошедшего одних и тех же глаголов. Во всех остальных случаях их целесообразно считать самостоятельными глаголами. Незаменяемость форм модальных глаголов, делексикализация и специализация на выражении определенного модального значения в определенных речевых ситуациях позволяют рассматривать их как модальные частицы, которые утратили историческую связь с флективной парадигмой глагола. Такое развитие модальных глаголов представляет собой уникальную черту эволюции английского языка.

Грамматизация глаголов *sculan* и *willan* начинается еще в дописьменную эпоху. *Sculan* имел не только значение долга. Например, «*cyning sceal rice healdan*» - «король должен править страной», но и более абстрактные значения. Например, необходимость: «*and ealle þa hwile he sceale sezlian be lande*» - «и все это время он должен плыть вдоль берега», а также пророчество, предсказание, по модальности максимально близкое к будущему: «*Feallan sculon hæ ðne æt hilde*» - «поганым суждено погибнуть в битве» [2; с.28]. Поскольку анализ языка древнего периода представляет определенные трудности из-за небольшого количества письменных источников, нами были рассмотрены все доступные литературные источники и словари древнеанглийского языка для получения фактического материала методом сплошной выборки.

В этот период начался процесс вытеснения синтетических форм новыми аналитическими средствами, которые возникали в соответствии с общими тенденциями развития глагольной системы английского языка. Сочетание *wolde* с инфинитивом получило свое развитие из формы модального глагола *willan* плюс инфинитив. При общей тенденции к развитию аналитических средств выражения грамматических категорий, модальный глагол *willan* в сочетании с инфинитивом других глаголов нередко ослаблял свое значение и постепенно превращался во вспомогательный глагол зарождающихся аналитических форм. Он широко выступал для выражения будущего и для передачи относительного будущего действия. Однако в связи с тем, что значение относительного будущего выявлялось преимущественно в зависимых условиях, то и трансформация этого сочетания произошла под влиянием этих условий. Глагол *willan* в сочетании с инфинитивом, попадая в сложноподчиненное предложение с придаточным дополнительным, где находилось сослагательное наклонение и законы согласования времен, приобретал форму прошедшего времени сослагательного наклонения. В результате возникло и далее закрепилось в языке сочетание *wolde* с инфинитивом для выражения относительного будущего действия:

Mæcedonium cuð þæt Eunem and Pison ...wolden winnan on hie ... [Orosius]

Македоняне узнали, что Иумен и Пизон собираются пойти на них войной...

Однако при использовании модальных глаголов «желания» как вспомогательных глаголов будущего времени имеется возможность совпадения модального содержания контекста с первоначальным значением этих глаголов; значение желания переходит в значение готовности это сделать.

Глагол *willan*, кроме значения желания и намерения: «*Ond to ælcum biscepstöle on minum rice wille ane onsendan*» - «и в каждое епископство в моем королевстве пошлю одну (книгу)»(Gospel), выражал в древнеанглийском также

готовность выполнить действие, обещание, близкое к значению будущего времени: «*Hie willaþ ðow to gafole gāras sellan*» - «Они дадут тебе только копья в качестве дани» [Gospel].

В тех случаях, когда модальное содержание контекста не совпадает с лексическим значением глагола *willan* или полностью противоречит ему, это уже становится свидетельством начавшегося еще в древнеанглийский период процесса десемантизации глагола *willan* в сочетании *wolde* с инфинитивом:

þa com se dæg azimorūm on þam hi woldon hyra eastron gewyrcan ... [Gospel]

Настал тот день, в который надлежало (он должен был) заколоть пасхального агница...

þa stod se manfulla feorran and nolde (= ne wolde) furðun his eagan ahebban up [Gospel]

Мытарь (носитель зла, сборщик подати) же стоял вдали и не смел поднять глаз на него

Однако значения долженствования и желания близки не только будущему времени, но и сослагательному наклонению. Так как значение обусловленной нереальности выражалось в языке формами прошедшего времени сослагательного наклонения, то, в результате влияния тенденции к развитию в языке аналитических средств выражения, это сочетание с модальным глаголом *willan* в форме прошедшего времени взяло на себя выражение близкой ему по значению функции обусловленной нереальности (маловероятности):

... gif se hiredes ealdor wiste hwænne se þeof cuman wolde, witodlice he wacude and ne geþafude þæt man his hus underdulfe [Gospel]

... если бы ведал хозяин дома, когда придет вор, то он бы бодрствовал и не дал бы подкопать свой дом.

Таким образом, сочетание «*wolde* с инфинитивом» в древнеанглийском языке могло выражать как значение будущего времени, так и значение обусловленной нереальности (маловероятности). Надо добавить, что форма «*wolde*» уже в это время часто выступала в языке как частично или полностью десемантизированная, что впоследствии привело к полной потере лексического значения и перехода формы «*wolde*» («*would*») в разряд вспомогательных в современном английском языке.

Анализ глаголов *shall* и *will* позволяет выявить тенденцию употребления этих глаголов в футуральном значении в зависимости от произвольного или непроизвольного характера действия. Сочетания с *will* обозначают действия, осуществление которых зависит от воли говорящего. Сочетания с *shall* обозначают действия, осуществление которых в будущем представляется на основании объективных факторов, на которые говорящий не может повлиять. Это могут быть какие-либо обстоятельства, судьба или воля других людей. Например,

To-day I wile fro Denmark fle.

Myn harm I wol confesse.

Syn (since) I shal bigynne the game...

Here I wile on boke swere, at nevre more ne shal I bere ayen e, loverd, sheld ne spere. [Havelock the Dane]

Такое употребление закрепилось в языке Шекспира и сохранилось до наших дней. Хотя только в британском стандарте английского языка.

В 14-17 вв. сочетания с *shall* становятся основной моделью будущего и сослагательного наклонения, однако в последствии (с 16-17 вв.) их вытесняет

конструкция с *will*. Подобное освещение этих процессов содержится в работе Т.А. Расторгуевой [1; с.131]. По данным К.Бруннера, в среднеанглийском в значении будущего использовались также *mot* и *mun* [4; р.88], а в языке Шекспира, как считает Е.Эбботт, *must* имел значения просто будущего [3; р.222]. Тип сохранился как вариант *vust* в целом ряде диалектов Англии. В диалектах Йоркшира первый глагол выражает необходимость, связанную с чьей-то волей, а второй - логическую или естественную необходимость.

Сочетания с *will* обозначают действия, осуществление которых зависит от воли говорящего, сочетания с *shall* - действия, осуществление которых в будущем предсказывается на основании объективных фактов, на которые говорящий не может повлиять (обстоятельства, воля других людей, судьба и т.п.). Такое употребление закрепилось в языке Шекспира и сохранилось до наших дней, правда, только в британском стандарте английского языка. Известно, что в 18 в. грамматисты нормативного направления объявили форму с *shall* более правильной в первом лице, чем форму с *will*. Однако и правило употребления только *shall* с первым лицом, и правило, основанное на различии произвольного и непроизвольного характера действия, игнорируется в современном английском языке. Тенденция к стандартизации средств выражения будущего неуклонно снижает частотность употребления *shall* как маркера будущего в пользу *will* и его редуцированного варианта 'II.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что для всех германских языков характерны общие тенденции развития аналитических форм будущего времени, то есть использование сочетаний с глаголами волеизъявления и долженствования, семантика которых наиболее близка к модальному значению будущего. Для английского языка характерна предельная грамматизация группы модальных глаголов, превратившихся в модально-предикативные частицы, и тенденция к использованию глагола *will* во всех его вариантах в качестве маркера будущего времени.

Библиографический список

1. Расторгуева Т.А. Варьирование и исторические изменения морфологической системы языка. М., 1980. С.131.
2. Сухомлина Т.А. Категория футуральности и средства ее языковой манифестации: дис. ...канд. филол. наук. Самара, 2007. 173 с.
3. Abbott A. *Shakespearean Grammar*. London, 1979. P. 222.
4. Brunner K. *An Outline of Middle English Grammar*. Cambridge, 1963. P. 88.

References

1. Rastorgueva T.A. *Variation and historical changes in the morphological system of the language*. M., 1980. P.131.
2. Sukhomlina T.A. *The category of future and the means of its linguistic manifestation: the thesis on philologie*. Samara, 2007. 173 p.
3. Abbott A. *Shakespearean Grammar*. London, 1979. P. 222.
4. Brunner K. *An Outline of Middle English Grammar*. Cambridge, 1963. P. 88.

УДК 801.7

*Самарская академия государственного и
муниципального управления*

Доц. кафедры иностранных языков

Плотницкий Ю.Е.

Россия, г. Самара, тел. 8-927-2044800

e-mail: yuriplo@mail.ru

*Samara academy of state and municipal
management*

*Assistant professor of Foreign Language
Chair*

Plotnitsky Y.E.

Russia, Samara, tel. 8-927-2044800

e-mail: yuriplo@mail.ru

Ю.Е. Плотницкий

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ТЕКСТОВ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ГОТИЧЕСКОГО РОКА

В статье анализируются характеристики текстов готического рока и их место в системе готических текстов в целом.

Ключевые слова: лингвистика текста, песенная лирика, готическая культура.

Y.E. Plotnitsky

TYOLOGICAL CHARACTERISTICS OF GOTH SONG LYRICS

The paper analyses typical features of goth rock song lyrics and their place within the system of gothic culture texts.

Key words: text linguistics, song lyrics, gothic culture.

Стимулом к написанию данной работы и проведению исследования стало осознание того факта, что, при огромной популярности готической тематики в современном массовом искусстве (прежде всего, в литературе и кинематографе) и наличии достаточно большого числа исследований этих произведений, тексты готической рок-поэзии не могут пожаловаться на избыточный интерес со стороны исследователей, оставаясь на периферии внимания учёных, занимающихся текстами готического направления.

Цель исследования состоит в том, чтобы определить языковые характеристики текстов готического рока, а также выяснить, как они коррелируют с теми чертами, которые считаются типичными для текстов готической литературы и кинематографа. Предполагается также остановиться на том, что понимается современными исследователями под термином «готический». Исследование проводилось на материале англоязычных песенных текстов как групп, стоящих у истоков этого направления (The Sisters of Mercy, The Cure, The Mission UK, Souxsie and the Banshees, Bauhaus, Inkubbus Sukkubus), так и молодого поколения исполнителей гот-рока (Flowing tears, Gary Newman, Tiamat, Paradise Lost, Virgin Black, Draconian, Lake of Tears, Katatonia). Нами проанализировано порядка 150 текстов.

Прежде всего, необходимо уточнить, что понимается массовой аудиторией и различными специалистами под термином «готический». В самом первом приближении ответ, очевидно, будет «нечто мрачное, имеющее средневековый колорит». Исходя из этого, в «готические» сразу попадают все фильмы и книги, где речь идёт о призраках, зомби, вампирах, конце света, кознях дьявола и так далее. При таком широком подходе готические элементы можно найти даже у

Шекспира. Если оставаться на этой позиции, как это делают многие англоязычные исследователи, то можно абстрагироваться от традиционного разделения на жанры и течения и сосредоточить усилия только на анализе готических черт и свойств того или иного текста. Таким образом, мы имеем полное основание для того, чтобы анализировать готические черты современных песенных текстов, авторы которых относят себя к гот-року.

Данное направление возникло в британской рок-музыке в конце 70х- начале 80х годов и по сей день существует и имеет массу поклонников, прежде всего, среди представителей маргинального молодежного течения «готов». Представители этого течения увлечены всем, что имеет мрачный и мистический характер и так или иначе связано со смертью. Современные готы считают своим нормальным состоянием депрессию и меланхолию, одеваются в чёрное, эмоционально уязвимы, любят всё загадочное и не любят обычных людей. Важно также отметить, что готы достаточно саркастично относятся к религии. Собственно говоря, готический рок и призван отражать все эти особенности их мировоззрения. Насколько это справедливо, мы увидим далее.

Современная готика, представленная в произведениях массовой культуры или мировоззрении представителей готической молодёжной субкультуры, имеет своим источником восприятие реальности людьми готической эпохи, то есть средневековья. А.Ф. Лосев, характеризуя готический стиль, отмечал такие черты средневекового мировосприятия, как аффективность, «выразительный и вполне мистический опыт христианского откровения», стремление «превратить всё материальное в духовную невесомость» [5; с. 530]. О.Шпенглер так характеризует причудливое восприятие мира средневековым человеком: «...в то время как она (Дева Мария - Ю.Плотницкий) царит в небесах...на заднем плане лежит другой мир – мир дьявола. Каждый человек знал, что мир полон воинствами ангелов и чертей» [7; с. 299]. Шпенглер отмечал, что то, что мы воспринимаем как миф, для средневекового человека было абсолютно очевидно. Но если средневековому человеку предписывалось церковью сторониться любых соблазнов и происков дьявола, то современная массовая аудитория испытывает горячий интерес ко всему мистическому, потустороннему и в той или иной форме связанному со смертью. Объяснение этому феномену дал Э. Бёрк, отмечавший в своей работе «Философское исследование о происхождении наших идей возвышенного и прекрасного», что отрицательное провоцирует более сильные эмоции, чем положительное [1, с. 88]. Это помогает понять популярность готики у современной аудитории, живущей в комфорте и не стоящей перед необходимостью подвергать свою жизнь и здоровье опасности так, как это было, к примеру, в средневековье с его эпидемиями чумы, Инквизицией и Крестовыми походами. У. Эко, характеризуя восприятие мира средневековым человеком, отмечает, что реальность виделась человеком готической эпохи «как своего рода система знаков, с помощью которых Творец сообщает нам об упорядоченности этого мира, о сверхъестественных ценностях, о том, что надо делать, дабы найти в этом мире верный путь и обрести небесную награду» [8; с.74]. Такое символическое восприятие реальности вполне понятно для человека той эпохи, когда мировоззрение не могло не носить религиозного характера. Вполне логично, таким образом, что и искусство той эпохи было иносказательным и символическим. Мы можем высказать гипотезу о том, что и в современном готическом жанре все сверхъестественные феномены создаются авторами и воспринимаются массовой аудиторией как символы или метафоры. Например, вампир, одна из самых популярных фигур в современном

массовом искусстве, есть метафора чужого, кого-то, кто не вписывается в рамки традиционных представлений данного социума.

В наше время религия не может похвастаться таким влиянием на мировоззрение человека, однако готика не утрачивает своей популярности в массовом искусстве и в массовом сознании. В плане прояснения причин такой популярности готики в наши дни следует привести также мнение Г. Заломкиной, которая в своей работе «Готический миф» подчёркивает, что воздействие готики сильнее, чем воздействие текста другого типа «из-за близости готики мифу, то есть базовым механизмам концепирования действительности вообще, и к дремлющим в сознании человека первобытным мифологическим мотивам в частности»[3; с. 66]. Речь здесь, очевидно, идёт о глубинных архетипических структурах сознания. Интересным также представляется подход Ю.В. Рыжова, который считает, что современное массовое искусство по сути берёт на себя часть функций, ранее выполняемых религией[6; с. 195]. Е.В. Касьянова, исследовательница рок - культуры из Санкт-Петербурга, указывает на то, что «рок-н-ролл, возрождающий к жизни дионисийские культы, высвобождающий массовую энергию, апеллирующий к коллективному бессознательному, стал выступать в качестве «новой религии»...»[4; с. 52]. Данный фактор также влияет на значимость готической культуры вообще и готического рока в частности.

Поскольку объектом нашего исследования является песенная лирика, следует, видимо, ожидать того, что этот материал должен обладать своей спецификой, отличной, скажем, от романа или фильма. Анализируя английскую Кладбищенскую поэзию (Graveyard Poetry), которую можно считать одной из предшественниц современной готики, В.Э. Вацуро обращает внимание на то, что в лирике вряд ли стоит ждать страшного в той же степени, что в романе в силу её жанровых особенностей. Для этого жанра более свойственно настроение меланхолии[2; с. 59]. Другими предшественниками современной готики следует считать классический английский готический роман (Уолпол, Рэдклиф, Льюис и др), романтизм (Э. По) и более поздние произведения Б. Стокера, Г. Лавкрафта, Р.Стивенсона, Г. Майринка и других. Г. Заломкина в своей обстоятельной работе [Заломкина, цит.соч.] даёт подробный обзор развития готической традиции в литературе и приводит ряд тематических характеристик, свойственных главным образом готической прозе. Вполне предсказуемо к этим признакам относятся смерть или болезнь, призраки или тени и прочие проявления потустороннего мира, проницаемость границы между этим миром и некой параллельной реальностью, не обязательно загробным миром; сновидения, в том числе пророческие; тьма, ночь и вызванные ими страх и ужас; роковая страсть и связанные с нею ревность или месть; атмосфера некой тайны, неясность и дезориентация; проклятие или некие негативные обстоятельства из прошлого, вызывающие чувство стыда или раскаяния; галлюцинации, бред, кошмары и им подобные изменённые состояния сознания. Перечисленные признаки способствуют созданию мрачной «готической» атмосферы, хотя мы должны помнить, что в песне не меньшую роль в создании атмосферы играет мелодический компонент.

Исследованный материал разделён нами на группы в соответствии с тем, в какой степени в этих текстах представлена «готичность». Прежде всего, нами отмечено, что ряд текстов является нейтральным по этому признаку, что, очевидно, означает, что создание готической атмосферы либо не подразумевалось автором, либо это функция целиком обеспечивается мелодическим компонентом.

Например, в песне Гари Ньюэна «Lost», пусть речь и идёт о прошлом, это всего лишь воспоминания об ушедшей любви, не несущие готического оттенка:

So are we over? Is this our end of days?
Are we so broken that you can walk away?
But when you think back to when we first met, are you sad?
And when you think back to all we've been through, does it make you cry?
And when you think back to all the love shared, do you feel anything?
And when you think back well did you ever think we'd come to this?
And yet here we are and I'm lost...

Очевидно, что данный текст мог быть использован даже в популярной песне с его темой разрыва любовных отношений и печали, вызванной этим. Нами выделена группа из 19 текстов такого типа (около 12% от общего числа), и мы не будем далее к ним возвращаться, поскольку они не представляют интереса в рамках данного исследования.

Тексты второй группы, не имея явных признаков готичности, тем не менее имеют определённую атмосферу – неясная тоска, печаль, меланхолия, мрачность. Рассмотрим текст песни «Another Day» (1983) группы The Cure. Холодное небо, серые тени, акварельные краски зимы создают мрачное меланхолическое настроение, которое усиливается музыкой:

The sun rises slowly on another day
The eastern sky grows cold
Winter in water colours, shades of grey
Something something holds me holds me hypnotized
I stare at the window stare at the window
Waiting for the day to go
Winter in water colours, shades of grey

Еще один текст из этой группы, «Island In a Stream» группы Mission UK, где создаётся настроение одиночества и потерянности, а лирический герой сравнивает себя с островом в океане, плач ангела вдалеке не является в этом тексте ключевым образом и, по нашему мнению, лишь способствует созданию атмосферы, холод от прикосновения осколков льда к коже усугубляет чувство одиночества:

The silver moon and a singing breeze
I am walking out under the stars
Light a cigarette and watch the smoke
As it chases my dreams away
I turn and gaze out to the sea
And watch as the waves come tumbling in
Off in the distance an angel cries
As the ship of the line comes into bay
I'm just an island in a stream
I'm all at sea, come rescue me
...I look around to find a friend for life
Seeking refuge in your arms
Splinters of ice, thin sharp and cold
Pierce my freezing skin
I was scared of your embrace...

Несколько особняком в этой группе стоят тексты группы Katatonia. Формально не содержа ярко выраженных признаков готичности и также передавая некое мрачное и подавленное настроение, лирика этой группы специфична особой

сложностью интерпретации - смысл её тёмный, уровень метафоричности и субъективизма высок, и добраться до смысла непросто:

Wave back at me
Back is turned
If I fail once
Circuits burn
Saw you in the lamplight
You fade
Nothingness incarnate
Until I get there hidden
I will be
Consternation
Internal source
Overthrowing
Stay from course (Consternation, 2006)

Всё, что можно понять, это то, что лирическому герою нужно попасть куда-то, оставаясь незамеченным и неузнанным, там плохое освещение, звучит сигнал тревоги... Тем не менее атмосфера передаётся и такими средствами, и, видимо, этого, вкупе с музыкой, достаточно.

В нашем материале ко второй группе, условно обозначенной как «атмосферная», относится порядка 30 текстов, что составляет 20%. Наиболее представительной (68%), что логично, является группа собственно готических текстов, содержащих один или более названных выше признаков, архаичную книжную лексику и элементы религиозного дискурса. Тематически эти тексты достаточно разнообразны, и мы постараемся представить всю палитру встречающихся тем и мотивов.

Обратимся к теме любви, которая хоть и присутствует в готической лирике, не является так же широко представленной, как в других жанрах. В песне группы Tiamat любовь соседствует с безумием и смертью:

Come and take a walk on the wild side
Let me kiss you hard in the pouring rain
You like your girl insane
Choose your last words
This is the last time
Cause you and I
We were born to die (Born to die, 2012)

Любовь воспринимается как греховное чувство в песне группы Souxsie and the Banshees:

...when you're lying like a tart
Sin in my heart
When you grovel at my feet
Oh sin in my heart (Sin in my heart, 1982)

В песне "Bridges burning" группы The Mission UK любовь сопряжена со страданием:

Your savage and violent flesh
The cut that bleeds the kiss that stings...(1984)

Любовь представлена как греховное и унижительное деяние, как похоть, проявляющая в человеке его тёмную сторону:

We leapt into the bed degrading even lice

You took delight in taking down all my shielded pride
Until exposed became my darker side (группа Bauhaus, 1983)

Тема любви может приобретать в готическом тексте сверхъестественный колорит, например, как одержимость призраком:

Walking in the still of night
Darkness all around
Cold walls whisper to my soul
Of pleasures never found
I scream your name to shrouded ears
You hear what charms you most
And though I know what gifts you hold
I cannot love a ghost...(Inkubbus Sukkubus, Soul Inside, 1980)

В другом тексте этой же группы любовь представлена как колдовское чувство, хотя надо признать, что этот мотив популярен в разных направлениях музыки, включая популярную:

There's some sweet magic in the way you hold me
Let me drink deep from your witches potion...
Wrap me within your cloak of mystery...(Inkubbus Sukkubus, Eternity, 1980)

Ещё один интересный пример трактовки любовной темы мы встречаем у этой группы в песне «Incubus», где возлюбленный предстаёт как демон-инкуб, который, как верили в готическую эпоху, соблазняет женщин во сне. В этом тексте, однако, нельзя не ощутить элемент иронии:

I feel you drawing near
And I will show no fear
No pleasure be denied me
A hunger grows inside me
I need your fiery kisses
Thrill me with your icy touch
What mortal lover would ever hope
To give a woman that much... (Inkubbus Sukkubus, Incubus, 1980)

Как вариация на тему любовника из потустороннего мира в песне «I am the one» появляется образ вампира, популярный в массовой культуре уже не одну сотню лет, хотя не очень понятно, почему речь идёт о пламени:

I am the one from the dark side of your dreams
I am the one the one who hears your screams
I am a vampire a-calling for your love
I am the fire that burns within your blood...(Inkubbus Sukkubus, I am the one, 1980)

В силу самой специфики этого музыкального направления такие приватные темы, как, например, любовь, не могут являться здесь доминирующими. Эта роль отводится таким темам, как злоба и ненависть, страх, отчаяние, война добра и зла, смерть, боль, страдание, несправедливость и так далее. В качестве примера возьмём текст группы Paradise Lost под названием «Fear of Impending Hell», который является характерным для данного направления своим использованием возвышенной книжной лексики религиозной направленности, где речь идёт о борьбе света и тьмы, неизбежности ада для грешников, силе веры:

Lies divided me I wonder
Cries enlighten me I wonder
Light has guided me I'm stronger
To escape to where dearly intended dwell

Never seen the light I don't know where to escape
From the fear of impending hell...(Paradise Lost, 2012)

Далее мы остановимся на тех аспектах реальности, которые вызывают критику и негативно оцениваются авторами лирики готического рока. Прежде всего, это весь божий мир – «god's shameful world», «a world of shallowness and lies», «a sad and fragile world never to be healed», «empty cold world», «pain and sorrow of this world» (группа Draconian, 2005); «life is a bad place, life is a sad place», «innocents lie battered and bleeding», «a world of grim obsession», «all you feel is life unmade» (Gary Numan, 2013); «the world is cruel» (The Sisters of Mercy, 1985). Как того и следовало ожидать в готической лирике, часто всё окрашено в мрачные религиозные тона, хотя присутствуют и богоборческие мотивы:

Look at us dying
A field of human crucifixes, weathered and fading
Heaven hears nothing as the priests are wailing
And they are crushing our souls...(Virgin Black, 2003)
Do you believe in the beauty of love,
Or that heaven is vengeance disguised, He sees you.
Do you believe we will pay for our sins? (Gary Numan, 2013)

Критике подвергаются и власть имущие, в том числе, видимо, и представители церкви, все они объявляются слугами дьявола:

With the law upon their side
They bring death and genocide
All the Devil's Men
By the sword and by the lash
They will break you, they will take you
In the shadow of their cross...(Inkubbus Sukkubus, 1980)

Следует упомянуть также паранормальные феномены, угрожающие жизни людей и вызывающие ужас, помимо упомянутых выше вампиров и инкубов, это некая Чёрная Планета, несущая радиацию и кислотный дождь (The Sisters of Mercy, Black Planet, 1985); тень, неотступно следующая за лирическим героем (Gary Numan, A Shadow Falls On Me, 2013); крюк для мяса, на котором висит лирический герой – образ страдания (The Cure, Meathook, 1983); Полночная Королева, приходящая во сне (Inkubbus Sukkubus, Midnight Queen, 1980); известные из греческой мифологии сирены (Inkubbus Sukkubus, Song Of The Siren, 1980); Смерть, прилетающая на крыльях бури на языческий кельтский праздник Самэйн (Inkubbus Sukkubus, Samhain, 1980); Зловещая Сестра, пробуждающая похотливые мысли (Sister Sinister, Lake Of Tears, 2005); Чёрная Птица – вестница несчастий (Black Brick Road, Lake Of Tears, 2005); торговцы удачей, которые насылают проклятие, и из-за которых лирический герой сбился с пути (Flowing Tears, Virago, 2004); ребёнок, одержимый злым духом прямо с колыбели; кукла вуду, высасывающая жизнь из своей обладательницы («Spellbound» и «Voodoo Dolly» – Souxsie and the Banshees, 1982).

Таким образом, мы видим, что факторы как социального (боль, жестокость, страдания людей, войны и смерть, ложь и лицемерие политических и прочих лидеров), так и личного плана (непонимание, кризис веры, различные фобии, разочарование в людях, неумолимое течение времени) способствуют формированию этого мрачного, готического взгляда на мир у индивидов определённого душевного склада – эмоционально уязвимых, не ориентированных на успех и карьерные достижения, испытывающих трудности с социальной

адаптацией. Наличие же потусторонних сил и существ из иного мира есть просто способ художественного осмысления негативных явлений жизни, свойственный не только лирике готического рока, но и литературе и кинематографу подобной направленности, что делает эти жанры явлениями родственного характера. Следует, разумеется, учитывать специфику песенного текста, где важнейшую роль играет мелодический компонент, способный создать «готическое» настроение музыкальными средствами.

Готический рок в его аутентичных проявлениях, впрочем, лишён развлекательности, свойственной в большинстве случаев кинематографу, хотя трудно себе представить, что все представители готической культуры, так называемые «готы», которых можно встретить и на улицах российских городов, обычно молодые люди, только и думают о том, как бы им поскорее умереть. Кто-то, очевидно, одевается в чёрное потому, что это эффектно и сразу выделяет из толпы сверстников. В любом случае, готическое искусство и готическая молодёжная субкультура и музыка заслуживают серьёзного внимания исследователей.

Библиографический список

1. Бёрк Э. Философское исследование о происхождении наших идей возвышенного и прекрасного. М., «Искусство», 1979, 237 с.
2. Вацуро В.Э. Лирика пушкинской поры: «Элегическая школа». СПб, «Наука», 1994, 240 с.
3. Заломкина Г. Готический миф. Самара, изд. «Самарский университет», 2010, 348 с.
4. Касьянова Е.В. Рок-культура в контексте современной культуры. Дисс. ... канд. филос. наук. СПб., 2003, 162 с.
5. Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. М., «Мысль», 1998, 750 с.
6. Рыжов Ю.В. Gnoto Deo: Новая религиозность в культуре и искусстве. М.: Смысл, 2006, 328 с.
7. Шпенглер О. Закат Европы. Т.2. М., «Мысль», 1998, 606 с.
8. Эко У. Искусство и красота в средневековой эстетике. СПб, «Алетейя», 2003, 256 с.

References

1. Burke E. A Philosophical Enquiry into the Origin of Our Ideas of Sublime and Beautiful. M., «Iskusstvo», 1979, 237 p.
2. Vatsuro V.E. Lyrical poetry of the Pushkin times: «The school of elegy». St. Petersburg, «Nauka», 1994, 240 p.
3. Zalomkina G. Gothic myth. Samara, «Samarskiy universitet», 2010, 348 p.
4. Kasyanova E.V. Rock culture in the context of modern culture. Candidate thesis, St.Petersburg, 2003, 162 p.
5. Losev A.F. Aesthetics of Renaissance. M., «Mysl», 1998, 750 p.
6. Ryzhov Y.V. Gnoto Deo: New religion in art and culture. Moscow, «Smysl», 2006, 328 p.
7. Spengler O. The Dusk of Europe. Volume 2, Moscow, «Mysl», 1998, 606 p.
8. Eco U. Art and beauty in medieval aesthetics. St. Petersburg, «Aleteia», 2003, 256 p.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ LINGVOCULTUROLOGY

УДК: 003

*Южный федеральный университет
Канд. психол. наук, доктор филос. наук,
доц. Зав. кафедрой речевых
коммуникаций и издательского дела,
Овруцкий А. В.
Россия, Ростов-на-Дону, +7-918-55-76-
265
E-mail: alexow@sfnedu.ru*

*Southern Federal University
Head of the Speech Communication
Department, candidate of psychological
sciences, Dr. Sc. (Philosophy), Assistant
professor
Ovrutsky A.V.
Russia, Rostov-on-Don, +7-918-55-76-265
E-mail: alexow@sfnedu.ru*

А.В. Овруцкий

РАЗРАБОТКА ЛОГОТИПА НА ОСНОВЕ ТЕХНОЛОГИИ ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОЙ СЕМАНТИКИ (ПВС)

В статье обосновывается целесообразность разработки и использования в практике рекламного дизайна технологии пространственно-временной семантики. Раскрывается содержание технологии.

Ключевые слова: логотип, время, пространство, семантика, позиционирование, архетип, цвет, геометрическая фигура.

A.V. Ovrutsky

LOGO DESIGN BASED ON SPATIO-TEMPORAL SEMANTICS

In the article the expedience of the development and use of advertising design technology of spatio-temporal semantics. The article also reveals the content of the technology.

Keywords: logo, time, space, semantics, positioning, archetype, color, geometric figure.

Логотип – это ключевой элемент фирменного стиля, функциями которого являются идентификационная и мотивационная функции. По мнению Б. Эльбрюнн, логотип образует знаковую систему, включающую знаки идентификации и знаки побуждения к действию [5, с.11-12]. Иными словами, процесс создания логотипа включает поиск наиболее релевантных идентификационных знаков и наиболее воздействующих интенциональных знаков, а также системную работу по их конструированию в единый образ.

Отметим, что галерея рекламных продуктов обладает высоким уровнем специфичности. Например, маркетинговые факторы в процессе проектирования образа становятся доминирующими и определяют остальные, в том числе и эстетические. Это положение полностью применимо и к логотипам, рекламоспособность которых является главным критерием их оценки.

Анализ рекламной практики показывает, что доминирующими методами создания логотипа являются, во-первых, метод субъективной визуализации полученной от заказчика информации (бриф), которая зачастую носит весьма

обобщенный характер, и, во-втором случае, дизайнерское воплощение логотипа исходя из уже придуманного заказчиком общего его образа (картинка заказчика). Полагаем, что оба эти метода не являются эффективными (с точки зрения стабильности качества продукта), и релевантными (с точки зрения институционализации профессиональной деятельности рекламного дизайнера).

Отечественные исследователи В.Ф. Рунге и В.В. Сеньковский описывают так называемый «методологический» подход к разработке фирменного стиля в целом [4, с. 92-93]. Суть данного подхода можно выразить следующим образом. Дизайнер осуществляет поиск прямых визуальных аналогий, ассоциативных знаков, имеющих очевидную связь с профилем деятельности компании, ее продукцией, или сферой деятельности. Например, для компании, занимающейся газоболонным оборудованием, дизайнер выбирает в качестве графической основы окружность, «символизирующую поперечный срез газопровода» [там же].

Такой аналоговый подход, на наш взгляд, имеет также ряд недостатков. Во-первых, проектируемые образы могут попадать в разряд тривиальных, так как прямые аналогии конечны и, скорее всего, уже кем-то использовались ранее. Во-вторых, деятельность современных компаний является сложной и разнообразной практикой, которую подчас невозможно редуцировать к одному простому знаку. В-третьих, современный стиль (постмодерн) тяготеет к метафорической визуалистике и отходит от использования прямых аналоговых форм.

Таким образом, считаем востребованной специальную технологию проектирования рекламных образов, нацеленную на создание креативных продуктов, обладающих глубинной семантической связью с объектом (продукт, компания), высоким уровнем рекламоспособности, а также высоким объяснительным и в общем виде эвристичным потенциалом, что является важным аспектом для любого заказчика.

В качестве методологического принципа такой технологии рассматриваем принцип антропоморфизма, предполагающий возможность наделения человеческими качествами организаций, товаров, услуг, марок. Исходя из этого принципа к этим объектам применимы в том числе и такие человеческие характеристики как характер, ценности, экстраверсия/интроверсия, инновационность/консерватизм и т.д. и т.п.

Нами разработана технология пространственно-временной семантики, которая базируется на концепции О. Розенштока-Хюсси и развивается в направлении приращения значимых семантических элементов в исходную схему, что позволяет дизайнеру обоснованно выбрать основные графические элементы для конструирования логотипа (базовая фигура, цвет, форма).

О. Розеншток-Хюсси предлагает анализировать любую систему в рамках двух шкал пространства и времени [3, с. 13]. Полагаем, что логотип является знаковой системой, релевантной для подобного анализа. На Рис. 1 представлены такие шкалы. Пространственная шкала образована дихотомией «внутри - вовне», а временная, соответственно, «назад - вперед». Каждой стороне креста, по мнению американского ученого, соответствует своя кризисная ситуация, бедствие. Пространственные оси – это анархия и война, а временные – революция и стагнация.

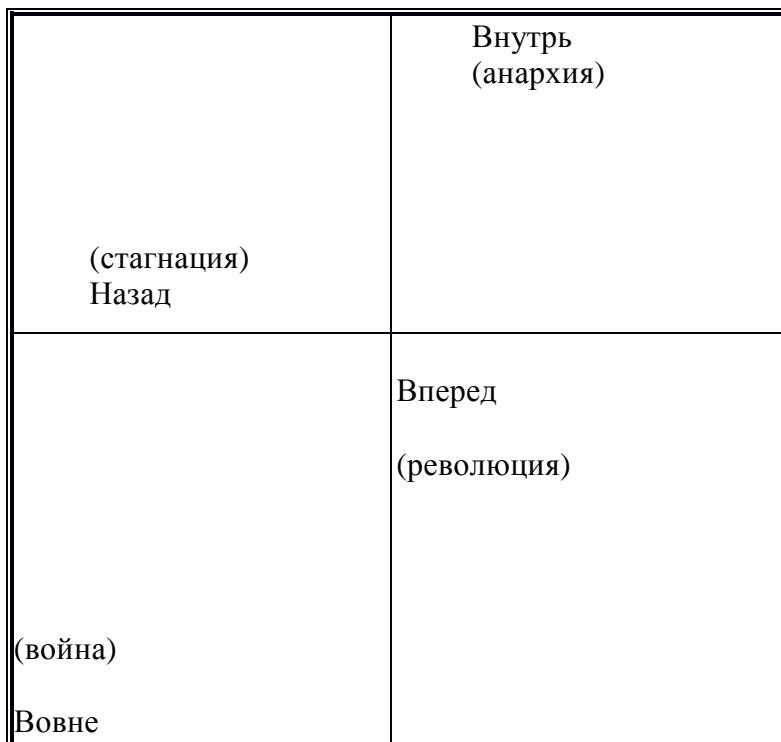

Рис. 1. «Крест действительности» О. Розенштока-Хюсси

Революция, исходя из этого, предполагает избыточное движение по временной шкале в будущее, с соответствующим полным отрицанием прошлого. В противоположность этому стагнация (упадок) есть отрицание будущего (отсутствие веры в будущее) и движение только в сторону истории. Пространственное движение вовне обозначает в итоге войну, как крайний случай такой внешней ориентации. Движение внутрь разрушает внутреннюю структуру системы и приводит к анархии.

Пространственно-временное позиционирование компании, таким образом, рассматриваем в качестве ядра семантического пространства логотипа.

Таким образом, исходной информацией для разработки логотипа является позиционирование организации/товара/услуги по пространственной и временной шкалам. Для этого предлагается включить в стандартный бриф заказчика две шкалы семантического дифференциала. Для получения более надежных результатов, возможно также использовать несколько смежных шкал по каждому из параметров. В общем виде, задание может выглядеть следующим образом.

«Отметьте, пожалуйста, как вы определяете характер объекта (компании, марки, услуги, проекта) по следующим шкалам. Постарайтесь избегать нулевых отметок».

Ориентация себя (интроверсия)	внутрь в	<table border="1" style="width: 100%; height: 100%; border-collapse: collapse;"> <tr> <td style="width: 12.5%; text-align: center;">3</td> <td style="width: 12.5%; text-align: center;">2</td> <td style="width: 12.5%; text-align: center;">1</td> <td style="width: 12.5%;"></td> <td style="width: 12.5%;"></td> <td style="width: 12.5%;"></td> <td style="width: 12.5%;"></td> </tr> <tr> <td style="height: 20px;"></td> <td></td> <td></td> <td></td> <td></td> <td></td> <td></td> </tr> </table>	3	2	1												Ориентация (экстраверсия)	вовне на прошлое (консерватизм)
3	2	1																
Ориентация будущее (инновационность)	в	<table border="1" style="width: 100%; height: 100%; border-collapse: collapse;"> <tr> <td style="width: 12.5%; text-align: center;">3</td> <td style="width: 12.5%; text-align: center;">2</td> <td style="width: 12.5%; text-align: center;">1</td> <td style="width: 12.5%;"></td> <td style="width: 12.5%;"></td> <td style="width: 12.5%;"></td> <td style="width: 12.5%;"></td> </tr> <tr> <td style="height: 20px;"></td> <td></td> <td></td> <td></td> <td></td> <td></td> <td></td> </tr> </table>	3	2	1												Ориентация на прошлое (консерватизм)	
3	2	1																

Получив данные базового позиционирования и определив локализацию объекта в пространственно-временных координатах, мы сможем в дальнейшем наращивать

семантическое поле за счет включения в него дополнительных параметров. К таковым относим следующие.

1. Архетипы (См. Рис. 2).

<i>Врач</i>	Внутри (анархия)
(стагнация) Назад	<i>Бунтарь</i>
<i>Священно- служитель</i>	Вперед (революция)
(война) Вовне	<i>Воин</i>

Рис. 2. Архетипическое наполнение семантического пространства

Полагаем, что временную координату можно задать противоположными архетипами «Священнослужитель» - «Бунтарь». Первый архетип предполагает ориентацию на прошлое, консервацию времени, воспроизводство традиций, ритуалов. Бунтарь, наоборот, стремится отказаться от прошлого и ориентирован на будущее.

Пространственная координата образована архетипами «Воин» - «Врач». Воин захватывает внешние пространства – это его основной вектор деятельности, а Врач предполагает деятельность, направленную на внутреннюю структуру тела человека, что также дает возможность обозначить конец шкалы с помощью этого архетипа.

2. Цвет (См. Рис. 3).

<i>Врач</i>	Внутри (анархия)
<i>Синий</i>	
(стагнация)	<i>Желтый</i>

Назад	<i>Бунтарь</i>
<i>Священно-служитель</i> <i>Черный</i>	Вперед (революция)
(война) Вовне	<i>Красный</i> <i>Воин</i>

Рис. 3. Цвет в семантическом пространстве

Возможность использования цветовой семантики доказана теоретическими исследованиями М. Люшера [2]. В частности, было показано, что цвет, как правило, субъективно отражается по таким параметрам как температура (горячие и холодные цвета), ассоциативно связан с важнейшими природными стихиями (вода, огонь, земля), а также онтологическими видами деятельности и эмоциональными паттернами. Кроме того, цвет в ряде случаев отражается в психике человека и по параметрам «время» и «пространство».

Пространственную координату, на наш взгляд, можно представить континуумом, образованным синим и красным цветом, а временную – образует черный и желтый цвета. Синий (темно-синий) цвет несет в себе значения гармонии, начала координат, «первичного океана» и в целом сжимает пространство (глубина). Красный (оранжево-красный) цвет символизирует экспансию, подчинение окружающей среды, огонь, кровь, взрыв. Иными словами, его направленность – это расширение пространства.

Применительно к временной шкале черный цвет символизирует ночь, смерть, уничтожение. Этот цвет в целом можно назвать цветом прошлого. В противоположность ему, желтый (лимонно-желтый) цвет символизирует изменение, новые горизонты, творчество, и, таким образом, обозначает будущее.

Отметим, что цветовой код является сложным, семантические пласты цвета образуют причудливую конфигурацию, многомерную модель. Поэтому цветовые эталоны в данном случае условны и требуют дополнительного семантического анализа (культурологический, прагматический, национальный контексты и т.д.).

3. Базовая геометрическая фигура (См. Рис. 4).

<p><i>Врач</i></p> <p><i>Синий</i></p> <p><i>Круг</i></p> <p>(стагнация) Назад</p>	<p>Внутри (анархия)</p> <p><i>Зигзаг</i></p> <p><i>Желтый</i></p> <p><i>Бунтарь</i></p>
<p><i>Священно-служитель</i></p> <p><i>Черный</i></p> <p><i>Квадрат</i></p> <p>(война)</p> <p>Вовне</p>	<p>Вперед (революция)</p> <p><i>Треугольник</i></p> <p><i>Красный</i></p> <p><i>Воин</i></p>

Рис. 4. Геометрические фигуры в семантическом пространстве

Основой семантического расширения в направлении фиксации базовой геометрической фигуры стал психогеометрический тест С. Деллингера, разработанный им в 1989 году (адаптация А.А. Алексеевой и Л.А. Громовой) [1]. Данный тест основан на положении о существовании универсальной геометрической семантики четырех основных фигур (здесь мы рассматриваем прямоугольник как частный случай квадрата).

Каждая из базовых геометрических фигур имеет свое специфическое содержание. Так, квадрат (прямоугольник) – это геометрическая фигура, эксплицирующая следующие характерологические черты: любовь к коллекционированию всевозможных данных, систематизации; в целом это фигура людей, которые любят раз и навсегда заведенный порядок. Семантика квадрата – распланированная, предсказуемая жизнь, постоянное «упорядочивание» и организация людей и вещей вокруг себя. Ценности: традиции, стабильность, безопасность, надежность, прошлое. Роли: Консерватор, Педант, Хранитель традиций.

Треугольник символизирует лидерство, энергичность, уверенность; это фигура неудержимых и сильных личностей, желающих быть правыми во всем, управлять положением дел, движимых постоянным соперничеством и конкуренцией, с доминирующей установкой на победу. Им свойственен сильный эгоцентризм и ориентация на выигрыш, успех. Жизненные ценности: власть, лидерство, карьера, статус, победа, будущее.

Круг является графическим символом таких качеств как сохранение мира, твердость в вопросах морали, ориентация на субъективные факторы проблемы (ценности, оценки, чувства и т. д.). Жизненные ценности – это общение, комфорт, общее благополучие, помощь людям. К другим характерологическим особенностям относят неаккуратность, неорганизованность, непунктуальность, нерешительность, зависимость от мнения окружающих.

Зигзаг символизирует креативность, инакомыслие, синтетический стиль, комбинирование абсолютно различных, несходных идей и создание на этой основе чего-то нового, оригинального, построение новой концепции. Люди (компании), предпочитающие зигзаг, видят мир постоянно меняющимся. Они устремлены в будущее и больше интересуются возможностью, чем действительностью. Жизненные ценности: творчество, новизна, риск, скорость, самовыражение.

На Рис. 5 представлены примеры логотипов компаний, в образе которых, на наш взгляд, в значительной степени отражена пространственно-временная семантика, а сам образ является целостным и устойчивым.

Рис. 5. Примеры логотипов в рамках схемы пространственно-временной локализации

Считаем, что предложенная модель и технология конструирования логотипов не являются завершенными. Очевидно, что своего развития требует описание

промежуточных семантических позиций, а также анализ центральных зон семантического пространства.

Вместе с тем, технология пространственно-временной семантики (ПВС) позволяет системно конструировать логотип организации (марки, услуги и др.) на основе пространственно-временного позиционирования, с определением таких ключевых параметров образа как архетип, цвет, базовая геометрическая фигура. Отметим, что список этих параметров может быть продолжен за счет включения дополнительных, например, гендер, вид коммуникативной рекламной стратегии, ценностное позиционирование, конструирование или выбор фирменного Героя и др. Отметим, что на основании предложенной модели возможно проводить содержательную экспертизу логотипов, осуществляя обратный процесс, выделяя в логотипе конкретные семантические единицы. В этом случае можно говорить как о целостности образа, степени непротиворечивости его элементов, так и в общем виде о его рекламоспособности.

Библиографический список

1. Бурлачук Л.Ф., Морозов С.М. Словарь-справочник по психодиагностике. СПб.: Питер, 2003, с. 254-255.
2. Люшер М. Сигналы личности: ролевые игры и их мотивы. Воронеж : НПО «МОДЭК», 1995. 98 с.
3. Розеншток-Хюсси О. Речь и действительность. М.: Лабиринт, 1994. 111 с.
4. Рунге В.Ф. и Сеньковский В.В. Основы теории и методологии дизайна. Учебное пособие. М.: М3-Пресс. 2001. с. 92-93.
5. Эльбрюнн Б. Логотип/ пер. с фр.: под ред. С.Г.Божук. СПб.: Издательский дом «Нева»; М.: «ОЛМА-ПРЕСС Инвест », 2003. 127 с.

References

1. Burlachuk L.F., Morozov S.M. Dictionary of psychological diagnostics. St. Petersburg.: Peter, 2003, p. 254-255.
2. Luescher M. Signals person: role-playing games and their motives. Voronezh: NGO «MO-DEK», 1995. 98 p.
3. Rosenstock-Huessy E. Speech and reality. M.: Labyrinth, 1994. 111 p.
4. Runge V.F., Senkovskiy V.V. Basic theory and design methodology. Training manual. M.: M3-Press. 2001. p. 92-93.
5. Elbryunn B. Logo. St. Petersburg.: Publishing House «Neva»; M.: «Olma-Press Invest», 2003. 127 p.

УДК 81-23

*Воронежский государственный технический университет,
Канд. культурол. наук, ст. преп. кафедры
экономической теории и экономической
политики Воронцова Е.А.
Россия, г. Воронеж, тел. 89507625541*

*Voronezh State Technical University
PhD, The chair of Economic Theory and
Economic Policy,
Senior lecturer Vorontsova E.A.
Russia, Voronezh, 89507625541*

Е.А. Воронцова

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ТЕКСТОВ РУССКОЙ, АНГЛИЙСКОЙ И ИСПАНСКОЙ ПЕЧАТНОЙ РЕКЛАМЫ

В статье исследуется феномен восприятия рекламного текста реципиентом на примере трех лингвокультур – русской, испанской и английской. Выделены лингвистические, стилистические, прагматические особенности печатной рекламы России, Испании, Великобритании и Америки.

Ключевые слова: реклама, культурологические особенности, восприятие текста, лингвокультура.

E.A. Vorontsova

CULTURAL DIFFERENCES OF TEXTS PERCEPTION OF RUSSIAN, ENGLISH AND SPANISH PRINT ADVERTISING

The article is dedicated to the phenomenon of texts perception of advertising in three lingvocultures - Russian, Spanish and English. In the article we marked linguistic, stylistic, pragmatic features of print advertising in Russia, Spain, the UK and the USA.

Keywords: advertising, cultural differences, perception of texts, lingvoculture.

В современной лингвистике в последние годы возрос интерес к исследованию различных типов коммуникации, в том числе и рекламной. Во многом интерес к рекламе связан «с активностью потребителей в сфере производства товаров и предоставления услуг, укреплением позиций массового производства и становления человека «потребляющего» [5; с. 35].

Одним из успешных институтов эффективного воздействия на потребителя является реклама, стимулирующая желания и убеждающая в необходимости приобретения того или иного товара или услуги.

Особый интерес в связи с этим представляет изучение наиболее эффективных средств воздействия на потребителя печатной рекламы в российской, испанской, британской и американской лингвокультурах.

Текстовые данные помогают получить представления о языковой личности и ее когнитивном багаже, указывают на дискурсивные характеристики, которые не выделяются в тексте напрямую.

Многие исследователи рекламного текста предлагают дискурсивно-семиотический подход, который помогает выделить и описать культурные аспекты рекламы. В акте коммуникации, в частности, рекламе, смыслы создаются, интерпретируются и передаются реципиенту, который является представителем определенной культурной общности. При этом создается «семиотический мир», некая символическая реальность, существующая независимо от материального мира. Человек сам создает социальные смыслы, используя известные ему знаковые

системы. Те же самые знаки и знаковые системы используются и для его самоопределения в окружающем мире. «Использование семиотического анализа дает возможность отделить знаки от их значений внутри одной культуры с целью дальнейшего их переноса в другую культуру» [4; с.151]. Поэтому так трудно бывает перевести рекламу международной компании с языка-оригинала на язык другой страны, где планируется выставить продукт на продажу с установленным слоганом. Необходимо учитывать культурные, лингвистические, семантические особенности восприятия жителями данной страны переведенного текста, иначе продукция просто не будет продаваться, вызывая негативные эмоции у потребителя.

Реклама должна быть структурно завершена, так как «хорошо структурированная художественная форма не должна быть слишком упрощена – должна иметь достаточное количество элементов, которые оригинально комбинируются, и благодаря этому вызывают интерес» [7; с. 154].

Основными задачами рекламного объявления являются «привлечение внимания к рекламному средству, демонстрация преимуществ товара или услуги, популяризация названия, марки, установки, лозунга» и т.д. [2; с. 180].

В рамках современного общества реклама выполняет «своеобразную функцию передачи и распространения норм, правил и традиций современной цивилизации. Реклама и рекламные тексты способствуют внедрению в массовое сознание новых культурных ценностей и традиций, приходящих на смену ценностям прошедших десятилетий» [5; с. 114]. Внедряя в сознание определенные ценности, реклама тем самым пропагандирует определенный образ жизни. В современной рекламе можно найти как плюсы, так и минусы, увидеть неточности и погрешности. Качественный продукт, запущенный в СМИ, делает человека более грамотным, рассказывает ему о тех вещах, которые он даже не мог себе представить. Хороша по-своему социальная реклама, которая раскрывает проблемы экологии, здоровья, спорта, вредных привычек и девиантного поведения.

Большое значение при создании эффективной рекламы представляет исследование особенностей национальной культуры, миропонимания и психологических особенностей восприятия при размещении рекламы в том или ином регионе. Индивидуальность каждой культуры – явление, подробно описанное в рекламе. В настоящее время «развитие системных представлений о мире позволяет серьезно рассматривать гипотезу о взаимодействии, взаимовлиянии и системной связи этих изучаемых с разных сторон явлений. Но вплоть до нашего времени реклама как феномен культурной жизни народов не находит всеобщего признания и не становится предметом глубокого объективного научного анализа» [7; с. 112].

Реклама разных народов и стран различна, для примера можно сравнить рекламные ролики различных стран, усмотрев в них специфику той или иной культуры. В Испании реклама носит характер театральный, драматургический, так как испанцы недоверчиво относятся к продавцам и крикливым рекламным слоганам. В США, напротив, реклама навязчива, актеры в американских роликах смотрят прямо в глаза реципиента ролика, в то время как британские

рекламодатели «продают» сдержанно и не столь откровенно. [9; с. 32]. Российская реклама часто навязчива, слоган обычно провоцирует попробовать тот или иной товар.

При анализе рекламного текста необходимо учитывать многие моменты, в том числе «возможности языка, оптимальную композиционную структуру, психологию восприятия рекламного текста. В рекламном тексте важно умение с помощью различных лексико-синтаксических и изобразительных средств формировать рекламный образ, который создает конкретные представления о предмете и вызывает определенные чувства, которые в нужном направлении влияют на поведение читателя или слушателя. Рекламный образ формируется с учетом индивидуальных особенностей рекламируемого предмета и общих черт, присущих группе сходных предметов» [3; с. 4].

Рекламный текст представляет собой пример наиболее эффективного использования языковых средств. Прагматический аспект рекламного текста обычно проявляется в его особой структуре (выбор грамматических и лексических единиц, стилистических приемов, особый синтаксис, организация печатного материала, использование элементов различных знаковых систем). В основе создания рекламных текстов лежат две тенденции: лаконичность выражений и выразительность, емкость информации. Важно сохранить первоначальную свежесть информации, донести ее взрывной потенциал, сосредоточив текст в нескольких легко усваиваемых и простых для запоминания словах.

Главная задача рекламы состоит в том, чтобы «привлечь внимание потенциального покупателя и побудить его к приобретению рекламируемого товара. Получается, что рекламный дискурс обладает сильным воздействующим потенциалом, реклама воздействует на потребителей всеми возможными средствами» [6; с. 112]. В таком случае, можно сделать вывод о том, что в рекламном дискурсе актуализируются определенные коммуникативные стратегии. Понимая под прагматикой теорию речевого воздействия, мы отмечаем, что именно позитивная прагматическая направленность рекламного дискурса является тем фактором, который во многом обуславливает его специфику и оказывается решающим для формирования других отличительных черт печатной рекламы. Прагматическая ориентация текстов данного типа определяет логический и эмоциональный стержень высказывания, общую тональность дискурса, диктует отбор языковых и неязыковых средств и способ их подачи и организации.

Прагматический аспект рекламного сообщения «проявляется в его своеобразной организации – выборе грамматических и лексических единиц, стилистических приемов, синтаксисе. И все же рекламное сообщение считается эффективным, то есть оказывающим соответствующее воздействие на получателя, потенциального покупателя, только тогда, когда в нем удачно соединяются составляющие его вербальные и невербальные компоненты» [1; с. 12].

В текстах русских, английских и испанских туристических буклетов речевые акты используются с целью привлечения внимания адресата и информирования, т.е. речевой акт выступает как инструмент достижения определенной цели.

Проведя сравнительный анализ тестов печатной рекламы мы обнаружили преобладание следующих речевых актов: приглашение, рекомендация, совет, обещание, просьба, предупреждение, пожелание. Данные речевые акты осуществляются с помощью использования соответствующих глаголов:

приглашаем, советуем, желаем, welcome, should, advise, recommend, bienvenida, invitar, asesorar, conoser. Используются такие речевые акты, как **приглашение** (*Welcome to 100 days of Summer. Festival looks from \$ 15, 99 New Look; Charm Club Thomas Sabo. Welcome!; Bienvenida en esta Catedral Nuestra senora de Sevilla!; Bienvenidos al paraiso; Ven a conocer las crias de Panda!; Мы приглашаем Вас на увлекательную экскурсию! Посетите замок Фонтенбло!; Volkswagen Auto. Мы уже открылись! Добро пожаловать!; Encontro de artes para a infancia!; Madrid Zoo Aquarium is only Zoo in Europe with 2 panda cubs. A «must» you can not miss*), **рекомендация, совет** (*How to shop tax free (tax free shopping map. Madrid, You should visit the best places to stock up on denim in our shop); Vive un momento inolvidable (The Aquarium Zoo); Has estado en Espana? En mi vida he visto nada parecido!; How to be happy? – Be in Costa Rica!; Как правильно выбрать окна? - Новые окна АТТИК; Перхоть? Надо лечить! Фридерм. Насладитесь отдыхом в Коста Брава!; Present this ad and receive a complimentary hard rock souvenir with 25 EUR purchase*), **просьба** (*Por favor, apaguen los teléfonos móviles (Авиакомпания Iberia Express (Иберия Экспресс), пожелание* (*Желаем Вам приятного знакомства с Северной Пальмирой!; Nescafe Gold. Чтобы Вы раскрыли себя; Enjoy the opportunity of interacting with our animals!; Nourished hair ultra color. Take care. Garnier; Disfrutar de sus vacaciones!; Impulsa tu blog! Mayo. ¡Hazlo tuyo!); обещание* (*Мы уверены, что вы останетесь довольны. Rexona. Никогда не подведет! Качество, достойное Вас; Twins. Загар без солнца? Гамма средств для автозагара исполнит любую Вашу прихоть... Гарньер; We can make you rich! You will walk through a world of shapes of the tropical seas!; Avanzaras por el enigmatico mundo de formas y colores de los mares calidos. Garantizada la presencia de los artistas mas importantes del momento*) и **предупреждение** (*Внимание! Наличие паспорта обязательно!; Be careful! Wild animals!; ¡No alimente a los animales salvajes!*).

Проведя анализ рекламных текстов, мы выяснили, что приглашение, пожелание, обещание, рекомендация и совет используются чаще, чем предупреждение и просьба, как в текстах русских туристических буклетов, так и в английских, американских и испанских. Редкое употребление таких речевых актов, как предупреждение и просьба связано со стремлением изготовителей рекламы создать праздничное, светлое настроение у реципиента, положительное восприятие рекламируемого товара или услуги. Предупреждение в глазах рекламистов вызывает опаску, недоверие к товару. Просьба же всегда к чему-то обязывает, а покупатель не хочет быть обязанным, он охотнее приобретет услугу, обещающую ему беззаботное времяпрепровождение, хороший отдых и только положительные эмоции. Из проведенного нами анализа мы сделали вывод, что речевые акты – рекомендация, совет, обещание – используются для привлечения внимания адресата к важной информации,

Текст рекламы относится к тем видам текстов, которые призваны оказать по возможности более прямое и непосредственное воздействие на аудиторию. В самом построении в данном случае можно найти проявление языковых закономерностей, которые соотносятся с наиболее глубинными слоями сознания:

а) упрощение синтаксиса – возрастающее количество простых нераспространенных предложений, цепочек фраз номинативного характера: *Досрочное погашение; Комиссия за обслуживание; Процентная ставка; Дополнительная информация и оформление карты; Рассчетно-кассовое обслуживание физических лиц; Schwarzkopf: Find yourself; Crédito universales; Paleta entera de los servicios bancarios (Banco de España).*

б) в лексическом плане повышается роль лексем, обладающих конкретным и высоко эмоциональным в данных условиях содержанием: *преимущества, возможности, универсальный, роскошь, VIP-вклады, benefits, gift, luxury, sacaridades, regalo, lujo* и др. Ключевые слова призваны организовывать текст и способствовать лучшему запоминанию, они являются тем «раздражителем», который привлекает к себе внимание читателя, именно они надолго остаются в памяти. Однако требования к таким словам достаточно жесткие: они должны отражать основные свойства называемых ими предметов, понятий, процессов, а не затушевывать их, не размывать границы определения. Создатели текстов не только должны давать прямое описание предмета рекламы, его свойств, характеристик и достоинств, но и создавать образ посредством особой тщательно продуманной графической и иллюстрированной подачи материала и его лингвистического оформления, ассоциирующих предмет рекламы с некоторым символом, а также через ассоциацию предмета рекламы с принадлежностью к определенной социальной группе, обладающей «престижностью» в глазах потенциального потребителя. Такой текст, апеллируя к имеющейся у каждого человека иерархической системе ценностей, часто «опирается на принципы, по которым осуществляется скрытое внушение. Содержание того, что необходимо внушить клиенту, включается в сообщаемую информацию в скрытом, завуалированном виде, и усвоение такого сообщения характеризуется непосредственностью и произвольностью» [9; с. 76].

Еще одним важным аспектом рекламных текстов английских, русских и испанских туристических буклетов является использование различных стилистических средств. Мы обнаружили наличие следующих стилистических средств: аллюзия, анафора, парцелляция, эллипсис, повтор, синтаксический параллелизм, гиперболизация, метафора, эпитет. Эти средства обогащают речь рекламного буклета, делают его язык более ярким, живым и доступным адресату, создают полный, привлекательный для покупателя имидж товара.

Рассмотрим несколько примеров аллюзии: *Братъ или не братъ?* (Внешторгбанк). Аллюзия к фразе Гамлета «Быть или не быть?»; *Costa Brava: Baila el Hula-Hula* (Аллюзия к спонтанному, выражающему позитивные эмоции танцу гаитянского происхождения Ула-Ула); *ТурТранс ВОЯЖ: С нами мечты сбываются !*; *Новый друг лучше старых двух* (БИНБанк); *Отдых с Coral подарит море удовольствия*. Словосочетание *мечты сбываются* и *море удовольствия*, стало в наше время уже устойчивым выражением, его также можно отнести к клишированным словосочетаниям, например таким: *Время отдыхать в России!* Данное словосочетание тоже можно считать клишированным, так как начало словосочетания встречается во многих рекламных слоганах и рекламных роликах: *время сделать перерыв. TWIX!* или: *время есть, есть Меллер; самое время выпить пива; KIA OPTIMA. Время пришло. Сделай свой выбор*. Аллюзия в рекламе «Риммель», в которой происходит отсыл воспринимающего к знаменитой испанской песне «Целуй меня крепче» К Ф. Торрес в рекламе блеска для губ *Rimmel: Lo ultimo para tus labios. Besame mucho*.

В слоганах русских туристических буклетов часто используется антитеза, то есть сопоставление резко контрастных или противоположных понятий и образов для усиления впечатления. Данный прием является очень ярким и привлекающим внимание читателя и усиливает выразительность высказывания. Он заставляет потенциального покупателя выявить положительные стороны рекламируемой услуги, сравнив его с другими услугами, и сделать правильный выбор. Мы

выяснили, что в слоганах англоязычных и испаноязычных туристических буклетов антитеза встречается реже, чем в русских: *Путь длиной в тысячи миль начинается с одного клика*. Противопоставляются слова *тысячи миль* и *одного*. *Речные круизы – море удовольствия*. Противопоставляются слова *море* и *речные*, притом слова, которые противопоставляются, могут относиться к разным частям речи. *Nudos у Flores*. Противопоставляются жесткие *узлы* и нежные *цветы* (*испанская реклама одежды*); *Хватит работать – пора отдыхать!* Противопоставляются слова *работать* и *отдыхать*; *Качество – космическое, цены – земные*. Противопоставляются прилагательные *космические* и *земные*. *Today or tomorrow with us!* Противопоставляются слова *today* и *tomorrow*; *Real Fake* (из рекламы *The Museum of Art fakes*). Противопоставляются слова *real* и *fake*.

В слоганах англоязычных и русскоязычных туристических буклетов повсеместно используются повторы: *More flights...more locations...: the perfect conditions... the perfect occasions...; Rimmel. Choose length. Choose volume;The luminescent fragrance. The luminescent make-up. Fennel;New colorsensational. The shine. So refined, so sophisticated, it`s sensational!;Pure seduction. Pure Antonio. Antonio Banderas. Seductive Fragrances; Алмагель НЕО. НЕОбыкновенный комфорт для желудка*.

Также встречается и **гиперболизация**: *Некоторые путешествия открывают новую эпоху в истории человечества; море удовольствия; A gift like no other, amazing fish from around the world Your gastronomical caprices .Desfrute del mas puro у tradicional Cante, Baile у Toque Flamenco en el Tablao mas antiguo de Sevilla cjn los mejores artistas del momento*.

Мы выяснили, что в 10 % слоганах используется гиперболизация, как в русских, так и в испанских и английских туристических буклетах. Но, несмотря на то, что мы можем встретить его в слоганах не так часто как антитезу, он все равно является значимым, так как привлекает внимание адресата.

Частое использование парцелляции обусловлено ее стремление к краткости и упрощению: парцелляция экономит не только бумагу буклета, но и время, затраченное на ее прочтение. Парцелляция делает слоганы более яркими и эмоциональными, несмотря на то, что предложение является неполным, адресату все равно понятен смысл, передаваемый автором текста: *Тропико-тур. Жизнь в розовом. Истина в движении! Путешествие – радость! Indoor play castle! Private adventures!Le nouveau must! Sexy over*.

Наличие восклицательных знаков делает слоганы более экспрессивными и эмоциональными. Они как бы передают нам опыт тех людей, которые уже побывали в рекламируемом месте и хотят с нами об этом поделиться. Обратив внимание адресата на рекламный текст помогает **анафора**, которая часто используется в заголовках, так как она является лицом самого рекламного буклета и запоминается лучше, чем текст: *Потрясающе английский, потрясающе международный; Коллекционируй коллекционные туры вместе с нами! ТурТранс Вояж; Reach the people who reach Spain; We spoil our passengers as much as we spoil our aircrafts; Have a break .Have a KitKat*. Проанализировав имеющиеся русские, испанские, английские и американские буклеты, мы выяснили, что в русском языке стилистический прием анафора используется в два раза чаще, чем в английском, а в испанском его вообще можно встретить очень редко.

В слоганах английских и русских туристических буклетов часто используется прием **эллипсис**, т.е. пропуск в речи структурно-необходимого языкового элемента: *Шампанского! (Принесите, пожалуйста, шампанского!); На Мальту! (Летите отдыхать на Мальту!); Каникулы на острове Бали (*

Проведите каникулы на острове Балу);...the adventure starts here! Ibiza 2014 !!!; And ... a better family package! MouzenidisTravel; Following...the red power! Chanel. Неполнота конструкций влияет на смысл предложения, то есть она делает их двусмысленными. Для того, чтобы понять смысл такого высказывания, нужно знать, что имеет ввиду автор рекламного текста. В результате лексической неполноты высказывания мы видим урезанность синтаксической конструкции, что может быть оправдано семантическим фоном, который возник благодаря целостной лексической системе. В текстах русских туристических буклетов редко можно встретить неполноту, но все же она встречается, так как она делает нашу речь более живой, удобной и естественной, а текст туристического буклета всегда должен быть живым.

Очень богатыми на метафоры и эпитеты оказались все рассматриваемые нами языки. Несколько примеров эпитетов англоязычной и испаноязычной рекламы: *Sweet colour, Soft Black, Floral mood, Daily jungle* (реклама коллекции одежды Т. Petitz), *Denim rock, Big big blue, Contemporary navy* (реклама коллекции одежды М. Rinaldi); *El color al poder. Mango.* Метафоры в испаноязычной рекламе: *La naturaleza necesita nuestra ayuda; Tiempo para brillar; La primavera de free spirit; Para vestir te divina. Cuerpo de sirena Bruno Vassari*. В русскоязычной: «*МедиаМаркт*»: *Фантастичи цены на юг не улетают!*; *ОКЕЙ 10 лет. Мы проводим канутистик! Канутистик по 4, 90!*; *База отдыха «Обломов». – здесь даже время ленится...; Canon : Лови момент! Конкурс на Foto.ru.*

Довольно часто используется **апелляция к близкому клиенту образу**, имеющему сходство/связь с рекламируемым предметом – имплицитный аргумент в пользу предмета рекламы: *«Лошадки» в кредит* (Банк Возрождение) – реклама автокредита. *Поймай жука!* «Volkswagen» (реклама отсылает к названию насекомого, которое созвучно названию модели этой машины).

Рекламные тексты преследуют определенную цель: убедить кого бы то ни было в преимуществах рекламируемого товара. Коммуникативная установка рекламных текстов – убеждение, воздействие. Этой задаче – убедить, разрекламировать, продвинуть идею, товар – и подчинена вся стилистика рекламных текстов.

Доминантной чертой воздействия рекламных слоганов является «создание положительного эмоционального фона, образа компании, реальные качества товаров уступают место конкуренции имиджем компаний и основой этого выступает эмоциональная лексика, обладающая положительной семантикой или же приобретающая положительную контекстуальную коннотацию» [6; с. 155]. Яркая оценочность, эмоциональность, экспрессивный потенциал языковых средств в рекламе находятся во взаимодействии с невербальными элементами, что приводит к реализации положительного прагматического эффекта и позволяет реализовать объемный многоканальный принцип передачи информации. Мы рассмотрели основные стилистические средства, встречающиеся в рекламных текстах на русском, английском и испанском языках и выявили, что самыми популярными среди них выступают метафора, эпитет, аллюзия, антитеза, гипербола.

Занимая в ряду языковых единиц наивысшую позицию, рекламный текст рассматривается как основная единица коммуникации, содержащая полноценную информацию, структурно организованная и подчиненная единой задаче – коммуникативной потребности человека, он предстает как интеграция единиц всех

уровней языка, совокупность, структурных, семантических и стилистических характеристик, подчиненных прагматической установке, отражает культурные доминанты того народа, на языке которого он создан.

Библиографический список

1. Картленд Б., Уильям А. Современная реклама. Тольятти, 1995. 255 с.
2. Катернюк А.В. Практическая реклама. Ростов-на-Дону: Феникс, 2008. 429 с.
3. Кохтев Н.Н. Реклама: Искусство слова: Рекомендации для составителей рекламных текстов. М., 1997. 96 с.
4. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М. : Гнозис, 2003. 280 с.
5. Маклюэн М. Понимание медиа. М. : Кучково поле, 2011. 435 с.
6. Назайкин А. Н. Эффективный рекламный текст в СМИ. М. : МГУ, 2011. 480 с.
7. Мухин А.Н. Эстетические, символические и хроматические коды в рекламе и искусстве. М.: Факультет журналистики МГУ, 2011. 138 с.
8. Тарасов Е.Ф. Лингвистическая прагматика. М.: Наука, 1974. 380 с.
9. Типугин И. Стилистические особенности русского бизнеса. М.: 2007. № 19. С. 31-34.

References

1. Cartland B., William A. Modern advertising Tolyatti, 1995 . 255 p.
2. Katernyuk A.V. Practical advertising. Rostov-on-Don: Phoenix, 2008. 429 p.
3. Kokhtev N.N. Advertising: The Art of Words: Guidelines for Compilers advertising texts. M., 1997. 96p.
4. Makarov M.L. Fundamentals of the theory of discourse. M.: Gnosis, 2003. 280 p.
5. McLuhan M. Understanding Media . M.: Kuchkovo pole, 2011 . 435 p.
6. Nazaykin A.N. Effective advertising copy in the media. M.: Moscow State University, 2011. 480p.
7. Mukhin A. Aesthetic, symbolic and chromatic codes in advertising and art. M.: Faculty of Journalist, 2011. 138 p.
8. Tarasov E.F. Linguistic pragmatics. M.: Nauka, 1974. 380 p.
9. Tipugin I. Stylistic features of Russian business. M.: 2007. № 19. Pp. 31-34.

КОНЦЕПТОЛОГИЯ CONCEPTS STUDIES

УДК 801.3=82(045/046):26

*Воронежский
архитектурно-строительный университет
Канд. филол. наук, доц. кафедры русского
языка и межкультурной коммуникации
Бугакова Н.Б.
Россия, г. Воронеж, тел. +7(473)271-50-48;
e-mail: ya_witch@mail.ru*

*Voronezh State University of Architecture
and Civil Engineering
The chair of Russian language and cross-
cultural communication, candidate of
philological sciences, associate professor
Bugakova N.B.
Russia, Voronezh, tel. +7(473) 271-50-48;
e-mail: ya_witch@mail.ru*

Н.Б. Бугакова

ОСОБЕННОСТИ АВТОРСКОГО ВОСПРИЯТИЯ КЛЮЧЕВЫХ ОБРАЗОВ В ЭПОПЕЕ И.С. ШМЕЛЕВА «СОЛНЦЕ МЕРТВЫХ»

В данном исследовании нами преследовалась цель выявить способы языковой репрезентации образа солнца в эпопее И.С. Шмелева «Солнце мертвых». Нами были отобраны и классифицированы наиболее часто используемые лексические средства, при помощи которых вербализуется образ солнца в анализируемом произведении.

Ключевые слова: образ, репрезентация, вербализация, солнце.

N.B. Bugakova

PECULIARITIES OF THE AUTHOR'S PERCEPTION OF THE KEY IMAGES IN THE EPIC OF I.S. SHMELEV «THE DEAD'S SUN»

In this study we were trying to identify the ways of language representation of the image of the sun in the epic of I.S. Shmelev «The Dead's Sun». We have selected and classified the most frequently used lexical resources by which are verbalized the image of the sun in the work under research.

Key words: image, representation, verbalization, the sun.

«Среди зарубежных русских писателей Иван Сергеевич Шмелев самый русский», – так говорили о нем Иван Бунин, Константин Бальмонт, Иван Ильин. И на родине, и в вынужденной эмиграции Иван Шмелев писал «только о России, о русском человеке, о его душе и сердце, о его страданиях» [4; с. 46]. Во время революции Шмелев уехал с семьей в Алушту, где купил дом с участком земли. Осенью 1920 года Крым был занят красными частями. Единственный сын Шмелева, Сергей как офицер царской армии арестован и без суда расстрелян. Ужасы массовой резни, устроенной большевиками в Крыму в 1920-21, привели Шмелева к тяжелой депрессии [2; с. 107]. В ноябре 1922 он выехал в Берлин, а с 1923 жил в Париже.

Картина гибели всего живого в Крыму в период красного террора открывается в эпопее «Солнце мертвых» (1924), рисующей торжество зла, голод, бандитизм, постепенную утрату людьми человеческого облика [7].

Эпопея «Солнце мертвых», – безусловно, одна из самых трагических книг за всю историю человечества. История одичания людей в братоубийственной Гражданской войне написана не просто свидетелем событий, а выдающимся русским писателем, может быть, одним из самых крупных писателей XX века [1; с. 109]. Эпопея создавалась в марте-сентябре 1923 года в Париже и у Буниных, в Грассе. На калейдоскоп страшных впечатлений должна была лечь траурная тень личной трагедии. В «Солнце мертвых» о погибшем сыне не говорится, но именно глубокая человеческая боль, которую Шмелев не мог унять даже выстраданным словом, придает всему повествованию особую масштабность. Многие знаменитые писатели, а среди них Томас Манн, Герхард Гауптман, Сельма Лагерлеф, считали «Солнце мертвых» самым сильным из созданного Шмелевым. Критики Николай Кульман, Петр Пильский, Юлий Айхенвальд, Владимир Ладыженский, Александр Амфитеатров встретили шмелевскую эпопею восторженными откликами [3; с. 224]. Но, пожалуй, наиболее проникновенно написал о «Солнце мертвых» прекрасный прозаик Иван Лукаш: «Эта замечательная книга вышла в свет и хлынула, как откровение, на всю Европу, лихорадочно переводится на “большие” языки... Читал ее за полночь, задыхаясь. О чем книга И. С. Шмелева? О смерти русского человека и русской земли. О смерти русских трав и зверей, русских садов и русского неба. О смерти русского солнца. О смерти всей вселенной, – когда умерла Россия – о мертвом солнце мертвых...» [7]. Несмотря на ужас пережитого, Шмелев против русского человека не озлобился, хотя жизнь «новую» проклял. Но и там, под чужим небом, желал упокоиться в России, в любимой им Москве. Творчество Шмелева, его память освещает солнце – вечно живое солнце русского страдания и русского подвижничества.

Задачей данного исследования является рассмотрение способов языковой репрезентации образа солнца в произведении И.С. Шмелева «Солнце мертвых».

В русском языке солнце – это «величайшее, самосветное и срединное тело нашей вселенной, господствующее силою тяготения, светом и теплом над всеми земными мирами, планетами» [6], то есть «раскаленное плазменное тело шарообразной формы, вокруг которого обращается Земля и другие планеты» [5]. Также под словом солнце понимается свет, тепло, излучаемые этим светилом, или то, что является источником, средоточием чего-то ценного, высокого, жизненно необходимого [5].

Проанализируем способы вербализации образа солнца в анализируемом произведении. Обратимся к примерам.

Для репрезентации образа солнца автором используется непосредственно лексема *солнце*:

«Солнце как будто светит, но это не наше солнце... – подводный какой-то свет, бледной жести» [8; с. 14]. Вербализован когнитивный признак «чужое, неживое».

«Мои лохмотья... Последние годы жизни, последние дни – на них последняя ласка взгляда... Они не пойдут старьевщикам. Истают они под солнцем, истлеют в дождях и ветрах, на колючих кустах по балкам, по птичьим гнездам...» [8; с. 15]. Вербализован когнитивный признак «оно уничтожает».

«Правее еще – мохнатая шапка лесного Бабугана. Утрами золотится он; обычно дремуче-черен. Видны на нем щетины лесов сосновых, когда солнце плавится и дрожит за ними. Оттуда приходит дождь. Солнце туда уходит» [8; с. 16]. Вербализован когнитивный признак «изменяет свое место».

«Солнце уже высоко ходит – пора выпускать куриное семейство» [8; с. 18]. Вербализован когнитивный признак «отмеряет время».

«Это же солнце смеется, только солнце! Оно и в мертвых глазах смеется» [8; с. 22]. Вербализован когнитивный признак «не замечает чужого несчастья».

«Мертвое море здесь: не любят его веселые пароходы. Не возьмешь ни пшеницы, ни табаку, ни вина, ни шерсти... Съедено, выпито, выбито – все. Иссякло.

А солнце все пишет свои полотна!» [8; с.24]. Вербализован когнитивный признак «не замечает чужого несчастья».

«Такая вот она, пустыня!

Смеется солнце. Поигрывают тенями горы» [8; с. 26]. Вербализован когнитивный признак «умеет радоваться».

«... солнце обманывает, блеском, – еще заглядывает в душу. Поет солнце, что еще много будет праздничных дней чудесных, что вот и виноградный, «бархатный» сезон подходит, понесут веселый виноград в корзинах, зацветут виноградники цветами, осенними огнями... Всегда будет празднично-голубое море, с серебряными путями.

Умеет смеяться солнце!» [8; с. 31]. Вербализован когнитивный признак «умеет радоваться».

«Завтра будет все то же. И дальше – то же. Сиди и смотри на солнце. Жадно смотри на солнце, пока глаза не стали оловянной ложкой. Смотри на живое солнце!» [8; с. 38]. Вербализован когнитивный признак «единственно нужное».

«Какое жгучее солнце! Выше подымается, напекает. По горам жаровая дымка, начинают синеть и мерцать горы. Двигутся, ожидают. Смотрят. И солнце – плавится и играет в море» [8; с. 40]. Вербализован когнитивный признак «причиняет боль».

«Ну, посмотри на солнце... ты его любила, хоть и не знала, что это. А там вон – горы, синие какие стали! Ты и их не знала, а привыкла. А это, синее такое, большое? Это – море. Ты, маленькая, не знаешь. Ну, покажи свои глазки... Солнце! И в них солнце!.. только совсем другое – холодное и пустое. Это – солнце смерти. Как оловянная пленка – твои глаза, и солнце в них оловянное, пустое солнце. ...Я пошепчу тебе, скажу тебе тихо-тихо: солнце мое живое, прощай! А сколько теперь больших, которые знали солнце, и кто уходит во тьме!..» [8; с. 41]. Вербализован когнитивный признак «отражает смерть».

«Когда же наконец солнце потонет за Бабуганом?! Скорей бы...» [8; с. 42]. Вербализован когнитивный признак «отмеряет время».

«Слепящее солнце стоит еще высоко над раскаленной стеной Куш-Каи, зноем курятся горы» [8; с. 51]. Вербализован когнитивный признак «причиняет боль».

«Приглядывается солнце, помнит: Баба-Яга в ступе свое несется, пестом погоняет, помелом след замечает... Солнце все сказки помнит... Вписывает в себя. Придет время – прочтется» [8; с. 51]. Вербализован когнитивный признак «вечное».

«– А который теперь час, доктор?

– Декрет! – пугливо-строго говорит доктор и поднимает черный от грязи палец. – Часы теперь строго воспрещены, буржуазный предрассудок!... но я и без часов могу, потому что читал когда-то Жюль Верна...

Он прищуривается на солнце, растопыривает пальцы и глядит в развилку» [8; с. 55]. Вербализован когнитивный признак «отмеряет время».

«...вам, как и всем кругом, – голод, и страх, и смерть. Какой же погост огромный! И сколько солнца!» [8; с. 79]. Вербализован когнитивный признак «сопровождает смерть».

«Все накалилось, струится, млеет. Солнце все мысли плавит» [8; с. 80]. Вербализован когнитивный признак «способно уничтожать».

«Я беру ветку сухого тиса и веду по земле, мету. Где теперь планы и ... философия? Так и все. Чья-то слепая сила. Метет... И... солнце по кругу ходит. Вечно ли ходить будет... Придет и на него сила. И оно не будет ходить по кругу» [8; с. 82]. Вербализован когнитивный признак «оно не вечно».

«Да когда же накроет ночь это ликующее кладбище?! Солнце остановилось над Бабуганом, не уходит. Не насмотрелось. Смотри, смотри... Нет, западает солнце. Судакские цепи золотятся вечерним плеском... Заходит солнце за Бабуган, горит щетина лесов сосновых» [8; с. 82]. Вербализован когнитивный признак «отмеряет время».

Для вербализации образа солнца автором исследуемого произведения, помимо лексемы *солнце*, используются также производные данной лексемы. Так, например, лексема *солнышко*, образованная при помощи уменьшительно-ласкательного суффикса:

«... сидит тупорылый парень с красной звездой на шапке, зыкает-сторожит подвалы:

– Эй! Отходи подале!..

И на штыке солнышко играет» [8; с. 23]. Вербализован когнитивный признак «для него все равны».

Автор использует также прилагательное *солнечный*:

«... какое же может быть утро в Крыму, у моря, в начале августа?! Солнечное, конечно. Такое ослепительно-солнечное, роскошное, что больно глядеть на море: колет и бьет в глаза» [8; с. 15]. Вербализован когнитивный признак «причиняет боль».

Итак, проведя анализ языковых средств, используемых И.С. Шмелевым для репрезентации образа солнца в эпопее «Солнце мертвых», мы можем сделать вывод, что в исследуемом произведении образ солнца представлен при помощи лексем *солнце*, *солнышко*, *солнечный*.

Библиографический список

1. Бугакова Н.Б. Актуализация концепта «Великий пост» в языковой картине мира И.С. Шмелева // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета серии «Лингвистика и межкультурная коммуникация», 2012. №8. С. 109.
2. Бугакова Н.Б. К вопросу об индивидуально-авторской специфике лексической объективации религиозных концептов в романе И.С. Шмелева «Лето Господне» // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета серии «Лингвистика и межкультурная коммуникация», 2013. №11. С. 107.
3. Подвигина Н.Б. Специфика языковой картины мира И.С. Шмелева // Современная филология в контексте взаимодействия языков и культур: Сборник материалов международной научно-практической конференции. Стерлитамак, 2011. С. 224.
4. Подвигина Н.Б. Индивидуально-авторское своеобразие языковой картины мира И.С. Шмелева (на материале религиозной лексики произведения «Лето Господне») / Н.Б. Подвигина // дисс. ... канд. филол. наук, Воронеж, 2010. С. 46.
5. Солнце // Словарь Ожегова [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ozhegov.com/words/33637.shtml> (дата обращения: 20.09.2014).
6. Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля [Электронный ресурс]. URL: <http://slovari.yandex.ru/> (дата обращения: 20.09.2014).
7. Хронос. Всемирная история в интернете [Электронный ресурс]. URL: http://www.hrono.ru/biograf/bio_sh/shmelev_is.php (дата обращения: 20.09.2014).
8. Шмелев И. С. Солнце мертвых. М.: Вече, 2007. 384 с.
9. Шмелев И.С. Солнце мертвых // Большая библиотека [Электронный ресурс]. URL: <http://tululu.org/read75045/2/> (дата обращения: 20.09.2014).

References

1. Bugakova N.B. Actualization of the concept of «Lent» in I.S. Shmelev's language picture of the world // Scientific Herald of the Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering. Series «Linguistics and Intercultural Communication», 2012. №8. P. 109.
2. Bugakova N.B. On the specifics of the individual author lexical objectification of religious concepts in the I.S. Shmelev's novel «Summer of the Lord» // Scientific Herald of the Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering. Series «Linguistics and Intercultural Communication», 2013. №11. P. 107.
3. Podvigina N.B. Specificity of the linguistic picture of the I.S. Shmelev's world // Modern Philology in the context of the interaction of language and culture: Proceedings of the international scientific-practical conference. Sterlitamak, 2011 P. 224.
4. Podvigina N.B. Author's originality of linguistic picture of the world of I.S. Shmelev (on the basis of religious vocabulary work «Summer of the Lord») // diss. ... Candidate of Philology, Voronezh, 2010, P. 46.
5. Sun // Ozhegov Dictionary [electronic resource]. URL: <http://www.ozhegov.com/words/33637.shtml> (date accessed: 09/20/2014).
6. Explanatory Dictionary of Russian Language by V.I. Dahl [electronic resource]. URL: <http://slovari.yandex.ru/> (date accessed: 20/09/2014).
7. Chronos. World History in the Internet [electronic resource]. URL: http://www.hrono.ru/biograf/bio_sh/shmelev_is.php (date accessed: 09/20/2014).
8. Shmelev I.S. The Dead's Sun. M.: Veche, 2007. 384 p.
9. Shmelev I.S. The Dead's Sun // Large library [electronic resource]. URL: <http://tululu.org/read75045/2/> (date accessed: 20/09/2014).

Правила оформления статей в Научном Вестнике

Уважаемые авторы, пожалуйста, следуйте правилам оформления статей для опубликования в Научном Вестнике.

Статьи представляются в электронном виде. Объем статей должен составлять не менее 4 и не более 10 страниц формата А4. Статья должна включать:

1) УДК;

2) Сведения об авторах на русском и английском языках (оформляются в виде таблицы без видимых границ, шрифт Times New Roman высотой 12, курсив): место работы, должность, ученая степень (если есть), фамилия и инициалы, страна, город, телефон;

3) Инициалы и фамилии авторов (шрифт Times New Roman высотой 12, обычный, выравнивание по центру);

4) Название статьи на русском и английском языках (шрифт Times New Roman высотой 12, жирный, прописные буквы, выравнивание по центру, переносы не допускаются);

5) Аннотацию на русском и английском языках (шрифт Times New Roman высотой 10, выравнивание по ширине);

6) Ключевые слова на русском и английском языках (шрифт Times New Roman высотой 10, выравнивание по ширине);

7) Основной текст (шрифт Times New Roman высотой 12 пунктов с одинарным интервалом);

8) Библиографический список на русском и английском языках (шрифт Times New Roman высотой 12 пунктов).

Поля слева и справа – по 2 см, снизу и сверху – по 2 см. **Выравнивание текста – по ширине.** Для обеспечения однородности стиля не подчеркивайте текст. Отступ первой строки абзаца – 1 см. Не допускается для оформления статьи использовать Open Office. Просим, при наборе текста используйте клавишу «ПРОБЕЛ» только по основному назначению – для отделения одного слова от другого, для этого достаточно нажать клавишу «Пробел» **1 раз**. Пожалуйста, не используйте клавишу «Пробел» для создания абзацных отступов (используйте меню «Абзац» на панели инструментов), а также для выравнивания текста (для этого используйте функцию «Выровнять по ширине» на панели инструментов).

Иллюстрации выполняются в векторном формате в графическом редакторе Corel Draw либо в любом из графических приложений MS Office. Графики, рисунки и фотографии монтируются в тексте после первого упоминания о них в удобном для автора виде. Название иллюстраций (10 пт., обычный) дается под ними по центру после слова **Рис.** с порядковым номером (10 пт., обычный). Если рисунок в тексте один, номер не ставится. Точка после подписи не ставится. Между подписью к рисунку и текстом – 1 интервал.

Все рисунки и фотографии должны иметь хороший контраст и разрешение не менее 300 dpi. Избегайте тонких линий в графиках (толщина линий должна быть не менее 0,2 мм).

Рисунки в виде ксерокопий из книг и журналов, а также плохо отсканированные не принимаются.

Слово **Таблица** с порядковым номером размещается по правому краю. На следующей строке приводится название таблицы (выравнивание по центру без отступа)

без точки в конце. После таблицы - пробел в 1 интервал. Единственная в статье таблица не нумеруется.

Ссылки на литературные источники в тексте заключаются в **квадратные скобки [1; с. 54-67]** с указанием страниц.

Библиографический список приводится после текста статьи на русском и английском языках в соответствии с требованиями ГОСТа. После слов **Библиографический список** точка или двоеточие **не ставятся**. *Шрифт 12 пт., обычный, выравнивание по ширине страницы, красная строка 1 см.* **Оформлять в алфавитном порядке библиографический список необходимо по ГОСТу Р 7.05-2008.**

В одном номере публикуются не более двух статей одного автора.

С уважением, редакционная коллегия серии

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК 811.161.1 ББК 81.2 Рус-5

<i>Гуманитарный институт филиала Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова в г. Северодвинске канд. филол. наук, ст. преп. кафедры языкознания Морозова Н.С. Россия, г. Северодвинск, тел. +7(88182)53-84- 00 e-mail: morozovanadegda@mail.ru</i>	<i>Institute of Humanities of Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (branch in Severodvinsk) The department of linguistics, PhD, senior lecturer Morozova N.S. Russia, Severodvinsk, +7(88182)53-84-00 e-mail: morozovanadegda@mail.ru</i>
--	--

Н.С. Морозова

ОБРАЗ ПЕРВОГО СНЕГА В РУССКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ МИРА

В статье рассматривается один из значимых фрагментов русской художественной картины мира – первый снег. На материале поэзии XIX – начала XXI вв. выявляются образы, созданные по моделям «*первый снег как объект, обладающий определенными признаками*» и «*некий объект как первый снег*», тем самым устанавливается эстетическое значение сочетания *первый снег* и определяется круг реалий, при описании которых актуализируется образ первого снега.

Ключевые слова: художественная модель мира, художественный образ, художественная концептуализация, признаки образа, повторяющееся поэтическое сочетание.

N.S. Morozova

IMAGE OF THE FIRST SNOW IN RUSSIAN POETIC MODEL OF THE WORLD

The article deals with one of the important fragment of Russian aesthetic picture of the world – the first snow. The images created according to the models «*the first snow as an object having certain features*» and «*an object like the first snow*» are described on the basis of poetry from the 19th to the early 21th c. It helps to reveal

the aesthetic meaning of «the first snow» and to determine the range of objects whose descriptions contain actualized images of the first snow.

Keywords: aesthetic picture of the world, fiction image, fiction conceptualization, image features, repeated poetis combination.

Первый снег – одно из таинств природы, красота которого волновала поэтов еще в XIX в.: его воспевали П.А. Вяземский, А.М. Жемчужников, А.П. Бунина, И.З. Суриков и др. Несомненно, певцом первого снега в русской поэзии по праву считается П.А. Вяземский, сумевший воссоздать прелесть *нежного баловня полуденной природы, сына пасмурных небес полуночной страны* [4]. Поэт не только передал красоту этого явления природы, но и смог средствами поэтического языка изобразить русскую зиму, создав классический шедевр, на что обращали внимания как его современники (А.И. Тургенев, А.С. Пушкин), так и впоследствии исследователи его творчества (Л.Я. Гинзбург, Б.С. Мейлах, К.И. Соколова и др.).

Поэтический текст содержит результаты эстетического освоения действительности, наряду с национальным языком, отражающим результаты обыденного познания мира, и наряду с научными текстами, фиксирующими результаты научного освоения мира природы и человека.

Снег является значимым фрагментом русской языковой картины мира, в силу этого снег – важный компонент художественной модели мира: образы снега, метели, снегопада присутствуют в творчестве многих авторов XVIII – начала XXI вв., о чем говорят более 8 тысяч контекстов, выявленных методом сплошной выборки из произведений русских поэтов. Особое место среди всего корпуса «снежного» поэтического материала составляют контексты, целые произведения, в которых создан образ первого снега. Постоянное обращение поэтов разных эпох и различных эстетических взглядов к данному образу дает основание предположить, что первый снег (как явление природы) обладает особым эстетическим и символическим смыслом.

Материалом для данного исследования послужили контексты, в которых использованы сочетания *первый снег*, *первый снежок*, *первый снегопад*, *первые сугробы*, *первая пороша*. Наблюдения над контекстуальным окружением названных сочетаний позволяют определить особенности художественной концептуализации первого снега как фрагмента действительности и тем самым установить, какие новые значения появляются у образа первого снега на каждом этапе развития русской поэзии. Так, в этом аспекте рассмотрены контексты, в которых созданы образы по модели «*первый снег как объект, обладающий определенными признаками*». Под признаками в данной модели понимаются как различные физические проявления первого снегопада («мелкий», «мокрый», «утренний» и пр.), так и художественные признаки, представляющие особые ассоциативные связи, которые возникают в поэтическом сознании авторов при виде снега (например, первый снег как напоминание о каких-либо событиях в жизни человека). Кроме того, привлечение большого корпуса текстов XIX – начала XXI вв. делает возможным определить круг объектов, в эстетическом осмыслении которых актуализируются признаки первого снега и в описании которых используется сочетание *первый снег* в роли предмета сравнения. В этом направлении проанализированы контексты, в которых реализуется модель образа «*некий объект как первый снег*».

Среди названных выше сочетаний регулярность употребления характерна для синтагмы *первый снег*, что подтверждается использованием его в функции заглавия произведений поэтов разных эпох: П.А. Вяземского, А.М. Жемчужникова, С.А. Есенина, В. Брюсова, Б.Л. Пастернака, А. Вознесенского, Н. Рубцова, Л. Мартынова, Т. Алферовой, В. Осипова, В. Шнейдера и др. Кроме того, сочетание *первый снег* наряду с названными синтагмами отличается большей частотой употребления. Эти условия

позволяют отнести синтагму *первый снег* к повторяющимся поэтическим сочетаниям, под которыми мы понимаем элементы общей системы поэтического языка, совпадающие у разных авторов, вычлененные из поэтического текста единицы, которые не утрачивают своей экспрессивности при неоднократном использовании поэтами, принадлежащими к одному или разным поколениям.

Анализ материала показал, что сочетание *первый снег* функционирует в русских поэтических текстах с различной контекстуально-смысловой нагрузкой. Заметим, что в нашем материале практически не встретились контексты из произведений XVIII в., что объясняется типом художественного мышления того времени – господством монументализма и масштабности. Это в свою очередь проявляется и в незначительном количестве произведений с описанием пейзажей, в том числе – зимних. Заметим, что для поэзии XVII в. характерна статичность в изображении природы, тогда как первый снег (в реальном мире и в художественной его модели) – это мимолетное, порой быстро исчезающее явление погоды.

Обозначим группы контекстов, в которых созданы образы по модели «*первый снег как объект, обладающий определенными признаками*». В первую очередь к этой группе относятся контексты, в которых эстетическое значение синтагмы *первый снег* совпадает с узуальным значением составляющих ее единиц *первый* и *снег* в национальном языке. Например, *Поникли тополя. / Ложится первый снег. Пусты поля...* (Г. Адамович), *Завершился листопад, / Первый снег упал на крыши* (Л. Мартынов), *Уж мороз серебром темный лес разукрашивал,*

Подмерзала земля и снежок, / Первый, мягкий снежок припорошивал (Д. Бедный), *Первый снег плотину ярко выбелил* (А. Тимирева), *Выпал за окнами первый снежок, / Блекнет закат, догорая...* (М. Светлов), *Первый снег сапог хватает* (О. Фокина), *Три алые розы на первом снегу / У края лежат тротуара. / Их кто-то швырнул на ходу, на бегу. / Три искры ночного пожара* (И. Николукин) и др. В ряде случаев снег, являясь предметом изображения, становится и объектом эстетического осмысления. Сравнивая первый снег с каким-либо предметом из мира человека или с объектом природы, поэты подчеркивают различные оттенки проявления этого погодного состояния. Например, *Ручей прозрачный / Замедлит свой журчащий бег. / И на него фатой брачной / Небрежно ляжет первый снег* (К. Фофанов); *Я по первому снегу бреду <...> / Может, вместо зимы на полях, / Это лебеди сели на луг* (С. Есенин). Сравнение снега в первом случае с фатой, а во втором – с лебедями создает картину легкого, прозрачного, неплотного слоя, покрывающего воду, и картину темной земли, неравномерно покрытой белым снегом.

Кроме того, в эстетическом описании первого снега в текстах XX в. встречаются атрибутивы с общим значением «характеристика человека», которые, с одной стороны, передают особенности падения первого снега, создавая неповторимый образ, а с другой – выражают эмоции, чувства и ощущения, появляющиеся у лирического героя в эту погоду. И в этом случае образное осмысление первого снегопада различно. Например, *То идет он сверху вниз, / то снизу вверх – / озабоченный, растерянный, / чудной... / Я прекрасно понимаю / первый снег, / потому что так же было и со мной. / Время встало. / А потом пошло назад!* (Р. Рождественский), *Первым злым / Колючим снегом / Дрожит озябшая земля – / Зима жестоким печенегом / Пришла на мирные поля* (А. Жигулин), *На нашей долгой бытности / Казалось нам не раз, / Что снег идет из скрытности / И для отвода глаз. / Утайщик нераскаянный, – / Под белой бахромой / Как часто вас с окраины / Он разводил домой!* (Б. Пастернак).

Итак, к группе контекстов, в которых созданы образы по модели «*первый снег как объект, обладающий определенными признаками*», относятся контексты,

актуализирующие физические явления этого погодного состояния (*мягкий, пушистый, белый* и пр.), а также передающие их эмоциональное восприятие лирическим героем (*злой, озабоченный, растерянный*). Выдвижение тезиса о значимости образа первого снега для русской поэтической модели мира требует рассмотрения жизни образа в текстах XIX – начала XXI вв. в эволюционном аспекте, что дает возможность установить, как менялось значение образа, как и когда у него появились новые смыслы.

Обозначим контексты, в которых созданы образы по модели «*первый снег как объект, обладающий определенными признаками*», составляющие группу с актуализацией ассоциативных связей образа снега. Так, достаточно устойчивым для поэтического сознания русских авторов является осмысление первого снега как «погодного явления, напоминающего о чем-либо важном или связанного со значимыми событиями в жизни лирического героя (и его автора)». Например, *Живо вспомнил я старое время, / Поздней осенью первый снежок, / И темнеющий сумрак вечерний, / И в окошке твоём огонек* (Л. Пальмин), *Ловит память тонким клювом / Первый снег и первопуток* (С. Есенин), *Сегодня мне немного непривычно, / Вокруг бело. И около Карпат / Такая тишь, которая обычно / Бывает только в первый снегопад <...> / Но каждый видит памятные дали / И первый снег, упавший на село* (К. Ваншенкин), *Очень гордая, / сама пришла ко мне, / равнодушие, обидное стерпя. / На твоих ресницах / тает первый снег...* (Р. Рождественский), *Пусть падают листки календаря, / пусть будет долог жизненный твой путь. / Но день двадцать шестого октября, / но первый снег его – забудь, / совсем забудь. / Как не было...* (О. Берггольц), *Погода напомнила / Осень в Тайшете / И первый на шпалах / Колючий снежок* (А. Жигулин), *Первый снег мне былое напомнил / О судьбе, о земле, о Тебе, / Я оделся и вышел из комнат / Успокаивать горе в ходьбе* (Б. Поплавский), *О как легко плеча плечо / Касалось той поры <...> / Стелила свежий первый снег / Нам улица одна <...> / Еще идет там первый снег, / Есть улица одна, / И мы увидим белый свет / Из одного окна* (Л. Мочалов).

Другим доминирующим художественным признаком выражения эстетического значения образа первого снега является «особое эмоциональное состояние, которое появляется у лирического героя при любовании этой погодой». Впервые в русской поэзии своим восторгом при виде первого снега поделился с читателями П.А. Вяземский: *Приветствую душой и песнью первый снег* («Первый снег», 1819 г.). Запечатлеть исчезающую мимолетную красоту первого снега стремился А.М. Жемчужников в стихотворении «Первый снег» (1888 г.): *Так первый снег мне этот мил! / Скорей подметить! Он победу / Уступит солнечному дню; / И к деревенскому обеду / Уж я всего не оценю.*

Этот оттенок эстетического значения образа первого снега является актуальным для авторов на протяжении всего XX и начала XXI вв.: *Я по первому снегу бреду. / В сердце ландыши вспыхнувших сил* (С. Есенин), *Счастлив видеть первый снег, / Стройных сосен колоннаду* (К. Ваншенкин), *А нынче, землю веселя, / Упала первая пороша* (Н. Браун), *По первому снегу так хочется ехать куда-то, / чтоб ночь, и вокзал, и билеты с проставленной датой, / но без указания станции – / вперед, наугад, что достанется* (Т. Алферова), [О первом снеге. – Н.М.] *<...> Снег прикрыл только ворохи бурой листвы, / А зеленых трав – не осилил. / С новым снегом становится кровь горячей / И смелей для пьянящего шага. / Черной жилкой пульсирует нервный ручей / В побелевшей бездне оврага. / С первым снегом тебя!* (А. Бобров).

Особенно ярко эмоциональное восприятие первого снега проявилось в произведении Д. Самойлова, где создана трогательная картина первого снегопада, который настолько гармоничен внутреннему миру героя, что у него при виде первого снега создается впечатление встречи с родственной душой: *Рано утром почувался снег. /*

Он не падал. Он лишь намечался. / А потом полетел, заметался. / Было чувство, что вдруг повстречался / По дороге родной человек. / А ведь это был попросту снег – / Первый снег и пейзаж Подмосковья.

В эту же группу контекстов вошли те, в которых образ первого снега связывается с творческим настроением героя, воспринимающего первый снег как время поэтического вдохновения. Заметим, что данный оттенок значения образа актуален лишь для современных авторов. Например, *Стихи идут по первому снежку* (Н. Горбаневская), *На белый лист строка ложится, / На белый лист. / А в небе первый снег кружится, Безгрешно чист. / Он до земли не долетает, / Неуследим. / И с ним душа моя витает / Над сном твоим* (В. Халупович).

Материал показал, что в поэзии XX в. за счет актуализации узуального значения прилагательного *первый* «первоначальный, ранний, происходящий ранее всех других» [3] образ первого снега приобретает еще одно значение. Семантика слова *первый* обуславливает «прочтение» этого образа в связи с общефилософской категорией начала, а сочетание *первый снег* приобретает символическое значение «начала чего-либо». Например, в стихотворении О. Берггольц образ первого снега актуализируется при описании первых (в прямом и переносном значении) шагов в жизни человека: *Точно детство вернулось и – в школу. / Завтрак, валенки, воробьи... / Это первый снег. Это первый холод / губы стягивают мои <...> / Точно первый снег, / первый шаг у дочки, / удивительный в октябре* (О. Берггольц). В стихотворении Е. Евтушенко образ первого снега появляется при осмыслении важных этапов жизни человека. Снег наделяется индивидуализированным значением: «у каждого свой первый снег (каждый по-своему воспринимает его)»: *И если умирает человек, / с ним умирает первый его снег, / и первый поцелуй, и первый бой... / все это забирает он с собой*. Повторение слова *первый* в сочетании со словами *снег, поцелуй, бой* в контексте этих строк позволяет интерпретировать данные субстантивы как обозначение понятий «начало жизни», «любовь», «борьба» – важные составляющие пути человека. Кроме того, в ряду *первый снег, первый поцелуй, первый бой* слово *снег* занимает особое положение: он открывает данный ряд и, обозначая в действительности часть природы, а не жизни человека, благодаря контекстуальному окружению приобретает символическое значение «всего первого, что произошло в жизни человека».

Так, у поэтического сочетания *первый снег* к концу XX в. постепенно расширяется контекстуальное окружение, которое формирует новые обертоны смысла. Образ первого снега на каждом следующем витке развития русской поэзии обогащается текстовыми семантическими приращениями, которые естественно связаны с многообразием поэтических индивидуально-авторских систем.

Второй аспект анализа полученного материала состоит в выявлении круга реалий, объектов, в эстетическом осмыслении которых актуализируется первый снег, его концептуальные признаки. В этом направлении проанализированы контексты, в которых реализуется модель образа «некий объект как первый снег».

В поэзии XIX в. природная белизна снега устойчиво актуализируется при описании цвета кожи: *спрыгнув с коня ретивого, / Точно первый снег бела, / Без рыданий к мужу мертвому / Василиса подошла* (И. Суриков), *Как первый снег та длань бела* (В. Кюхельбекер), седины: *Ветр власы его взвеваает, / Белые, как первый снег!* (А. Бунина), в конце XIX в. при описании небесного тела: *<...> светлая лазури высота / Горит незыблемо над нами. / И тусклая луна, бледна как первый снег / В лучах вечернего заката, бледна как первый снег* (К. Фофанов).

Для поэтического языка рубежа XIX – XX вв. характерны открытия новых метафорических возможностей поэтического слова, это время изменения

семантического строя, структуры поэтического образа; период активного освоения новых пластов лексики [1], эпоха «глубокой трансформации образного мышления в эстетическом сознании России» [2]. Эти тенденции развития поэтического языка проявились и в функционировании сочетания *первый снег*. Например, новым, неожиданным для языка поэзии стало сравнение звучания голоса смеющегося человека с первым снегом: *И серый глаз светлей воды с колодца, / И смех свежей, чем первый белый снег...* В этом случае актуализируется не только природный цвет снега, но и та прохлада, которая возникает в воздухе при первом снеге. Тем самым создается образ на основе синестезии: в передаче впечатлений от смеха (особого звука, издаваемого человеком) совмещаются признаки снега «цвет» и «холод».

Заметим, что названные черты поэтического языка сохранились на протяжении всего XX в.: образ первого снега актуализируется при описании человека, его внутреннего мира, душевного состояния. Например, *И тает первый снег / На сердце у меня* (А. Межиров). Обстоятельный компонент *на сердце* в конструкции *тает первый снег на сердце* дополняет содержание образа первого снега: в данном случае сочетание *первый снег* обозначает внутренний, эмоциональный холод, который был вызван событиями в жизни героя. Интересным представляется функционирование в этих строках глагола *тает*. С одной стороны, он актуализирует концептуальный признак снега как вида атмосферных осадков – свойство «превращаться в жидкое состояние под действием тепла», а с другой стороны, благодаря соседству с сочетанием *на сердце* приобретает переносное значение «исчезать, постепенно сокращаясь, прекращаясь» [3]. В строках Ю. Кузнецова *Выхожу – а девушка смеется, / Весело смеется у ворот. / Вся она, как легкая пушинка. / И душой чиста, как первый снег* при создании образа невинно чистой девушки актуализируется признак белизны первого снега. Заметим, что такое осмысление белого цвета снега к этому времени становится традиционным для русской поэзии, однако в данном случае подчеркивается первозданная белизна снега, тем самым усиливается символическое значение белого цвета.

Наряду с этим образ первого снега актуализируется и при описании жизненных ситуаций. Например, *И покроется жухлая зелень / Первым снегом осенних невзгод* (А. Жигулин). В строке *первый снег осенних невзгод* синтагма *первый снег* приобретает дополнительное эстетическое значение «изменения в жизни человека и в природе, которые связаны с наступлением холодов». Генетивная метафора *снег невзгод* раскрывает комплекс ассоциаций: текучесть времени, неблагоприятные, менее всего ожидаемые нежелательные события, их близость и неизбежность.

Еще большее разнообразие художественных ассоциаций у образа первого снега находим в поэзии конца XX – начала XXI вв. Так, В. Лапшин использует образ первого снега при передаче красоты цветущей черемухи: *Он черемуху колышет. / А она-то, а она – / Снега*

первого белее. Однако более актуальным образ первого снега оказывается при описании внутреннего мира человека. Например, В. Болохов точно передает эмоциональные переживания пожилого человека, увидевшего первый снег через окно вагона: *И не одна душа / от суеты седая, / извечностью дыша, / вдруг стала молодая. <...> / Хотя была слеза – / как снег... / тот самый – первый...*

Особую философскую «пронзительность» приобретает образ первого снега в строках Е. Матусовской, передающей осмысление жизненной несправедливости при виде умирающих больных детей, осознание неизбежности ухода их из жизни: *Но тщетно к ним [Больные умирающие дети. – Н.М.] идти с вопросом. / Как первый снег, как лёгкий дым / Они уходят. И уносят / Ту тайну, что открылась им* (Е. Матусовская).

Наблюдения над контекстуально-смысловыми изменениями отдельной единицы поэтического языка (в данном случае повторяющегося поэтического сочетания) привели к интересным результатам. Так, проследив характер использования синтагмы *первый снег* в текстах русских авторов начала XIX – начала XXI вв., мы выяснили, что образ первого снега является неотъемлемой частью русской поэтической картины мира, на протяжении развития русской поэзии он обогащается новыми ассоциациями, обрастая различными смысловыми обертонами, которые в свою очередь свидетельствуют о постепенной символизации первого снега в художественном мире.

Библиографический список

1. Гинзбург Л.Я. О лирике. М.: Интрада, 1997. 415 с.
2. Келдыш В.А. Русская литература конца XIX – начала XX века как сложная целосность // Русская литература конца XIX – начала XX века. В 2 т. Т. 1. / отв. ред. В.А. Келдыш. М.: Академия, 2007. 287 с.
3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1997. 944 с.
4. Сорокина К.И. Элегия П.А. Вяземского «Первый снег» в творчестве А.С. Пушкина. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/>

References

1. Ginzburg L.Y. About lyrics. M., 1997. 415 p.
2. Keldysh V.A. Russian literature of the late 19th – early 20th c. as a complicated unity // Russian literature of the late 19th – early 20th c. in 2 vol. Vol. 1 / ed. by V.A. Keldysh. M., 2007. 287 p.
3. Ozhegov S.I., Shvedova N.Y. Russian language dictionary. M., 1997. 944 p.
4. Sorokina K.I. The elegy «The First Snow» by P.A. Vyazemsky in Pushkin»s works. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/>

Научное издание

НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

Воронежского государственного
архитектурно-строительного университета

**ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ
КОММУНИКАЦИЯ**

Выпуск №13, 2014 г.

Научный журнал

Подписано в печать _____.____.2014. Формат 60*84 1/8. Бумага писчая.
Уч.-изд. л. 17. Усл.-печ. л. 18. Тираж 500 экз. Заказ № _____

Отпечатано: отдел оперативной полиграфии издательства учебной и учебно-методической литературы Воронежского ГАСУ
394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84